

Российская академия наук
Сибирское отделение
Институт проблем освоения Севера

Комитет по культуре Администрации г. Тюмени

Н.П. Матвеева, А.В. Матвеев, В.А. Зах

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ПУТЕШЕСТВИЯ
ПО ТЮМЕНИ И ЕЕ
ОКРЕСТНОСТЯМ**

Тюмень, 1994

ББК 63.4(2-4Тю)
М 33

Матвеева Н.П., Матвеев А.В., Зах В.А. Археологические путешествия по Тюмени и ее окрестностям. Институт проблем освоения Севера СО РАН. — Тюмень, 1994. — 190 с.

Что было на месте нынешней Тюмени 400-500 лет назад? Какие народы населяли эту территорию в доисторические времена и когда здесь появились первые люди? Авторы книги — ученые, участники многих археологических экспедиций по Тюменской области — предлагают совершить вместе с ними несколько увлекательных путешествий в прошлое, чтобы найти ответы на эти вопросы.

В качестве иллюстраций использованы опубликованные и неопубликованные материалы из фондов Института проблем освоения Севера, Государственного Эрмитажа, Тюменского областного краеведческого музея и Тюменского государственного университета.

Авторы считают своим долгом выразить глубокую благодарность председателю комитета по культуре Администрации г.Тюмени А.А. Шишкину, взявшему на себя заботу о финансировании этого издания.

За помощь в работе над рукописью мы признательны сотрудникам областного краеведческого музея С.Ю. Пархимович и В.И. Семеновой, а также С.Г. Пархимовичу за любезно предоставленные неопубликованные материалы.

© Н.П. Матвеева, 1994

© А.В. Матвеев, 1994

© В.А. Зах, 1994

©ИПОС СО РАН, 1994

Что было на месте нынешней Тюмени 400-500 лет назад? Какие народы населяли эту территорию в доисторические времена и когда здесь появились первые люди? Авторы книги — ученые, участники многих археологических экспедиций по Тюменской области — предлагают совершить вместе с ними несколько увлекательных путешествий в прошлое, чтобы найти ответы на эти вопросы.

В качестве иллюстраций использованы опубликованные и неопубликованные материалы из фондов Института проблем освоения Севера, Государственного Эрмитажа, Тюменского областного краеведческого музея и Тюменского государственного университета. Авторы считают своим долгом выразить глубокую благодарность председателю комитета по культуре Администрации г. Тюмени А.А.Шишкину, взявшему на себя заботу о финансировании этого издания.

За помощь в работе над рукописью мы признательны сотрудникам областного краеведческого музея С.Ю.Пархимович и В.И. Семеновой, а также С.Г.Пархимович за любезно предоставленные неопубликованные материалы.

Приглашение к путешествию

Археология – это всегда путешествие в прошлое. И настолько далекое, что живых свидетелей его не отыскать. Оно начинается в экспедиции и продолжается значительно дольше, чем полевой сезон, - по сути дела все время, пока твои мысли заняты поисками ответов на поставленные им вопросы.

Авторы этой книги приглашают читателя совершить вместе с ним несколько таких путешествий. Их маршруты пройдут по местам, хорошо знакомым каждому жителю нашего города и его окрестностей. При этом из дня сегодняшнего путешественники перенесутся на несколько веков и даже тысячелетий назад. Там, где стоит Тюмень, росли тогда леса, но по берегам Туры, Тобола, их притоков и многочисленных озер уже стояли поселки, в которых в разные эпохи звучала разная речь.

Как и любая наука, археология немислима без открытий. Немало их сделано и в тюменской округе, земля которой с незапамятных времен хранит в своих недрах следы существования богатых и самобытных культур, многих исчезнувших и ныне существующих народов. Количеству древних курганов на этой территории не переставали в XVIII столетии удивляться ученые и путешественники – посланцы Петербургской Академии наук. Именно находки из древних захоронений на юге современной Тюменской области и прилегающих к нему районов, где тогда процветала охота за могильными сокровищами, побудили Петра I к изданию первых в истории России указов, повелевавших “всяких чинов людям” собирать все, “что зело старо и необыкновенно”. Со временем на смену кладоискательству пришел осознанный интерес к прошлому народов Сибири. Пионерами изучения древностей тюменской земли стали краеведы и ученые Н. Абрамов, А. Гейксль, К. Голодников, П. Дмитриев, П. Росомахин, Н. Скалозубов, И. Словцов, В. Чернецов и многие другие. Периодом небывалого активного поиска и исследования сосредоточенных здесь археологических объектов каменного, бронзового и железного веков стали последние десятилетия, не только развившие, но и во многом изменившие прежние представления о древнем и средневековом прошлом этого района.

Итоги проделанной археологами работы, к сожалению, известны непосвященным мало. И по сути дела впервые отражены в этой книге. Она — не путеводитель по местам доисторических поселений, хотя читатель найдет в ней схемы расположения многих памятников и их описания. Но это и не учебник, в котором сухо и беспристрастно изложены все накопленные факты. За рамками повествования осталось многое: и десятки раскопанных памятников и хорошо изученные археологические культуры. Рассказать обо всем сразу невозможно. Скорее, это приглашение в дорогу, которая сулит много новых и интересных впечатлений.

В ней читателя будут сопровождать ученые — авторы этой книги. Все они — археологи, кандидаты наук, сотрудники Института проблем освоения Севера Сибирского отделения Российской Академии наук. Каждое лето их отряды “выезжают в поле”, надеясь на новые открытия.

Не пройти мимо открытия важно уже в разведках, с которых вес начинается и благодаря которым на наших картах появляются новые памятники — поселения, городища, могильники и другие древние объекты. Не пройти — значит заметить среди деревьев и густой травы остатки давно разрушенных и надежно укрытых почвой землянок на высоком берегу реки или распознать среди неровностей вспаханного поля следы некогда стоявших на этом месте курганов. Ради этого людям нашей профессии приходится в дождь и в зной с рюкзаком за плечами, на лодке или в автомобиле покрывать многие километры нелегких разведочных маршрутов. Не пройти мимо открытия — это и качественно исследовать обнаруженный памятник, ведь, закладывая новый раскоп, каждый раз совершаешь прыжок в неизвестность. О чем он расскажет, какие загадки в себе таит? Об этом становится известно далеко не сразу. Сделать открытие возможным — это сохранить выявленные объекты для науки, для всех, кому прошлое не безразлично.

Итак, в путь! Наше путешествие начинается.

Тайны Андреевского озера

Утро того дня — одного из многих, проведенных мною в экспедиции на Большом Андреевском острове, было обычным ясным летним утром: в каплях росы на траве искрилось встающее над озером солнце, а из прибрежных зарослей слышался гомон утиных выводков. Лагерь — несколько палаток по кругу, приютившихся у самой воды, — еще спал. Что разбудило меня в этот ранний час? Прохлада, которой тянуло от озера, или ожидание чего-то необычного, что должно было случиться именно сегодня'.

Выбравшись из палатки, я поднялся на пригорок — самую высокую точку острова и остановился среди старых кряжистых сосен, откуда были прекрасно видны и озеро, и его окрестности. На востоке различались строения дачного поселка, южнее проступали контуры песчаных обрывов гидронамыва, а совсем рядом, за неглубоким проливом, заросшим камышом и аиром, чернели крыши Андреевских Юрт.

Андреевское озеро, точнее, целая озерная система", образовавшаяся в неглубокой долине древней реки, лежит неподалеку от города и включает озера Большое и Малое Андреевские, Грязное, Песьяное, Бутурлинское. Их разделяют невысокие перемычки — переимы, образованные песчаными наносами. Первая, или Козлова переимы, — граница между Большим и Малым Андреевскими озерами — находится у южной оконечности Большого острова. Вторая — расположена у дамбы и отделяет Малое Андреевское от Песьяного.

За ночь угли костра совсем остыли. Возле него еще не суетятся дежурные, обычно поднимающиеся раньше всех, чтобы приготовить завтрак. Но на раскопе уже кто-то есть.

По высоким отвалам "отработанного" грунта место раскопок заметно издалека. Но начальника нашего небольшого отряда Анатолия Панфилова, вместе с которым мы работаем не первый год, удастся разглядеть только подойдя вплотную к насыпанным кучам земли. Он тоже поднялся ни свет ни заря и уже склонился с лопатой в руках над алым охристым пятном, появившимся в раскопе еще вчера вечером. Ему, как и мне, хорошо известно, что охра — широко распространенный природный минерал — в древности очень часто использовали в культовых ритуалах, в частности, при погребении умерших. Это обещает многое, и нам не терпится продолжить работу.

Осторожно, тонкими срезами, расчищает Толя пятно, которое на фоне светлого песка не только становится все ярче и ярче, но и постепенно вытягивается в овал. Охра лежит толстым слоем, и мы уже почти уверены, что под ним — остатки одного из древнейших погребений, когда-либо обнаруженных в окрестностях Тюмени. Вдруг лопата задевает за что-то. Стоп! Дальше можно работать только шпателем и кистью. Мы опускаемся на колени и буквально через минуту в изумлении замираем. Посреди красной как кровь земли — россыпь каменных наконечников стрел и цепочка изящных шлифованных подвесок.

ЧТО ПОМНИТ ОЗЕРО?

Около полудня в один из теплых июньских дней 1883 года в кабинет директора Тюменского реального училища И.Я. Словцова, которого многие горожане знали еще и как страстного собирателя окрестных древностей, постучали. Посетитель, мужчина лет сорока с окладистой бородой, оказался местным рыбаком. Он подошел к столу, достал из-под рубахи и развернул холщовую тряпицу. На ней лежало несколько камней правильной формы, явно обработанных рукой человека. После беглого осмотра Иван Яковлевич понял, что перед ним древние наконечники стрел, искусно изготовленные из красноватой кремнистой породы. Рыбак случайно обнаружил их, когда копал землянку на южном берегу Андреевского озера. Рассказал он и о попадавшихся в земле глиняных черепках, которые, как ему показалось, вряд ли заинтересуют серьезного человека. Но Словцову, кажется, было важно все: он расспрашивал об орнаментах, о глубине, на которой встречались черепки, — но больше всего его заинтересовало, на каком участке берега сделаны находки. Было ясно, что он принял решение начать раскопки.

Спустя сто с лишним лет я иду по тому же берегу, чтобы попытаться отыскать место работ И.Я. Словцова, осмотреть памятники, в разные годы открытые и исследованные моими коллегами из Москвы, Екатеринбурга, Тюмени, и, если повезет, найти пока никому не известные. Перебравшись вброд через неглубокий проливчик между островом и Козловой переимой, направляюсь в сторону Второй переимы и озера Грязного. На Козловом мысу должны были сохраниться остатки поселка каменного века и средневекового могильника, исследовавшихся В.Н. Чернецовым и С.В. Зотовой. Но кругом только груды песка, навсегда скрывшего эти памятники. За детской железной дорогой начинается бор. В тени величественных сосен на небольших всхолмлениях хорошо заметны углубления — следы древних жилищ. Недалеко от пионерского лагеря видны валы и рвы городищ, относящихся к переходному времени от бронзового века к железнору. Малонаезженная проселочная дорога почти вплотную подступает к озеру. Слева сквозь березовую листву проглядывают небольшие плесы и слегка подернутая рябью водная гладь, справа возвышается среди сосен Андриюшин городок — средневековое городище с мощной системой укреплений.

Поселения эпохи бронзы, цитадели железного века — все это, бесспорно, впечатляет, но меня сейчас особенно привлекает конец каменного века — неолит. Из отчетов о раскопках и научных статей известно, что рядом с Андриюшиным городком находился поселок древних охотников и рыбаков, которому выдающийся советский археолог В.Н.Чернецов, исследовавший его в 50-е годы, дал очень простое название — Восьмой пункт. За прошедшие с тех пор тридцать с лишним лет, благодаря ежегодным работам археологов на озере, количество пунктов, где оказались древние поселения, значительно возросло. Их культурные слои тянутся

почти по всему побережью. Для удобства его пришлось даже разделить на отдельные участки, получившие каждый свой номер. Там, где раньше был Восьмой пункт, теперь раскинулся участок ЮАО 18, ЮАО — южный берег Андреевского озера.

А вот и следы жилищ новокаменного века. Большие и глубокие западины поросли травой и мелким кустарником. Контуры раскопа еще угадываются, но время, вода и ветер сгладили его границы. В отчете В.Н. Чернецова указана интересная деталь. Оказывается, дно раскопанной им землянки находилось ниже, чем уровень воды в озере во время раскопок. Значит, когда возводился поселок, грунтовые воды залегали глубже, чем сейчас. Возможно, в то время вместо озера по заболоченной низине петляла река, и именно возле нее, а не у озера поселились пришедшие сюда люди.

Мой путь лежит дальше. С левой стороны от дороги, ведущей через дамбу к дачному поселку, вижу слабые следы раскопа С.В. Зотовой. Она исследовала здесь девять, возможно, неолитических захоронений, одно из которых необычно. Это так называемое ярусное погребение: четверо умерших лежали в могиле друг над другом — ярусами. Сверху могильная яма была перекрыта обгоревшими (видимо, намеренно подожженными) плахами. С погребенными найдены шлифованные подвески из кости и раковины, а также костяная фигурка-амулет, изображающая, скорее всего, медведя.

Пересекая шоссе, и проселочная дорога уводит меня в сторону озера Грязного, на берегах которого заметны следы старых и недавно покинутых рыбацких землянок. Интуиция подсказывает, что где-то здесь, между Второй переймой и Козьим мысом, разделяющим Песьяное и Грязное озера, в прошлом веке вел раскопки И.Я. Слобцов. Стараясь не пропустить ни одной западины, осматриваю берег и пойму. По описанию самого исследователя, небольшой раскоп был заложен им в низкой части берега и прокопан до воды. Из вещей самыми интересными оказались кремневые наконечники стрел с выемкой на боку, сейчас называемые наконечниками кельтеминарского типа (подобные распространены на стоянках Приаралья).

К вечеру изрядно уставший, обогнув Малое Андреевское озеро, возвращаюсь в лагерь. Но прежде, чем попасть на остров, нужно вброд перейти неглубокий пролив. Вода в нем словно вобрала в себя все тепло уходящего дня. Озеро успокоилось. Вдалеке рыбаки жгут костры, отпугивая появившихся комаров, варят уху. Следов раскопа И. Слобцова я, к сожалению, не нашел. Однако и это небольшое путешествие по памятникам Андреевского озера дает богатую пищу для размышлений.

Это озеро всегда привлекало людей. Его берега — кладезь древних культур, донесенных до наших дней в сотнях археологических памятников. Сегодня я побывал лишь на некоторых из них, на тех, что наиболее известны. Но с каждым новым полевым сезоном их список пополняется. Открыты и изучены замечательные поселения каменного века, эпохи ранней бронзы, средневековое святилище. Их материалы важны не только для изучения древней истории тюменской округи. Обилие археологических памятников, мощный культурный слой делают Андреевское озеро уникальным явлением не только в сибирской, но и в мировой археологии.

МОЕ "ОТКРЫТИЕ" ЗАУРАЛЬСКОГО НЕОЛИТА

Первые люди на берега Андреевских озер пришли 7-8 тысяч лет тому назад, когда ледяной панцирь на севере Западной Сибири постепенно исчез, а климат заметно потеплел. Необозримые тундровые и лесотундровые пространства покрылись густыми лесами. Вымерли мамонты и бизоны — хозяева приледниковых просторов. Во всей Северной Евразии сформировались растительность и животный мир, близкие современным. По освобожденным руслу пра-Оби и пра-Иртыша избытки воды схлынули в море. Огромные территории Сибири заполнились большими и малыми озерами, многие из которых к настоящему времени заторфовались и превратились в бескрайние болота. С изменением климата и появлением лесов западносибирская равнина стала пригодной для постоянного обитания человека. Исчезновение крупных млекопитающих привело к появлению новых способов охоты, приспособлений и орудий труда, новой технологии их изготовления.

Наступил неолит — новокаменный век. Этот период дописьменной эпохи подарил археологам важнейший источник, не только рассказывающий о бытовой стороне жизни (она, впрочем, интересна и многогранна сама по себе), но и позволяющий судить о происхождении предков современных народов, их перемещениях, контактах, в какой-то степени — о мировосприятии людей. Речь идет о керамике — древней лепной глиняной посуде, традиции изготовления и украшения которой считаются одним из основных признаков, определяющих своеобразие археологической культуры.

Случается, что поиски аналогий извлеченным из культурного слоя вещам — сосудам, орудиям труда, оружию, украшениям — уводят к отдаленным территориям, рождая удивительные, нередко противоречивые гипотезы. Такая ситуация сложилась и в западносибирской археологии — вокруг почти детективно запутанной проблемы происхождения культур зауральского неолита.

В.Н. Чернецов — один из пионеров западносибирской археологии считал, что первые неолитические поселенцы — древнейшие предки угорских народов пришли в Зауралье из Средней Азии, где они испокон веку изготавливали посуду с накольчато-прочерченными орнаментами. Ученый заметил: такими же узорами из волнистых и прямых линий украшены древние берестяные изделия, сохранившиеся в культурном слое Горбуновского торфяника под Нижним Тагилом, причем орнамент нанесен "выскабливанием верхнего слоя бересты, подобно тому, как это делается в настоящее время у манси и хантов". Впоследствии традиции изготовления и украшения посуды у них менялись. Первый этап, когда бытовала керамика с прочерченно-отступающими узорами, В.Н.Чернецов назвал козловским (по памятнику Козлов Мыс 1 на Андреевском озере). На посуде следующего, юринско-горбуневского, этапа, как полагал исследователь, соседствуют прежние и новые орнаменты, выполненные оттисками специально сделанного штампа-гребенки, а позднее, на честыйягском этапе, накольчато-прочерченные узоры исчезают и существует керамика лишь с гребенчатой орнаментацией.

Эта схема развития зауральского неолита просуществовала долго, и некоторые ее коррективы не меняли сути дела. Один из корифеев советской археологии О.Н. Бадер, долгое время работавший на Урале, предложил изменить названия двух последних этапов на полуденский и сосновоостровский, так как наиболее выразительно характеризующие их материалы были получены на зауральских стоянках Полуденка и Сосновый Остров.

В последние годы один из ведущих специалистов по неолиту Зауралья, В.Т. Ковалева, проанализировав большое количество новых источников, предложила другую версию развития неолитических культур. На раннем этапе неолита она выделила козловскую и следующую за ней кошкинской группу памятников. Их сменили две другие культуры, принадлежащие разным народам, — полуденская и боборыкинская. Люди этих культур делали посуду либо с прочерченно-накольчатými (кошкинская, боборыкинская), либо со смешанными — прочерченными и гребенчатыми — узорами (козловская и полуденская). Гребенчатую сосновоостровскую керамику В.Т. Ковалева исключила из неолита и датировала ее более поздней эпохой — энеолитом (медно-каменным веком). В отличие от предшественников ею была предложена версия о местном происхождении традиции украшения посуды накольчато-прочерченными орнаментами.

Читая прежние и вновь появляющиеся публикации, используя материалы своих исследований, я обратил внимание на факты, которые почему-то не учитывались или трактовались, на мой взгляд, ошибочно при попытках восстановить целостную картину неолитического прошлого Зауралья: в культурном слое ряда памятников зафиксировано совместное залегание керамики с гребенчатыми и прочерченными узорами, которые раньше ученые всегда разграничивали во времени. Кроме того, известны случаи находок посуды, в изготовлении которой явно сочетались приемы, принятые в боборыкинской и сосновоостровской культурах. Число подобных фактов постепенно увеличивалось, они "выпадали" из предложенных схем.

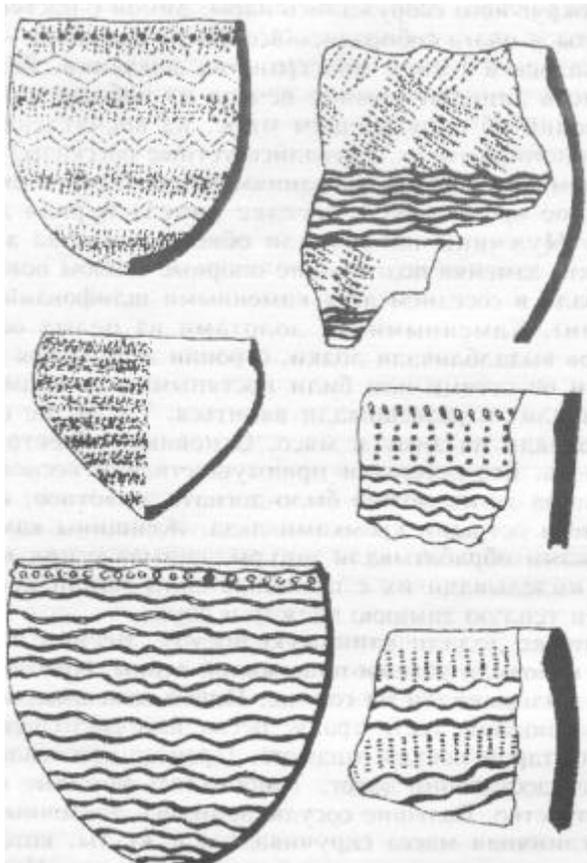
Оригинальную идею совсем недавно высказал казанский ученый А.Х. Халиков. Он связал появление в Восточной Европе и Западной Сибири посуды, украшенной прочерченно-накольчатыми орнаментами, с культурой предков дравидоязычного населения. Дравидийцы, по представлению ученых, в древности обитали в предгорьях Малой Азии, Сирии, Ирана и Белуджистана. Уже на рубеже V и IV тысячелетий до н.э. у них зарождаются мотыжное земледелие и скотоводство. Они изготавливали чернолощеную посуду с узорами в виде редких наколов палочкой. Часть протодравидийцев проживала на южном побережье Черного и Каспийского морей. Отсюда, в результате климатических изменений и наступившего обводнения Каспия в начале IV тысячелетия до н.э., они двинулись на север и достигли лесостепей и лесов Евразии, где вступили в контакт с древними финно-уграми, в том числе с зауральским населением.

Точка зрения А.Х. Халикова интересна и отчасти совпадает с моей, но связь культур, зауральской неолитической и древних дравидийцев, кажется мне маловероятной. Пытаясь обобщить накопившиеся факты и преодолеть противоречия между ними и существующими схемами, я пришел к следующим заключениям.

Около 8 тысяч лет тому назад на берегах многочисленных зауральских рек и озер появились поселки рыболовов и охотников — потомков древнейших охотников на мамонтов, переселившихся с предгорий Урала и с юга Западной Сибири. Они заняли и территорию Нижнего Притоболья, одним из самых густонаселенных районов которого стали Андреевские озера. Культура аборигенов — сосновоостровская — особенно хорошо известна по поселениям Восьмой пункт на южном берегу Андреевского озера и Дуванское 5 на р. Дуван.

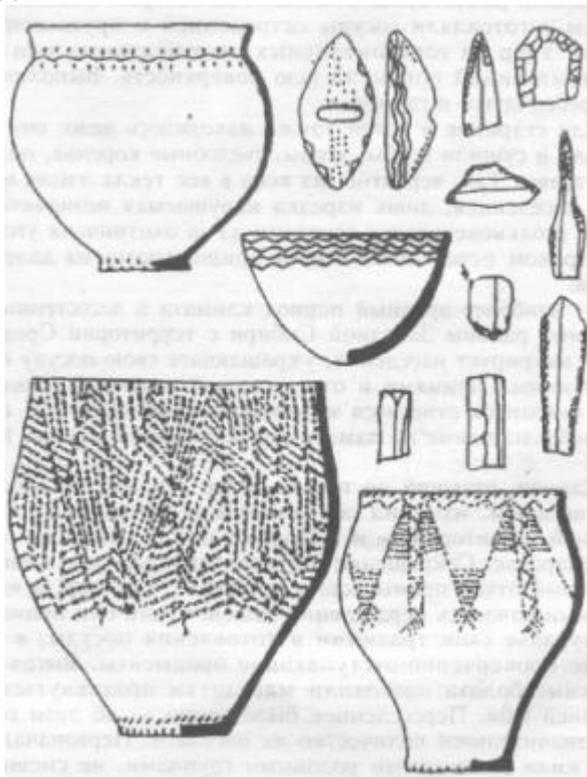
Находки с этих мест переносят нас в совершенно иной мир, когда люди не знали земледелия и скотоводства и лишь добывали то, что могла дать природа. Сосновоостровцы строили невысокие углубленные в землю дома, крыша которых покоилась на каркасе из вертикально вкопанных в землю опор. Обогревал жилище обычный костер, вокруг него сооружались нары. Зимой с наступлением темноты у очага собирались все обитатели дома — жизнь замыкалась в тесном пространстве землянки. Возможно, именно в длинные зимние вечера из наблюдений и размышлений об окружающем мире, из впечатлений и накопленного опыта складывались устные рассказы, которые мы называем сегодня преданиями, легендами и сказками. В теплое время года в поселке кипела бурная деятельность. Мужчины поправляли обветшавшие за зиму постройки, заменяя подгнившие опорные столбы новыми их вырубали в соседнем лесу каменными шлифованными топорами). Каменными же долотами из целых осиновых стволов выдалбливали лодки, строили запоры для рыбы — ловили ее сетями или били костяными гарпунами. Рыбу потрошили и развешивали вялиться. Таким же способом заготавливали на зиму и мясо. Основным объектом охоты был лось. Его добывали преимущественно весной по насту, когда легко можно было догнать животное, изранившее ноги острыми кромками льда. Женщины каменными скребками обрабатывали шкуры, снимая с них мездру и жир, выделяли их с помощью золы шили костяными иглами теплую зимнюю одежду и обувь.

Они же делали глиняную посуду. Весной на берегу озера находили залежи пластичной глины. Некоторое время ее выдерживали на солнце. Потом замешивали, добавляя в глиняное тесто траву, песок или растолченные обломки старой посуды {шамот). Процесс изготовления керамики достаточно долог. Требовались немалые сноровка и мастерство. Большие сосуды лепились ленточным способом: глиняная масса скручивалась в жгуты, которые накладывались один на другой и уплотнялись. Постепенно сосуд "рос" вверх. Швы тщательно затирались. Перед обжигом посуду, чтобы она не потрескалась, необходимо было просушить, а затем по мягкой еще поверхности ее украшали орнаментом. Сушили всегда в тени, чтобы сосуды просыхали равномерно. Обжигали на кострах. Сосновоостровцы изготавливали сосуды остродонной и круглодонной форм. Узор из горизонтальных, вертикальных или наклонных линий покрывал всю поверхность. Выполнялся он гребенчатым штампом.

Керамика сосновоостровской и полуденской культур.

Для стариков и детей также находилось дело: они собирали и сушили грибы, ягоды, съедобные корни, полезные травы. Так, вероятно, из века в век текла жизнь мирных поселенцев, лишь изредка нарушаемая незначительными столкновениями с соседями из-за охотничьих угодий да страхом перед неизвестными пришельцами из далеких краев.

Посуда и инвентарь боборыкинской культуры.

В наиболее аридный период климата в лесостепные и таежные районы Западной Сибири с территории Средней Азии мигрирует население, украшающее свою посуду прочерченными линиями и отступающей палочкой. Поселения мигрантов относятся к боборыкинской культуре, получившей название по памятнику Боборыкино 2 на р. Исети.

Климат, ставший не только более теплым, но и более засушливым, изменил облик лесов и лесостепей на обширной территории — в Притоболье, и в Прикаспии, и в Приаралье. Сокращение растительных ресурсов вызвало массовый отход промысловых животных на север, а вслед за ними началось переселение людей. С юга они принесли в Зауралье свои традиции изготовления посуды, в том числе прочерченно-отступающие орнаменты. Высохшие таежные болота позволили мигрантам продвинуться до Средней Оби. Переселенцев было много — об этом говорит значительное количество их поселков. Первоначально они жили замкнутыми родовыми группами, не смешиваясь с аборигенами - сосновоостровцами.

Пришельцы строили свои поселки из нескольких жилищ на невысоких террасах рек и озер. Такие поселения известны и на Андреевском озере (ЮАО 9, 12, 15 и др.)

Боборыкинцы делали круглодонные и плоскодонные горшки, украшенные лишь в верхней части. В их орнаментах кроме простых линий и неглубоких ямок-наколов появляются более сложные геометрические узоры из треугольников, меандров, ромбов, которые постоянно совершенствуются. В них люди символически выражали свои представления о солнце — источнике жизни. Позднее, в эпоху бронзы, солярная символика будет украшать сосуды многих высокоразвитых культур.

В наборах орудий боборыкинской культуры присутствуют кремневые наконечники стрел, сверла, проколки, резцы, ножи, цельные и составные — из миниатюрных трапеций. Шлифованные топоры и тесла изготовлялись из серого или светло-зеленого сланца. Найдены предметы, отдаленно напоминающие современные утюги, применявшиеся для выпрямления древков стрел.

Пришедшие в Зауралье боборыкинцы постепенно смешивались с коренным населением, стали перенимать местные обычаи и традиции, в том числе в производстве посуды, орудий труда, строительстве жилищ и т.д. На поселениях находят посуду, в орнаментах которой сочетаются гребенчатый штамп и прочерченные или накольчатые узоры, иногда гребенчатые оттиски сверху как бы перечеркнуты волнистыми линиями. Это так называемая полуденская керамика, она появилась в результате смешения сосновоостровских и боборыкинских традиций.

Проходили века, менялись поколения, культура пришельцев все больше растворялась в местной праугорской среде...

Мои представления о неолите Зауралья являются лишь одной из версий. Возможно, они получат дополнительные подтверждения или, напротив, будут опровергнуты. Как в все мои коллеги-археологи, я надеюсь на новые открытия и находки в "поле" и за письменным столом.

МОГИЛЬНИК НА БОЛЬШОМ ОСТРОВЕ

Цвет охры напоминает и кровь, и пламя огня, и солнечный свет. Быть может, засыпая охрой погребения, наши далекие предки хотели придать умершим сородичам хотя бы немного жизненной силы, необходимой для перехода в иной мир?

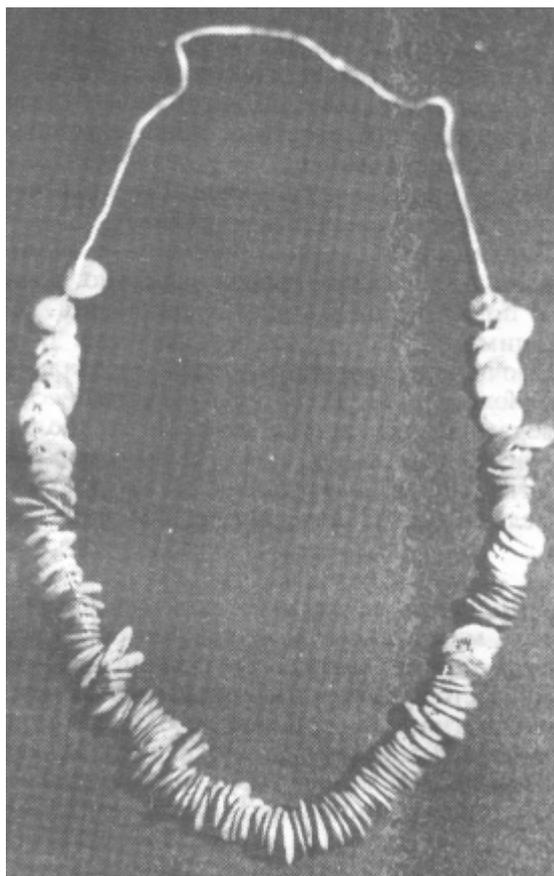
Когда из охристого слоя появились песчаниковые бусы-подвески и наконечники стрел из кремня и сланца, мы уже не сомневались, что перед нами остатки древнего захоронения. Находки предстояло не просто извлечь, как клад, а тщательно расчистить каждую, попытаться уловить порядок в их расположении. Выяснилось, что все вещи сосредоточены на одном уровне: бусы лежали рядами, наконечники небольшими кучками. Наконец, все зарисовано, сфотографировано, а находки упакованы. Мы продолжаем расчистку слоя. Оказалось, что ниже, на "материке" — так археологи называют нетронутую человеком древнюю поверхность — вновь выступило охристое пятно, на этот раз правильной прямоугольной формы. Эта яма, заполненная охрой, бесспорно, была погребением. Потянулись часы кропотливого труда. И вот в противоположных ее концах мы находим зубы и сильно истлевшие кости человека. Позднее антропологи установили, что они принадлежали двум детям. Определили и их возраст: одному было 7-9 лет, другому — не больше 4-5. Погребенные лежали ногами к центру могильной ямы и были буквально усыпаны каменными бусами, такими же, как в верхнем захоронении. Очевидно, ими расшивали одежду. Здесь мы обнаружили и множество наконечников стрел. Некоторые оказались обломанными — вероятно, их таким своеобразным способом "умертвляли".

Раскопанное нами захоронение напомнило о другом — всемирно известном, открытом О.Н. Бадером на палеолитической стоянке Сунгирь под Владимиром. Два ребенка положены ногами друг к другу и полностью засыпаны красной охрой. Их одежда и головные уборы расшиты бусами из кости мамонта. По бокам погребенных сохранились копыта из выпрямленных бивней с костяными дисками, на груди — заколки, скреплявшие полы меховых курток. Сходство погребений, разделенных огромной территорией и двумя десятками тысячелетий, поразительно. Вероятно, на протяжении многих тысячелетий людей связывали общее мировоззрение и почти тождественные понятия о жизни и смерти. Но может ли быть достаточным такое объяснение?

Нас занимает и другой, более конкретный, вопрос — какое население оставило могильник на Большом Андреевском острове? Очень предположительный ответ давали скромные находки в двух погребениях нескольких фрагментов от сосудов эпохи неолита — шакульской и липчинской культур.

В конце IV - начале III тысячелетий до н.э., в неолите, в Нижнем Притоболье, включая и Андреевские озера, жили носители трех различных культур — шакульской, липчинской и андреевской. Две первые продолжают местные неолитические традиции. Андреевская же, по мнению некоторых исследователей,

сформировалась на равнинных пространствах Восточной Европы, а затем по неизвестным причинам продвинулась в Зауралье.

Бусы из погребения на Андреевском озере.

Шапкульцы селились на мысах рек и озер. Их жилища представляли собой глубокие землянки, которые внутри разделялись перегородками. На Андреевском озере шапкульская посуда обнаружена в верхнем слое поселения Козлов Мыс 1, перекрывающем неолитический горизонт. Шапкульские сосуды круглодонной формы орнаментированы гребенчатыми оттисками и круглыми ямками по верхнему краю. По расположению узоров, их сочетаниям шапкульская керамика во многом напоминает сосновоостровскую. Сохраняются предшествующие традиции и в технике обработки камня. Шапкульцы продолжали изготавливать шлифованные топоры из сланца, орудия из ножевидных пластин: ножи, резчики, скребки, наконечники стрел с боковой выемкой. Достоверных находок из металла в шапкульских комплексах не известно. Основными занятиями у шапкульского населения оставались охота и рыболовство.

Липчинские поселки впервые исследовал П.А. Дмитриев. На озере он раскопал Андреевскую стоянку 2. а у поселка Мыс, ставшего теперь частью Тюмени, в обнажениях коренной туринской террасы собрал липчинскую керамику. Дома липчинцев, небольших размеров, углублялись в землю до полутора метров. Посуду они делали полуяйцевидной формы с узором, который напоминал отпечаток шнура и был похож на орнаменты, выполненные отступающей палочкой. Наряду с немногочисленными кремневыми орудиями и сланцевыми шлифованными наконечниками стрел в жилищах на северном берегу Андреевского озера найдены два металлических изделия: шило и небольшая пластинка. Липчинцы были усердными рыбаками — на их поселениях находят большое количество глиняных грузил характерной биконической формы. Видимо рыбная ловля играла в их хозяйстве ведущую роль.

На ЮАО 12 и многих других памятниках обнаружены сосуды остродонной формы, сплошь украшенные чередующимися поясами гребенчатого штампа и глубоких наклонных ямок. Такая керамика встречалась в полуземлянках и жилищах наземного типа. В настоящее время остатки древних наземных построек выглядят как возвышения, окруженные ямами. Каркас таких сооружений возводился непосредственно на дневной поверхности. Эти первые в Притоболье наземные конструкции появились в поселках андреевской культуры. Ее носители были охотниками и рыбаками, но использовали сети с грузилами цилиндрической формы. А вот каменные орудия андреевцев практически не отличаются от липчинских: те же шлифованные топоры, ножи, кремневые скребки.

Число расчищенных в нашем раскопе погребений увеличивалось с каждым днем. К концу работы экспедиции их насчитывалось уже 26 вместе с ямами, в которых находилось лишь по несколько орудий, отдельные мелкие косточки, а иногда только охра. Могильник оказался очень сложным для исследований: в мелком сыпучем песке антропологический материал сохраняется плохо, уцелели только зубы, небольшие фрагменты черепов и трубчатых костей. Проникающая вглубь влага размывала очертания ям, изменяла

положение находок. Кроме того, памятник был многослойным: в раскопе мы обнаружили керамику и вещи различных эпох — от неолита до средневековья.

Однако некоторые детали погребального обряда, и в особенности наборы шлифованных бус из песчаника и сланцевых наконечников стрел (аналогичные им происходят из широко известных датированных памятников), позволяли говорить о функционировании могильника в недрах неолитической или энеолитической эпох.

Мы уже заканчивали раскопки, когда, совершенно неожиданно для себя, получили возможность приоткрыть еще одну тайну древнего некрополя. Однажды вечером Толя Панфилов отправился на охоту с самодельным луком. Мы, оставшиеся в лагере, гадали: какой же будет его добыча? Вернулся он, однако, не с охотничьими трофеями, а с ведром превосходных карасей. Так получилось, что встретились ему два рыбака из Андреевских Юрт и очень захотели посмотреть на наши находки. Любознательность местных жителей нередко содействует научным поискам. Один из гостей, увидев песчаниковые подвески, воскликнул, что такие вещицы он уже встречал. Это нас заинтересовало. По словам рыбака, каменные бусы не раз попадались ему и его землякам на восточном берегу Малого Андреевского озера, поблизости от нашего экспедиционного лагеря, и намного дальше — у северной оконечности острова. Мы с Толей переглянулись. Неужели наш остров представляет собой сплошной могильник?

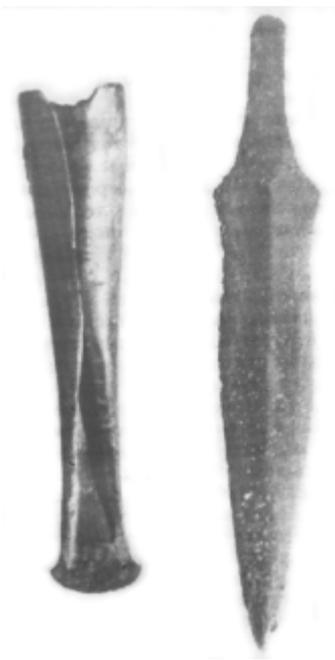
Из публикаций и научных докладов я знал, что могильников на Андреевских озерах известно немного, они небольшие по площади и числу захоронений. А вот остров, по-видимому, составляет исключение. В древности люди предпочитали сооружать кладбища вдали от поселков, в труднодоступных и все же заметных местах. Окруженный водами озера, остров оторван от "большой земли", но и возвышается над нею. Потому, вероятно, в течение многих веков сюда отправлялись лодки с телами тех, кого следовало предать земле, совершив последний обряд.

Каменным веком начиналась древняя история человека, в нем — многие истоки человеческой культуры. Мы далеко ушли от этого легендарного времени, и возвращение к нему часто рождает больше вопросов, чем дает ответов. Вот и могильник на Большом острове Андреевского озера оставил немало загадок. Разрешить их, возможно, сумеют наши последователи в будущем, когда люди научатся лучше узнавать и понимать прошлое.

Повесть о бронзовом веке

Полуденная гроза все спутала и переменяла. Недавно еще искрившееся под солнцем озеро, приютившее на своем берегу лагерь экспедиции, потемнело и подернулось рябью, обступивший его бор зашумел, а из-за вершин растревоженных сосен, вмиг накрыв собою поляну, выполз кран огромной косматой тучи. Выцветший купол вместительной армейской палатки с закатанными под самый верх брезентовыми стенками, где за длинными обеденными столами собрался уже почти весь отряд, сначала захлопал, как бы принаравливаясь к силам надвигающейся бури, а затем, разом наполнившись ветром, превратился из обычного тента в тугой парус. Гром ударил, казалось, над самым лагерем, и лесное эхо разнесло его по всей округе. И сразу же на грубую ткань шатра обрушились не капли, а тяжелые струи воды, заставляя смельчаков выбираться наружу и под шквалом воды и ветра расправлять свернутые в рулоны пологи палатки.

Опустившаяся завеса из быстро намокшего брезента сделала шум дождя глуше. Иначе в наступившей темноте стали восприниматься и частые раскаты грома. Теперь они вполне могли показаться отзвуками разыгравшейся в поднебесье битвы, где на полном скаку сшибались быстроходные колесницы, а в мареве дыма и поднятой копытами разгоряченных коней пыли огнем сверкали бронзовые клинки.

Долото и кинжал эпохи бронзы (Андреевское озеро, дер. Мыс).

Несколько таких клинков уже подарил нам Чистолепяжский могильник, раскопки которого вел отряд. В небольшой березовой роще неподалеку от лагеря, среди душистого разнотравья, чудом уцелев от распашки, сохранилось более 75 курганов эпохи бронзы. Настоящий некрополь — город мертвых. Впервые увидев его несколько лет тому назад из кабины экспедиционного автомобиля, пробиравшегося пустынной лесной дорогой вдоль берега Тобола, я понял, что лучшего объекта для раскопок трудно и пожелать, тем более что о бронзовом веке предтаежного Притоболья было известно в те годы не так уж и много. И поэтому уже в который раз я приезжал сюда, уверенный в интересных находках и гостеприимстве старых знакомых — лесного озера и напоенного ароматом хвои соснового бора.

Однако сегодня стихия нарушила все планы. О возвращении на раскоп нечего было и думать. Ливень отрезал нам дорогу даже к собственным палаткам. Оставалось только пережидать его здесь, в огромном и темном шатре. И мысли сами собою вернулись к тому сюрпризу, который утром преподнес нам первый из исследованных в этом году курганов.

Если бы не отсутствие костей погребенного и не два перевернутых вверх дном сосуда, стоявших один под другим в самом центре небольшой ямы, ее вполне можно было принять за одну из детских могил, которых в некрополе насчитывалось немало. Да и обычными глиняными горшками они могли показаться только на первый взгляд. Вместо типичных для посуды этого могильника треугольников, меандров и других геометрических узоров, наносившихся на сырую глину ребром тонкой пластинки или заостренным резцом, оба они по всей боковой поверхности были украшены оттисками лопаточки, двигавшейся вокруг сосуда с ритмическим нажимом на еще не высохшее тесто. Племена алакульской культуры, которым принадлежал могильник, никогда таких сосудов не делали. Может быть, к исследованному кургану обнаруженная яма вообще не имела отношения и была выкопана на этом месте задолго до его сооружения? Нет, уж слишком хорошо вписывалась она в круг из восьми обнаруженных на подкурганной площадке захоронений с

классической андроновской посудой. Из рук каких же гончаров бронзового века вышли эти странные сосуды и как в нарушение всех обычаев оказались в жертвеннике на кладбище иноплеменников?

Разглядывая их, уже очищенные от земли и заботливо обметенные мягкими кисточками, я неожиданно вспомнил, при каких обстоятельствах мне однажды уже довелось держать в руках подобную керамику.

ЗАГАДОЧНЫЕ ЧЕТ И НЕЧЕТ

В тот год экзамен по археологии у первокурсников исторического факультета университета пришелся на конец летней сессии, когда мой отряд был уже в поле. Из-за этого и пришлось возвратиться в город, хотя начатые раскопки шли своим чередом. Тюмень страдала от жары и пыли и адаптироваться к атмосфере душных кварталов за три дня так и не удалось. Поэтому, когда вырвавшаяся из внутреннего двора университетского корпуса машина с брезентовым тентом над кузовом взяла курс на лагерь, я испытал огромное облегчение. Стараясь сбросить усталость после экзамена, я с наслаждением откинулся на спинку кресла, подставив лицо ворвавшемуся в кабину встречному ветру. Заставляя громоздкий автомобиль вписываться в слишком крутые для него повороты, русоволосый и крепкий Слава Панов у каждого из перекрестков налегал на баранку всем телом. За несколько лет совместной работы мы прошли с ним не одну тысячу километров маршрутами экспедиций. Таежник и заядлый охотник, готовый месяцами не показываться в городе, возвращению в лагерь на берегу тихой речки он был рад не меньше, чем я. Задержавшись с выездом, мы понимали, что раньше, чем к вечеру, дорогу нам не осилить при всем желании. Но полученное накануне известие о том, что отряд Ковалевой вновь прибыл на Андреевское озеро, все же заставило нас решиться на небольшой крюк.

С Валентиной Трофимовной Ковалевой — доцентом Уральского университета, мы были знакомы не один год, хотя занимались изучением разных периодов. Раз и навсегда проникшись романтикой поиска в Зауралье следов человека каменного века, она длительное время посвятила исследованию памятников Андреевского озера, изучив его берега так, как будто не раз вместе с жителями неолитических стоябищ хаживала проложенными здесь охотничьими тропами. Как и любой археолог, она жила сразу в нескольких измерениях и о своих путешествиях в прошлое давно собиралась рассказать в книге, для которой даже придумала название. Но ее будущие строки так и не ложились на бумагу, оживая лишь в рассказах перед собравшимися у костра студентами.

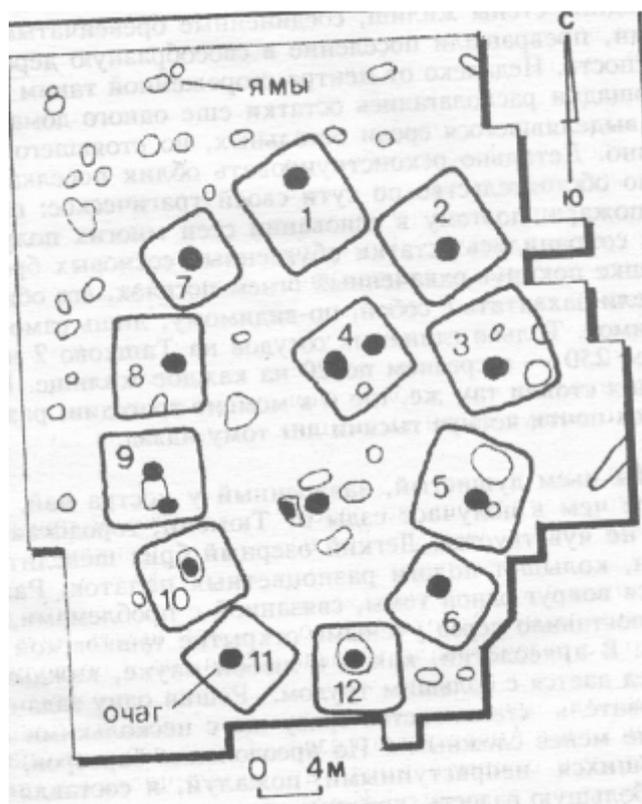
Свернув с оживленного шоссе и миновав мелькнувший на фоне озера павильончик детской железной дороги, машина въехала под свод соснового бора, и уже через несколько минут среди вышедших из лагеря на шум мотора я узнал миловидную и улыбчивую женщину, протягивавшую мне руку.

Кельты эпохи бронзы (окрестности Тюмени, Андреевское озеро).

В последние годы за работами Ковалевой пристально следили многие ученые. Все началось с Ташково 2 — поселения у одноименного села на Исети в Курганской области, которое она, не считаясь со временем, решила раскопать целиком. Работы продолжались шесть лет. И не только не разочаровали исследователя, но и позволили ей по-новому взглянуть на давно известные археологические коллекции, происходящие с юга Тюменской области, в том числе и с Андреевского озера. Стало ясно, что на этой территории открыта новая археологическая культура бронзового века, которой Ковалева — по праву первооткрывателя — дала название ташковской. Не раз удивляло специалистов и само Ташково 2. Несмотря на сравнительно небольшие размеры — не более тысячи квадратных метров, оно было спланировано настолько необычно, что ни на Урале, ни в Западной Сибири аналогов ему найти не удавалось. Небольшие и малоуглубленные в землю деревянные дома размещались по кругу, входами к центру, а задние стены жилищ, соединенные бревенчатыми заборами, превращали поселение в своеобразную деревянную крепость. Недалеко от центра огороженной таким образом площадки располагались остатки еще одного дома, ничем не выделявшегося среди остальных, но стоявшего обособленно. Детально реконструировать облик поселка позволило обстоятельство по сути своей трагическое: погиб он от пожара, поэтому в основании стен многих полуземлянок сохранились остатки обугленных сосновых бревен. В спешке покинув охваченный огнем

поселок, его обитатели успели захватить с собой, по-видимому, лишь самое необходимое. Только глиняных сосудов на Ташково 2 найдено более 250 — в среднем по 20 на каждое жилище. Многие из них стояли там же, где и в момент трагедии, разыгравшейся почти четыре тысячи лет тому назад.

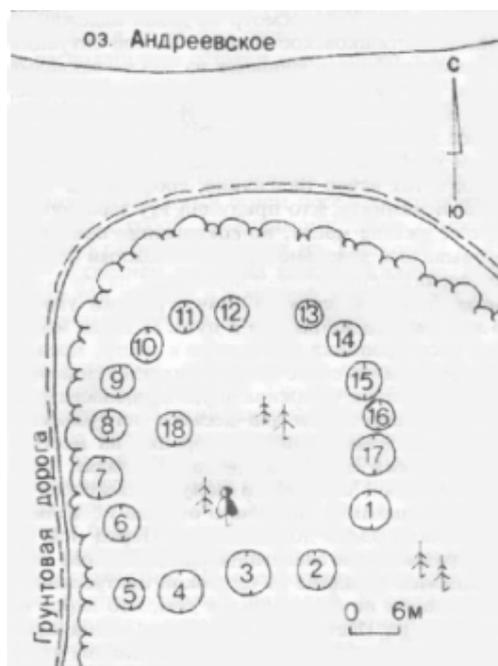
План раскопа на поселении Ташково 2 (по В.Т.Ковалевой): 1-12 - жилые постройки.

Мы пьем душистый, заваренный у костра чай. Здесь, менее чем в получасе езды от Тюмени, городская суэта уже не чувствуется. Легкий озерный бриз шевелит лапы сосен, колышет пологи разноцветных палаток. Разговор вьется вокруг одной темы, связанной с проблемами, которые поставило перед учеными открытие ташковской культуры. В археологии, как и в любой науке, каждый шаг вперед дается с большим трудом. Решив одну задачу, исследователь сталкивается сразу же с несколькими новыми, не менее сложными. Но преодоление барьеров, ранее казавшихся неприступными, пожалуй, и составляет самую большую радость, которую дарит научный поиск.

Вновь на берега Андреевского озера В.Т. Ковалёву привела необходимость сопоставить результаты, полученные при раскопках Ташково 2, с материалами других поселений ташковской культуры, которых здесь существовало несколько. Бродя по давно знакомым местам, она и узнавала, и не узнавала их. Корпуса пионерских лагерей и дачные поселки настолько преобразили побережье, что ей несколько раз пришлось поплутать, прежде чем выйти к нужной точке. Увы, осмотр не давал надежды найти неразрушенное ташковское селище. В этой ситуации оставалось только выбирать меньшее из зол — закладывать раскоп там, где культурный слой сохранился лучше. Но после Ташково 2 это было слабое утешение. Впрочем, один шанс все же оставался: до ЮАО 13 — поселения с несчастливым номером, открытого давно, но точно не датированного, в тот вечер Валентина Трофимовна так и не добралась. Вспомнить, кто придумал эту забавную аббревиатуру, она уже не могла, но сокращение прижилось и расшифровывалось довольно просто — южный берег Андреевского озера.

Не особенно надеясь на удачу, ранним утром следующего дня она все же вышла в путь. И когда мокрая от утренней росы тропинка привела ее к месту, Ковалева поняла, что этого мига ей не забыть никогда. Несмотря на густую траву, слегка сглаживавшую неровности рельефа, ее взору предстали почти два десятка неглубоких западин, напоминавших затянувшиеся воронки на месте разрывов артиллерийских снарядов, — так выглядят многие древние поселения с остатками полужемлячных строений. Но затаить дыхание заставило отнюдь не количество ранее стоявших здесь домов. Круг! Перед ней снова был круг, образованный следами жилищ! И снова внутри него располагалась западина от одинокой центральной постройки. Уже почти не сомневаясь в том, что перед ней двойник селища на Исети, она принялась внимательно осматривать землю в надежде найти хоть что-то, что могло бы подтвердить возникшую догадку. Через полчаса в ее руках лежало даже несколько черепков с хорошо знакомыми орнаментами, спутать которые с другими она не могла. Значит, планировка Ташково 2 вовсе не была случайной! А что если все поселки ташковской культуры строились по этой модели? В лагерь Ковалева спешила с радостью — сделанным открытием и только что родившейся гипотезой необходимо было поделиться с юными коллегами и помощниками.

Теперь, повзрослевшие на год-два, с мокрыми после купания волосами, они сидят рядом с нами. Эту историю студенты слышат не в первый раз, точнее, сами являются ее участниками. Знают они и о том, что их учитель оказался прав. Очень скоро выяснилось, что именно круговую планировку имели ташковские селища, открытые у г. Заводоуковска и в других пунктах на юге Тюменской области. Как и другим студентам-археологам, им выпало счастье учить науку не только по учебникам.

План поселения ЮАО 13 до раскопок (по В.Т.Ковалевой): 1-18 - западины на поверхности.

Как замороженные, перебираем мы найденные на поселении фрагменты сосудов. Вот в этих уже отмытых и помеченных лабораторным шифром черепках, разложенных для просмотра на складном походном столике, в причудливом переплетении покрывающих их узоров скрыт ключ, позволяющий проникнуть в доисторическую эпоху и, путешествуя во времени, наблюдать за происходящей в ее безднах эволюцией археологических культур, каждая из которых самобытна и уникальна.

Сосуды (1,5), орудия из камня (2-4, 6) и керамический тигель (7) ташковской культуры (по В.Т.Ковалевой).

Пристальный интерес археологов к керамике — древнейшему из искусственных материалов — не случаен. Появление в новокаменном веке глиняной посуды открыло эру гончарства, быстро ставшего одним из самых массовых домашних производств. В доисторическую эпоху его приемами владели многие, и развивалось оно чуть ли не в каждой семье. Поэтому культурный слой большинства древних поселений содержит неисчислимое количество черепков. А они хранят информацию не только о технологии изготовления сосудов, составе и способах приготовления пищи. Ведь гончары всех эпох не только лепили, но и украшали посуду. Используемые ими орнаменты имели разное происхождение, по-разному осмысливались, варьировались в деталях, но их основной набор в каждой из общин менялся медленно, оставаясь традиционным, как покрой одежды, узоры на ней, наконец, как строй речи. Именно поэтому в одновременно существовавших жилищах любого доисторического поселения археологи обнаруживают почти тождественную по декоративному оформлению керамику, причем чаще всего такую же, как и на ближайших синхронных памятниках. Это сходство, конечно, не случайно. Оно возникало и поддерживалось в процессе регулярного общения людей и начинало убывать после прекращения контактов между ними. Узоры на сосудах в комплексе с другими данными позволяют ученым безошибочно определять границы расселения групп, члены которых были гораздо теснее связаны друг с другом, чем с внешним миром. Такие общности первобытной -эпохи получили название археологических культур. Их эквивалентами в классовых формациях являются цивилизации, неизменными атрибутами которых служат поселения городского типа, письменность, развитое ремесленное производство. Первобытные археологические культуры в большинстве случаев, по-видимому, выступали и как этнические общности разного уровня. Конечно, далеко не всегда (особенно если речь идет о культурах бронзового века или еще более древних эпох) можно реконструировать свойственный им язык и только в редких случаях — соотнести их с теми или иными доисторическими народами, названия которых сохранили письменные источники. Однако благодаря специфическим узорам на керамике разных культур ученые в состоянии проследить пути их миграций, отметить случаи их взаимодействия и распада, наконец, констатировать рождение новых археологических культур.

Вглядываясь в нанесенные отступающей лопаткой, прочерчиванием или гребенчатым штампом линейные, волнистые и зигзагообразные узоры на разложенных перед нами черепках с ЮАО 13, мы находим среди них мотивы, уходящие своими корнями в предшествующий возникновению ташковской культуры медно-каменный век и даже еще глубже — к временам неолита. Однако на многих фрагментах читаются орнаменты, нашедшие наибольшее распространение именно во II тысячелетии до н.э., на начало которого указывает и недавно полученная Ковалевой радиоуглеродная дата поселения Ташково 2 — 1830±40 год до н.э. Все эти факты позволяют ей датировать ташковские древности именно эпохой ранней бронзы, когда культурное наследие каменного века еще не было полностью изжито.

Подтверждают это и другие находки, в частности, довольно многочисленные изделия из камня. Скребла, наконечники стрел, топоры ташковцы изготовляли преимущественно из южноуральских кремнистых и яшмовых пород, а также из местного туфопорфирита. Однако раскопки принесли и неоспоримые свидетельства освоения ими металлургического производства. Впрочем, бронза как сплав меди с оловом использовалась мастерами еще очень редко, а основная часть предметов отливалась из чистой меди. Отсутствие шлаков и сырья указывает на то, что выплавка металла из руды на поселениях не производилась. По-видимому, он доставлялся сюда в виде слитков или медного лома, которые шли в переплавку. Вели ее в небольших тиглях — обычных горшечных черепках с налепными глиняными бортиками, которые найдены у очагов чуть ли не каждого из исследованных на Ташково 2 домов, что говорит об отсутствии в ташковском обществе обособившихся ремесленников-металлургов. Существенную роль в жизни всех общин играло рыболовство, а глиняные грузила от сетей на всех исследованных поселениях были одной из самых распространенных находок. В освоении же производящих видов хозяйства ташковцы, судя по всему, делали только первые шаги, накапливая опыт разведения лошадей и коров и, по-видимому, еще не зная земледелия.

Палаточный городок, затихший на время послеобеденного отдыха — достаточно длительного, чтобы не работать на самом солнцепеке, — постепенно оживал. Мимо нас, возвращаясь с пляжа и с интересом разглядывая приезжих, потянулись стайки загоревшей молодежи, приехавшей в отряд на практику. Пора было отправляться и нам — впереди лежал длинный путь. Почувствовав это, Слава Панов, уже имевший собственное представление об археологии и до сих пор с интересом прислушивавшийся к разговору, поднялся с места и неторопливо направился к своей машине, готовясь еще раз внимательно осмотреть ее перед тем как запустить двигатель. Именно поэтому он и не услышал самого интересного, того, что хозяйка лагеря приберегла напоследок.

Просматривая как-то планы ташковских селищ, она обнаружила, что на разных памятниках устойчиво повторяется одна деталь: круг состоит из нечетного числа домов — девяти, одиннадцати, семнадцати, — а их общее количество на поселении всегда оказывается кратным двум за счет того самого сооружения, которое строители почему-то неизменно возводили на центральной площади. Что это — случайность или какой-то код, чудом прорвавшийся в конец XX столетия из бронзового века?

Догадываясь, что мыслители той эпохи, собственными руками возводившие под сводами сибирских лесов круглые полудеревни-полукрепости, не только стремились обезопасить свои общины от врагов и диких зверей, но еще и обеспечить их благополучие путем подчинения архитектуры неким магическим символам, она задумалась над тем, что могли означать для них чет и нечет. Возможно, как и ученые XX столетия, они рассматривали их как пару противоположных по своему значению понятий, которые не существуют одно без другого и в то же время поддаются воплощению в творениях их мозолистых рук. В таком случае они должны были символизировать вечное единство каких-то двух в корне разнородных начал, играющих в жизни каждой общины решающую роль. Но что они стремились увековечить, неизбежность каких установлений подчеркнуть?

Ответ на этот вопрос нашелся там, где его меньше всего искали. Однажды Ковалева обратила внимание на весьма любопытные результаты, полученные одной из ее учениц, изучавшей распределение по площади

Ташково 2 фрагментов от одних и тех же сосудов. В результате анализа причин перемещения черепков был сделан вывод: керамический бой широко использовался членами поселенческой общины при изготовлении тиглей, пряслиц, орудий для обработки шкур, а также в качестве шамота (керамической крошки, добавлявшейся гончарами в глину для того, чтобы тесто для формовки посуды не было слишком жирным и не трескалось при ее обжиге). Горшков, обломки которых "расползлись" по разным жилищам и незастроенным участкам поселения, оказалось ровно 40. Один из них удалось почти наполовину собрать из фрагментов, обнаруженных в девяти разных домах. Значит, все они, как ранее и предполагалось, существовали одновременно. Удивление вызывал другой факт. Одна большая группа сосудов была собрана из черепков, найденных в жилищах западной части селища и рядом с ними, а другая — из обломков, встреченных в домах, стоявших на его противоположной окраине. Похоже, что обитатели одной половины поселка чаще общались друг с другом, чем с соседями, жившими напротив. Конечно, ни о какой ссоре между ними не могло быть и речи. Просто — вдруг осенило тогда Ковалеву — здесь должны были жить две разные группы людей!

Для того, чтобы подтвердить эту догадку, данных о "расползании" битых черепков по территории поселка было явно недостаточно. Поэтому она принялась за поиск других фактов. И они вскоре нашлись. Изучая хозяйственную специализацию обитателей Ташково 2, среди одиннадцати домов, образующих его "жилую стену", ей удалось выделить две цепочки противостоящих построек: одну из пяти жилищ, обитатели которых использовали наконечники стрел, копий и охотничьи ножи, и другую, включавшую шесть сооружений, где ни одного подобного орудия найдено не было. Самое поразительное заключалось в том, что речь шла о тех же самых, восточной и западной, частях деревни-крепости.

В который раз проверяя аргументацию сделанных выводов и не находя ошибок, Ковалева все больше убеждалась в том, что, дополняя друг друга, они складывались в картину, не узнать которую ни один из историков первобытности уже не мог.

Доклассовое общество нередко называют родовым по той самой причине, что именно род, или клан, т.е. коллектив кровных родственников, был его основной, наиболее прочной и устойчивой ячейкой. Именно в таком качестве впервые представил его научному сообществу в конце прошлого века американский ученый Льюис Генри Морган — один из основоположников классической теории эволюции первобытного строя. У современных сторонников универсальности родовых отношений в доисторическую эпоху есть и противники, но факт остается фактом — существование родовой организации или ее пережитки засвидетельствованы этнографами у огромного числа народов в разных частях Земли. Как производственный коллектив или экономически самостоятельная община род выступал далеко не всегда. Вовсе не обязательно его члены должны были и проживать все вместе. Принадлежать к нему можно было лишь по праву рождения, в зависимости от того, какой счет родства практиковался в обществе — материнский или отцовский.

Но что являлось непременным атрибутом рода, так это экзогамия — запрет его членам заключать браки между собой. И это правило незыблемо соблюдалось не только на протяжении первобытной эпохи, когда общество карало нарушивших его с еще большей жестокостью, нежели самых отъявленных, с нашей точки зрения, преступников. У многих народов брак экзогамен и по сей день. Ничем не обусловленная, на взгляд человека XX века, строгость наказания за нарушение этого табу — свидетельство того, что некогда оно выполняло исключительно важную для общества функцию. Возникновение экзогамии относят к такой глубокой древности, что в сравнении с нею весь период развития современных индустриальных цивилизаций может показаться одним мигмом. В теориях, объясняющих причины появления этого обычая, недостатка не было. Однако со временем ученые сошлись на том, что у его истоков стояли два основных фактора: во-первых, стремление первобытных коллективов, еще не так далеко ушедших от сообществ животных и постоянно вынужденных вести борьбу за существование, в корне ликвидировать причины внутренних конфликтов на сексуальной почве и, во-вторых, подсказанная, быть может, самой природой возможность избежать этими коллективами — тогда еще немногочисленными и изолированными друг от друга пространствами мало обжитой планеты — губительных последствий кровосмешения. В этих условиях нарушение экзогамии действительно выглядело как одно из тяжчайших преступлений против общества. Спустя тысячелетия этот запрет, обросший множеством новых толкований, рассматривался уже как один из основополагающих законов, установленных обожествленными предками, а его нарушение каралось по-прежнему нещадно, ибо подрывало существующий на Земле и в Космосе Порядок. Всеобщность и универсальность табу, наложенного на браки между членами одного клана, приводили к возникновению разнообразных дуально-экзогамных структур — сначала союзов двух родов, члены которых являлись потенциальными супругами, а потом и более сложных общественных образований, например, племен, состоявших из двух экзогамных половин — фратрий, каждая из которых объединяла по нескольку кланов.

Тщательно проверив все выкладки, Ковалева уже почти не сомневалась в том, что на Ташково 2 проживали представители двух разных кланов, а само оно являлось поселением дуально-экзогамной общины. Будучи носителями одного и того же языка, одной и той же культуры, обе группы совместными усилиями вели хозяйство, обороняли свой поселок от врагов, но при всем этом осознавали себя как разные коллективы, поклонялись каждой своим предкам и ... не мыслили жизни друг без друга, поскольку не могли вырваться из оков древнего табу. Каждый член общины знал, что только крепость связывавших оба клана брачных уз, нерушимая как союз понятий "чет" и "нечет", служит гарантией будущего их детей и внуков, а значит, и бессмертия собственной души, которой предначертано воплотиться в одном из их далеких потомков.

В кабину автомобиля снова врвался теплый встречный ветер. Уже далеко позади остались Пышма в окружении извилистых стариц, напоенных ее недавним разливом, и надвое рассеченный шоссе тенистый богандинский бор. Наполнявший кабину гул мотора пресекал все попытки разговаривать. Но этому обстоятельству я был отчасти даже рад — на удивление пустынная дорога больше располагала к

размышлениям. О гипотезе Ковалевой я мог рассказать Славе и всем остальным коллегам по экспедиции позднее, у ночного костра.

* * *

Воскрешая в памяти подробности того дня, когда на берегу Андреевского озера мне привелось не только услышать взволнованный рассказ о людях Чета и Нечета, но и разглядывать черепки от посуды, которую они изготавливали, я понял, что найденные на Чистолебяжском могильнике сосуды сделаны их же руками. Правда, объяснить это было непросто. Ведь из принятых в науке датировок ташковских и алакульских памятников следовало, что между ними существовал большой временной разрыв — триста или даже пятьсот лет. Как же могли оказаться здесь подобные горшки и о чем это говорит? В который раз обходя раскоп и обдумывая неожиданно пришедшую в голову догадку, я все больше убеждался в том, что не допустил никакой логической ошибки. К этой мысли меня привели исследования, экспедиции и размышления последних лет.

ПО СЛЕДАМ ЗАУРАЛЬСКИХ АРИЕВ

Древность не всегда безмолвна. Иногда сквозь века в наш мир прорываются не только отдельные слова, но и стихи, сложенные в бронзовом веке. Например, эти строки "Ригведы"*.

*Пусть сегодня Небо и Земля
Вручат богам эту нашу жертву,
Стремящуюся к цели, достигающую неба!
В вашем лоне, о вы двое, не терпящие обмана,
Пусть усядутся боги, достойные жертв,
Сегодня здесь для питья сомы!*

Ригведа, II, 41

* Здесь и далее тексты "Ригведы" и "Атхарваведы" приводятся в переводах Т.Я. Елизаренковой.

Веда означает священное знание, а "Ригведа" — веда гимнов. Этому собранию три с лишним тысячи лет. По объему оно равно "Илиаде" и "Одиссее" вместе взятым, но только несколько древнее. Многие столетия его никем не записанные стихи жили лишь в памяти жрецов, заучивавших их наизусть и передававших свое знание ученикам. Слово в древней Индии осмысливалось как высшая творческая сила, а поэтическое искусство Священной Речи оттачивалось не одним поколением певцов-риши, которым, как считалось, доступно общение с богами.

К "Ригведе" и другим самхитам — древнейшим собраниям священных текстов: "Самаведе" (веде напевов), "Яджурведе" (веде жертвенных формул) и "Атхарваведе" (веде заклинаний) восходит вся индийская литература, мифология и религия. Но, как это ни странно, их создатели не были уроженцами Индостана.

Себя они называли *арья* — ариями и перевалили через хребты Гиндукуша приблизительно в середине II тысячелетия до н.э. Появившиеся с запада боевые колесницы наводили панику на местных жителей, а мужество и воинские таланты пришельцев позволили им не только закрепиться на новой территории, разрушая крепости и захватывая богатые трофеи, но и начать ее широкое освоение, положившее начало новой эпохе в истории индийского субконтинента.

Индоиранцы и финно-угры

Говорили завоеватели на одном из языков индоевропейской семьи, к которой принадлежат балтийские, германские, романские, славянские (сравните древнеиндийское *веда* — "священное знание" и русское *ведать* — "знать"), древнегреческий и многие другие живые и мертвые языки. Их близкое родство, восходящее, по-видимому, к единому праязыку, было доказано лингвистами еще в XIX в.

Однако ариями именовали себя далеко не все индоевропейцы, хотя это самоназвание зафиксировано не только в Индии. Показательно, что от него произошло и древнее название долины Ганга *Льяварт* — "страна ариев", и название государства Иран. Таким образом, арии — это древние представители индоиранской (арийской) ветви индоевропейской семьи. История разнесла арийские языки по огромной территории. Сходство распространенных в Индии, Пакистане и соседних с ними государствах Южной Азии хинди, бенгали, пенджаби, непали и многих других языков индийской группы с иранскими — персидским, таджикским, пушту (афганским), осетинским и т.д. ощутимо еще сильнее, чем между индоевропейскими, да и разошлись они из единого корня, как считают лингвисты, значительно позднее.

Еще меньше отличий было в речи древних индийцев и иранцев. Язык "Ригведы" оказался настолько близок языку "Авесты" — собрания священных текстов зороастризма, являвшегося государственной религией

Ирана вплоть до его арабского завоевания в VII в., насколько сходны были их эпические сюжеты и мифологические образы. Создатели этих произведений поклонялись одним и тем же божествам — солнечному Митре, громовержцу Индре, богу ветра Вайю-Вата и другим, огню и священному растению *суме* (по-авестийски *хаоме*), из которого по одним и тем же рецептам приготавливали священный опьяняющий напиток. Известно, что они были преимущественно скотоводами, хотя имели навыки и земледельческого труда, вели обработку меди и бронзы, обладали сходной социальной структурой, включавшей военную знать, жрецов и общинников-простолюдинов. Эти и другие факты свидетельствуют о том, что языковая и культурная общность ариев, еще не разделившихся на индийцев и иранцев, существовала некогда как историческая реальность. Раскололась же она, судя по всему, еще до середины II тысячелетия до н.э.

Но вот на какой интересный факт обратили ученые свое внимание в попытках отыскать арийскую прародину. Выяснилось, что на протяжении длительного периода индоиранские языки соседствовали с финно-угорскими. Перечень слов, заимствованных финно-угорской речью из арийской, оказался на удивление обширным. Среди них числительные (например, "сто" — сравните хантыйское *сот*, мансийское *сат*, финское *сата*, эстонское и мордовское *сада* с иранским *сата* и индийским *шата*), многочисленная скотоводческая терминология (слова для обозначения коровы, козы, овцы, ягненка, молока и т.д.), лексика, связанная с хозяйством и повседневным бытом ("дорога" — хант. *пант*, др.-инд. *пантха*, авест. *пинта*; "ветер" — хант. и манс. *ват*, др.-инд. и авест. *вата*; "веревка" — манс. *рисн*, др.-Иран. *расана*, др.-инд. *рашани* и т.д.). Эти и большое количество иных заимствований, используемых не только обско-угорскими, но и другими уральскими языками — удмуртским, марийским, венгерским и т.д., свидетельствуют о многом. Как полагают лингвисты, они отражают не один, а несколько этапов развития индоиранской речи на границах с финно-угорскими землями. Ряд терминов определенно был воспринят их обитателями из лексики еще не распавшейся арийской общности, другие — из словарного запаса языков, уже разделившихся на протоиранскую и протоиндийскую ветви. Значит, предки современных финно-угорских народов вступали в контакты не только с древнейшими ариями, но и с их потомками — непосредственными предками индийцев и иранцев.

Эти же заимствования служат серьезным аргументом в пользу того, что прародина ариев располагалась на юге Восточной Европы, а их контакты с носителями финно-угорской речи могли осуществляться на границах с лесной зоной от Поволжья до Зауралья. А если это так, то вполне возможно, что следы пребывания ариев отыщутся и на юге Тюменской области. Попытаться найти ответ на этот вопрос может и археология.

На рубеже эпох

Под натужный рев мотора машина медленно ползет вверх по крутой и узкой дороге, извивающейся среди лесной чащи. Ветви тронутых желтизной деревьев скользят по стеклам кабины, цепляются за брезентовое покрытие кузова. Кажется, заодно с ними и мокрая от дождей земля. Чтобы вслепую не заскользить вспять, автомобиль вгрызается в нее колесами всех трех синхронно работающих мостов. Последнее усилие, и мы — на "вершине мира".

После того, как двигатель заглушен, всегда царящая здесь тишина вновь повисает в воздухе. Божественная тишь и покой... Змеящиеся старицы Исети, острова соснового бора, щебет птиц и шелест листьев — все это осталось внизу. И кажется, скажи слово — и оно разнесется над лугами и перелесками, пролетит над каждой поляной и, рассыпавшись на звуки, растворится в неоглядной дали. А здесь, куда возвращаются на ночь окрестные ветры, по-прежнему будет спать древнее городище, руины которого смотрят в небо уже третью тысячу лет.

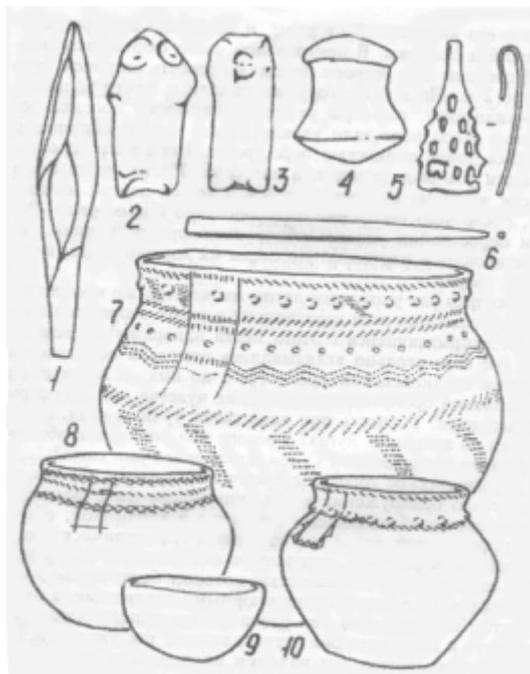
Сегодня мы поднялись сюда в последний раз. На исходе август. К концу подошел еще один полевой сезон. Завтра с утра машина, загруженная ящиками с коллекциями и экспедиционным снаряжением, уйдет в город. А пока мы прощаемся с городищем, где проработали почти два месяца.

В окрестностях Тюмени трудно найти место красивее, чем это. Прорезанная глубокими логами коренная терраса Исети кряжем высится над широкой прибрежной равниной, покрытой старичными озерами и изумрудными борками, за которыми петляет быстрая река. На редких отмелях с каменистым дном она не дает даже устоять, сбивает с ног и заставляя, подчиняясь ее капризному характеру, плыть только по течению. Но зато каким свежим выходишь их этих прозрачных струй! Нет, человек любой эпохи не мог не заметить всей прелести этих мест, и должен был обязательно поселиться здесь. И наше городище подтверждает это.

Нынешний год — уже третий по счету с тех пор, как мы начали здесь раскопки, хотя памятник известен давно. Еще в конце XIX века о нем писал неутомимый собиратель древностей тюменской округи Иван Словцов. Тогда окрестные жители знали этот памятник как Лизуново городище, но мы — по названию соседней деревни — чаще именуем его Красногорским. Уже первые, рекогносцировочные, раскопки показали, что оно содержит культурные слои двух эпох — бронзового века и средневековья. Около 600 лет назад образованный двумя логами треугольный мыс террасы с напольной стороны был обнесен мощными укреплениями — в том глубиной не меньше роста человека и широким валом. Защищать площадку со стороны реки особой нужды не было — крутые склоны террасы, достигающей здесь почти 40-метровой высоты, были неприступны сами по себе. Попробовав однажды штурмовать их снизу и взобравшись наверх вконец обессиленным, хотя был налегке, я больше не решился повторить подобный эксперимент.

Укреплений и жилищ бронзового века на поверхности заметно не было. И только вскрыв первые квадраты небольшого раскопа, разбитого у самого края террасы, можно было догадаться, что люди селились здесь и прежде — на две тысячи лет раньше, чем средневековая община. Черепки бронзового века в слое даже преобладали, и это был тот редкий случай, когда открытие новой археологической культуры

осознавалось сразу, — настолько своеобразны были полученные материалы. Надо ли говорить о том, как радовались этому участники экспедиции. Несколько лет спустя новая культура получила название бархатовской — по одному из исетских поселений, которое хоть и не раскапывалось, но было одним из первых, позволивших разведчикам собрать внушительную коллекцию аналогичной керамики. Однако бархатовские поселения стояли не только вдоль Исети. Их удалось открыть на Тоболе, берегах Андреевского озера, Туры, а также значительно дальше — на реках Ница и Миасс в Зауралье. Похожую керамику мне приходилось находить и в Тюмени — на Мысовском поселении в парке им. Ю. Гагарина.

Костяной наконечник стрелы (1), поделки из глины (2-4), бронзовые предметы (5, 6) и керамические сосуды (7-10) бархатовской культуры.

Мы стоим на высоком средневековом валу, откуда раскоп виден весь как на ладони. Пока он не засыпан, на его ровной зачищенной поверхности заметны контуры древних рвов, неглубокие котлованы полуземляночных жилищ, а также десятки ям: хозяйственных и от некогда стоявших в них столбов, составлявших каркасы домов и крепостные стены.

Одна из примет позднебронзовой эпохи — появление во многих подтаежных районах Западной Сибири первых укрепленных поселков — городищ, которые в последующий период (в железном веке) стали одним из самых распространенных типов поселений в этих местах. Бархатовские "городки" довольно часто возводились на высоких берегах рек, дававших хороший обзор местности и служивших надежной естественной защитой для их обитателей. Наши работы на Красногорском городище позволили установить, что этот поселок первоначально состоял из двух частей: небольшой цитадели на краю мыса и располагавшегося за пределами укреплений "посада". Оборонительную линию цитадели образовывали глубокий ров шириной до 3,5 м, мощная бревенчатая стена, сооруженная с его внутренней стороны, и насыпной вал, располагавшийся снаружи. В центральной части фортификационной системы был устроен въезд в крепость шириной чуть более 2 м. Но в этом году мы узнали и нечто большее. По-видимому, размеры укрепленной части поселка довольно скоро перестали удовлетворять членов общины, и он был почти полностью перестроен. В процессе реконструкции ров был засыпан, а вал срыт. На их место перенесли жилища, располагавшиеся ранее за чертой цитадели, после чего поселение было опоясано новым рвом. Все эти перестройки удалось обнаружить при раскопках, зафиксировать в чертежах. Но следы их хорошо видны и отсюда, сверху.

Сколько раз уходящим летом мы вот так же молча стояли у оплывших стен городища не в силах оторвать взгляда от открывающейся с этого места панорамы! Наверное, так же внимательно вглядывались отсюда в окрестности стражи средневековой крепости, а до них — защитники укреплений бронзового века. Какие чувства они при этом испытывали? Гордость при виде своих тучных стад, пасущихся на заливных лугах? Тревогу при появлении вблизи городища незнакомцев? С чем пожаловали они сюда?

Красногорское городище богато сюрпризами. Одним из них стало обнаружение в его культурном слое, наряду с численно преобладающей бархатовской керамикой, обычно украшенной довольно простыми геометрическими и зигзаговыми узорами, совершенно отличных от нее черепков, характерной особенностью которых были орнаменты, оттиснутые на глине миниатюрными штампами в виде креста. За несколько лет раскопок мы успели уже привыкнуть к ним, хотя они встречались не так уж часто. Со всей наглядностью эти находки показывали, что члены поселенческой общины поддерживали постоянные контакты с иноплеменниками, представителями совершенно иной культуры, причем уходящей своими корнями далеко на север.

В конце II тысячелетия до н.э. в таежных районах Среднего и Нижнего Приобья возникла новая культура, получившая название атлымской. Наиболее полно она изучена при раскопках знакомого каждому археологу комплекса памятников на Барсовой Горе в окрестностях Сургута. Атлымцы были охотниками и рыбаками, и хотя они уже освоили металлургическое производство, продолжали обрабатывать камень и при этом являлись создателями самобытного декоративно-прикладного искусства, известного нам, к сожалению, лишь по узорам на их посуде. Они перешли к изготовлению необычных горшков с дугообразно выгнутой шейкой, напоминающих перевернутый колокол, а для их украшения стали использовать фигурные штампы, в основном крестовый и в виде змейки. С их помощью на сырую глину наносились сложные орнаментальные композиции, в основе многих из них лежали пришедшие с юга, но уже трансформированные в таежном искусстве меандровые мотивы.

История распорядилась так, что в начале I тысячелетия до н.э. значительной части атлымского населения пришлось покинуть свою родину. Причины этого до конца не ясны. Возможно, свою роль сыграло затруднявшее ведение традиционного хозяйства избыточное увлажнение тайги, отмечаемое палеогеографами для конца эпохи бронзы, возможно, какие-то иные факторы. Но так или иначе, разрозненными группами по рекам атлымцы устремились на юг и, несмотря на трудности растянувшейся на десятилетия походной жизни и на опасность оказаться во враждебном окружении, уже к VIII-VII вв. до н.э. вышли в южнотаежные и даже лесостепные районы. Конечно, за этот период их культура не могла не измениться: двигавшиеся на юг общины включали в свой состав чужаков, сами вливались в группы иноплеменников. Поэтому археологи на всей территории, охваченной в начале I тысячелетия до н.э. миграцией таежных жителей, выделяют несколько археологических культур, для каждой из которых в той или иной степени по-прежнему были характерны сосуды, украшенные оттисками креста. Одна из них — гамаюнская — сложилась на Урале. И именно гамаюнские черепки находили мы на Красногорском городище. Видимо, разные языки не стали помехой для установления между бархатовцами и гамаюнцами довольно устойчивых связей, хотя различия в их культурах заметны археологам даже сквозь мареву прошедших тысячелетий. Хозяйство бархатовских общин было комплексным с ведущей ролью производящих отраслей. Показательно, что, наряду с костями коров, лошадей, мелкого рогатого скота, а также диких животных и рыб, на бархатовских поселениях найдены кости верблюдов, возможно, свидетельствующие о начале караванной торговли с южными соседями.

Гамаюнские черепки на Красногорском городище сослужили нам хорошую службу еще и тем, что помогли установить возраст памятника. Археологи уже давно заметили: в южных районах Западной Сибири — на Оби, Иртыше, Ишиме — керамика с крестовой орнаментацией появляется позднее, чем на севере — только в VIII-VI вв. до н.э., когда сюда донеслись отголоски прокатившейся по тайге миграции атлымцев и их потомков. Значит, и Красногорское городище существовало примерно в это же время. Снять все сомнения позволило радиоуглеродное датирование собранного при раскопках угля. Все семь образцов, отобранных в заполнении одного из самых поздних жилищ поселка, а также на межземляночном пространстве, дали очень близкие даты, даже несмотря на то, что точность данного метода применительно к памятникам бронзового века в известной мере относительна — плюс-минус 30-50 лет. Впрочем, ее вполне достаточно, когда счет идет на века или тысячелетия. Полученные результаты свидетельствовали о том, что заключительный период существования поселка, отмеченный контактами его жителей с представителями гамаюнских общин, пришелся примерно на 834-620 гг. до н.э., т.е. на последнюю треть IX — начало VII вв. до н.э. Теперь мы уже не сомневались, что наше городище — один из самых поздних памятников бронзового века в окрестностях Тюмени, а бархатовскую культуру от начала эпохи железа отделяют уже не столько века, сколько десятилетия. Ведь VII в. до н.э., — если мыслить евразийскими категориями, — это уже скифская эпоха, относящаяся к началу железного века.

Расставаться с городищем не хочется. Но впереди у нас не менее интересные экспедиции. Ведь в сущности мы знаем пока о людях бархатовской культуры не так уж и много. Кто были их предки и откуда они родом, на каком языке разговаривали и каких богов почитали? Ответы на эти вопросы могут дать только новые, более древние памятники эпохи бронзы.

Дом игрока

Река струится под самым раскопом, и в течение дня мы устраиваем несколько коротких перерывов для купания. Такого знойного лета не было давно. Да и облюбованный нами мысок при впадении в Исеть ручья Ольховки расположен на самом солнцепеке. После нескольких часов работы лопатой сбегает по невысокому склону и, не останавливаясь, бросаешься в воду, всем телом ощущая ее приятную свежесть. Дно круто уходит вниз, и река вмиг подхватывает тебя, приглашая в свой извечный маршрут, чтобы показать знакомые всем места такими, какими привыкла видеть их только она, открыть известные ей одной укромные и тихие заводи. Отправиться в такое путешествие можно и в надувной лодке, но пловец, даже если он быстро одумается, рискует закончить его в совершенно неизвестном месте, куда его вынесет петляющая стремнина. Поэтому, вынырнув, сразу начинаешь грести против течения, надеясь удержаться на месте и выбраться на берег там, где вошел в воду. На ровную лужайку, покрытую мягким ежиком невысокой травы, поднимаешься переродившимся. Усталости как не бывало, да и солнце в зените кажется не таким раскаленным. Но через несколько минут, проведя рукой по уже сухим волосам, понимаешь, что это всего лишь волшебство реки, способной в один миг вернуть силы.

Дорога к этому поселению, которое по имени ручья я стал называть Ольховкой, растянулась на несколько лет. Сколько раз приходилось проезжать мимо него по проселочной дороге, направляясь к другим памятникам! Тем более, что все это время надежда обнаружить селище или могильник, непосредственно предшествующие по времени возникновению бархатовской культуры, теплилась в груди. Собрав на берегу

Туры в окрестностях с. Борки небольшую коллекцию керамики, которая по всем признакам должна была принадлежать черкаскульской культуре, открытой еще в начале 60-х годов известным уральским археологом К.В. Сальниковым, я нисколько не сомневался в том, что рано или поздно памятники, относящиеся к последней четверти II тысячелетия до н.э., станут известны в тюменской округе. Но прошло еще два или три года, прежде чем один из экспедиционных маршрутов снова привел нас в с. Рафайлово на правобережье Исети. Случайно разговарившись на улице с местными жителями, я впервые узнал от них о недавних находках керамики неподалеку от деревни. Через несколько минут машина уже несла нас вместе с провожатыми в нужном направлении.

Ровная поляна в устье Ольховки у светлой березовой рощицы, подмытый рекой берег — это место было хорошо знакомо селянам. Выйдя из автомобиля, остановившегося у самого обрыва, спускаюсь на осыпь. А вот и обломки сосудов, торчащие из темной земли, начинающейся сразу под дерном и уходящей вглубь почти на полметра. Любой археолог, не колеблясь, признал бы в ней культурный слой — характерный признак каждого древнего поселения. Перочинным ножом достаю черепки из земли, отыскивая среди них те, что сохранили на своей поверхности узоры. Их число быстро растет. Многие из обломков покрыты изящными геометрическими орнаментами, такими же, как и посуда из-под Борков. Удача сегодня с нами! Мы благодарим наших проводников, которым искренне признательны. А раскопки... Их решено начать уже следующим летом.

Реконструкция керамических сосудов с поселения Ольховка.

Наш лагерь стоит километрах в десяти от поселения. С наступлением темноты, когда в палатках зажигаются электрические фонарики, поляна преобразуется. Подсвеченные изнутри разноцветные купола — красные, зеленые, голубые — мерцают в ночи, как огни фантастического городка, застроенного причудливыми домиками. На берегу реки, куда отблески костра уже не долетают, тихо. Поодаль спит огромное Рафайловское городище раннего железного века. Его рассчитанная на круговую оборону цитадель, состоявшая из двух примыкавших друг к другу, но вполне самостоятельных крепостей, за стенами которых начиналось обширное неукрепленное селище, давно заросла густым лесом, через который не пробивается даже свет восходящей луны. Половина участников экспедиции работает на этом памятнике. Здесь на площади около 6 гектаров в конце I тысячелетия до н.э. стояли десятки домов, в которых проживали, по меньшей мере, сотни людей. Застройка "городка" была настолько плотной, что новые жилища, возводившиеся взамен сгоревших или обветшавших, приходилось ставить на месте старых. На одной из окраин поселка нами уже исследован участок, где располагалась мастерская металлурга. Возникновение подобных населенных пунктов говорит о том, что в начале эпохи железа на юге нынешней Тюменской области шло активное формирование предпосылок для возникновения городов в полном смысле этого слова.

Наше поселение древнее примерно на тысячу лет. И это был не город, а, скорее, большая деревня. К сожалению, ее истинных размеров нам никогда не узнать — значительная часть памятника разрушена рекой, год за годом подмывавшей берег. Но некоторые из своих тайн поселок постепенно открывает. Может быть, одну из его загадок удастся разгадать уже завтра. Надо только дождаться утра.

Раскоп на Ольховке, начинавшийся с небольшой стратиграфической траншеи, пробитой перпендикулярно берегу реки для изучения всех имеющихся на памятнике слоев, с каждым днем становится все шире и шире. Вот и сейчас работающие здесь студенты, стоя на его дне, застеленном полиэтиленовой пленкой, тонкими срезами лопат разбирают очередную линию квадратов. Это позволяет нам разделять находки, залегающие в разных слоях, чтобы датировать эти отложения с наибольшей точностью. Работая таким образом, за три недели отряду удалось исследовать уже около 400 кв.м — примерно половину той площади, которую мы собираемся вскрыть в этом году. Несмотря на то, что часть поселения уничтожена

обвалами берега, нам повезло: раскоп точно вышел на одно из неразрушенных сооружений, контуры которого теперь уже хорошо видны на зачищенной поверхности. По ним можно догадаться, что это была сравнительно неглубокая полуземлянка, вкопанная в желтую материковую глину примерно на полметра. Но до чего же огромная! Ее размеры — приблизительно 20 x 12 м! Для каких целей было возведено это гигантское помещение? Что это — остатки дворца, храма, жилище целого клана? И почему его пол такой неровный — с приподнятой площадкой в центре? Что ж, вопросы резонные, но ответ на них я уже знаю, поскольку не раз встречался с подобными сооружениями при раскопках, причем не только в Тюменской области.

Такие постройки были характерны для нескольких скотоводческо-земледельческих культур эпохи бронзы, существовавших на юге Западной Сибири и территории Казахстана на протяжении II и начала I тысячелетия до н.э. Нередко их площадь превышала даже 300 кв.м. А служили они не только жильем для относительно самостоятельных в хозяйственном отношении больших семейных общин численностью 15-20 человек, но и зимним приютом для принадлежавшего им скота.

Содержание домашних животных в жилищах было широко распространено в прошлом у разных народов. Известный русский путешественник Степан Крашенинников, характеризуя жилище удинских бурят, еще в XVIII веке писал: "Зимой живут в деревянных юртах осьмиугольных, на верху оных оставлено круглое отверстие для исхождения дыму, потому, что огонь под ним кладут, который днем и ночью не утихает. В той же юрте и скот их, и сами живут". Загоны для животных устраивались и в сельских жилищах Болгарии, в частности в землянках, которые были распространены на территории Дунайской равнины еще в XIX в. Принцип сочетания под одной кровлей дома и хлева был характерен даже для средне- и североевропейских типов жилых построек, распространенных в прошлом во Франции, Бельгии, кельтских и соседних с ними районов Великобритании (горные районы Шотландии, Ирландия, Уэльс), в Германии, Дании, Швейцарии и других странах. Обычно они делились на центральную часть, где размещались люди и велись хозяйственные работы, а также две боковые, где находился скот.

Этому же принципу следовали и значительно более древние жилища арийских племен, вторгшихся во II тысячелетии до н.э. в Индию. В заговоре на постройку хижины, содержащемся в "Атхарваведе" — собрании их древних заклинаний, окончательно оформившемся приблизительно в начале I тысячелетия до н.э., но включившем в свой состав многие гораздо более древние ритуальные формулы, можно найти следующие строки.

*Вот здесь я закладываю прочную хижину.
Да стоит она в мире, кропя жиром!
Да войдем мы в тебя, о хижина,
Со здоровыми мужами, с прекрасными мужами,
с неведимыми мужами!*

*Вот здесь стой прочно, о хижина,
Богатая конями, богатая коровами,
богатая радостями,
Богатая силой, богатая жиром, богатая молоком!
Возвышайся на великую судьбу!*

*В нее - маленький мальчик,
В (нее) - теленок с движущимся (домашним скотом),
В нее вошел переполненный кувшин
С горшками кислого молока.*

Атхарваведа. III, 12

О том же повествует и другой заговор, который произносили перед разборкой дома при передаче его новому хозяину, когда приходилось демонтировать каркас жилища из вертикальных опорных столбов, а также лежавшую на них кровлю, элементы которых были крепко-накрепко связаны между собой веревками.

*У подпорок, опор,
А также у перекрытий
Хижины, в которой все лучшее,
Мы развязываем все, что связано.*

Кто тебя забирает, о хижина,

*И кем построена ты —
Пусть оба они, о хозяйка строения,
Живут до старости!*

*Коровам, лошадям поклон,
Тому, что рождается в жилище!
О дающая рождение, о дающая потомство,
Мы развязываем твои петли.
Ты прикрываешь огонь внутри,
Людей вместе со скотом.
О дающая рождение, о дающая потомство,
Мы развязываем твои петли.*

Атхарваведа, IX, 3

О том, что раскопанный нами на поселении большой дом служил защитой от холода и сырости не только людям, но и принадлежавшим им домашним животным, свидетельствует и рельеф его земляного пола. Ведь ни в одном из подобных ему жилищ быть идеально ровным он просто не мог. Весной, сразу после выгона скота на пастбища, хозяевам деревянными лопатами и метлами приходилось очищать отведенную под хлев часть своего дома от скопившегося навоза, чтобы основательно проветрить помещение. Следы этих чисток и наблюдают археологи, фиксируя при раскопках жилищ данного типа понижение уровня пола на тех участках, где находились загоны. Довольно часто они располагались вдоль стен постройки или занимали ее половину. В тех домах, которые были покинуты или сгорели зимой, иногда удается обнаружить следы неубранного навоза. Таким образом, центральная часть изученного нами жилища, напоминающая приподнятую над окружающей поверхностью площадку, в действительности являлась местом обитания людей, где земляной пол снашивался не так интенсивно, как по краям.

Рабочий день подошел к концу. Мы собираем свой нехитрый инвентарь и грузим в машину. И хотя такие дома, как раскопанный нами, уже известны, я все-таки очень доволен: ведь для черкаскульской культуры он первый! И, быть может, далеко не единственный, поскольку о черкаскульском домостроительстве ученым известно пока не так уж и много. Вполне возможно, что внимательно проанализировав расположение выявленных столбовых и хозяйственных ям, — а их в жилище более 300 — нам удастся реконструировать его облик. Но этим мы займемся потом. А пока автомобиль медленно трогается, и за окном один за другим в привычном порядке чередуются знакомые пейзажи, обрамляющие дорогу к лагерю.

Кружок собравшихся у вечернего костра постепенно редет. За день ребята, что ни говори, устают, а подъем, как всегда, ранний. Да и ночь уже вступает в свои права. Языки угасающего пламени бегают по раскаленным углям, готовые в любой момент взвиться над ними легким дымком. Молчу я, молчит и дядя Миша, в очередной раз приехавший нас проведать из своей одинокой пастушьей избушки, стоящей неподалеку от лагеря. Дяде Мише за шестьдесят, и в студенческой компании он немного робеет. Вот и нынешний вечер он тихо просидел где-то с краю, прислушиваясь к разговорам и песням под гитару. Но с молодежью ему, по-видимому, не скучно. Об этом говорят и его задорные глаза, блеску которых я поражаюсь при каждой нашей встрече. Мы знакомы уже лет пять, с тех пор как впервые поставили здесь палатки. Но только сегодня, дождавшись удобного момента, он решается выведать, откуда нам известно, что копать нужно именно тут, где ему знаком каждый бугорок. Или об этом написано в каких-то книгах? Или у нас есть особая карта?

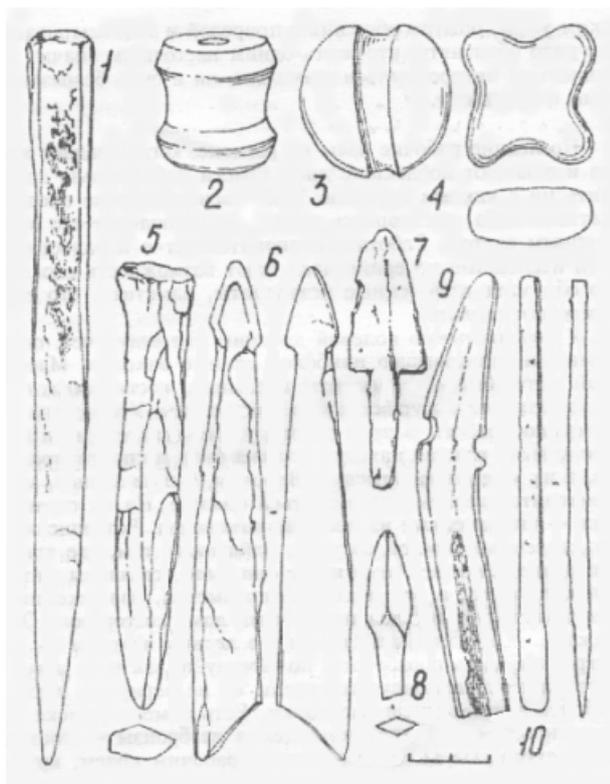
Карта у нас действительно есть, вот только составлять ее приходится самим, прокладывая разведочные маршруты там, где археологи еще не бывали. А экспедиции, организованные для раскопок, выезжают на уже открытые поселения, городища и курганы. Прошли разведчики и здесь, но дядя Миша их, наверное, проглядел, поскольку на одном месте поисковые группы долго не задерживаются. Имеются, конечно, на нашей карте и белые пятна, хотя и обнаруженных памятников тоже немало — более тысячи только на юге области. Есть или, вернее сказать, будет и книга, в которой они описаны, — работу над ее рукописью мы завершили совсем недавно. Досадно только, что с каждым годом все больше и больше этих памятников гибнет при распашке полей, строительстве дорог и трубопроводов. Когда, закончив книгу, мы попытались с помощью цифр нарисовать объективную картину состояния сосредоточенного здесь археологического наследия, то поразилась сами. Оказалось, что в удовлетворительной сохранности находится только около 40 процентов выявленных объектов. При этом в отдельных районах их доля падает до 11-15 и даже 3-4 процентов. Здесь уже сложилась такая ситуация, когда в ближайшие 5-10 лет все они могут быть уничтожены! А без них, как, например, без курганов, веками служивших неотъемлемым атрибутом западносибирских ландшафтов, тускнеют окружающие нас пейзажи, скудеет наша душа, лишённая легенд, связанных с этими памятниками, и достоверного научного знания о них.

Дядя Миша согласен со мной, хотя знатоком истории себя не считает. Ему, наделенному природным крестьянским умом, опытом общения с природой и знанием людей, не надо объяснять, что жить одним настоящим значит не только не интересоваться прошлым, но и быть безразличным к будущему.

Последние рабочие часы на раскопе, когда спадает жара и оживают поблекшие днем краски неба, нельзя сравнить ни с какими другими. Таинственное сияние предзакатного неба, растворяясь в воздухе,

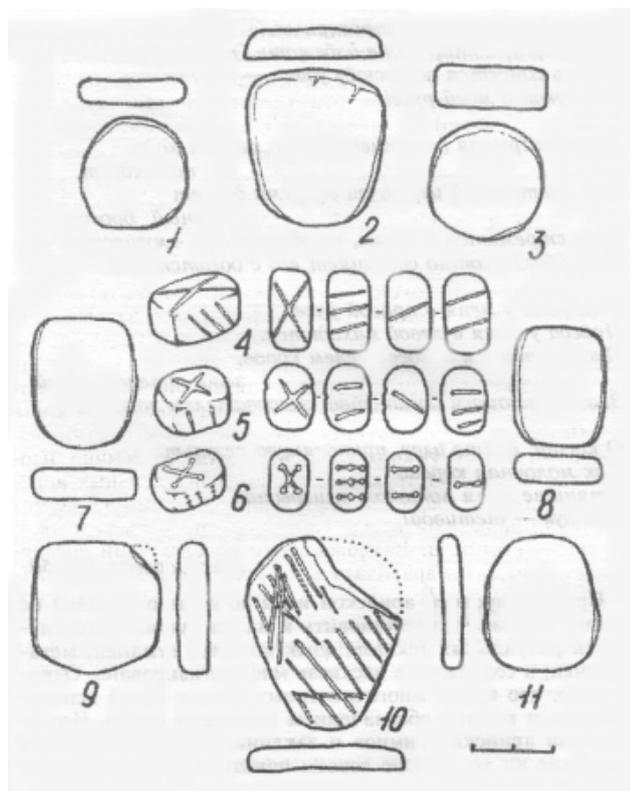
наполняет его волшебным светом. Работать становится легче и радостней. Эти неспешные вечерние часы дают возможность спокойно обдумать полученные результаты, наметить, что еще предстоит сделать.

Я перелистываю полевой дневник, где веду учет, описываю и зарисовываю наиболее ценные находки. Массовый материал — фрагменты керамики, кости животных — фиксируют в журналах мои помощницы. Утомительной бумажной работы в этом сезоне у них хватает, но и без нее нельзя: каждая находка должна быть паспортизирована, а их уже многие тысячи. Впрочем, и свои записи мне приходится делать уже в третьей книжке. На их страницах — выхваченные из небытия мгновения. Вот описания раздавленных землей сосудов, найденных там, где три с лишним тысячи лет тому назад они были оставлены жителями поселка, а вот перечень предметов, разложенных неподалеку от исследованного нами дома косторезом. Однажды, — может быть, таким же летним вечером — он устроился здесь поработать, но почему-то так и не завершил начатый наконечник стрелы и не вернулся, чтобы забрать принесенные заготовки. Есть в моем списке и, безусловно, очень дорогие изделия из бронзы — тонкое четырехгранное долотцо с острым рабочим краем, крупный наконечник стрелы с длинным черешком и другие. Потеряв их, люди не могли не расстроиться. И совсем уж обидно было лишиться только что отлитого бронзового тесла — незаменимого плотницкого инструмента.

Костяные (1, 5, 6, 8, 9), глиняные (2-4) и бронзовые (7,10) изделия с поселения Ольховка.

Но чаще всего на страницах дневника мелькают рисунки небольших керамических дисков, выточенных из горшечных черепков. Их найдено уже больше трех десятков. Считается, что они служили заготовками для пряслиц — маховичков, надевавшихся мастерицами на свои деревянные веретена. Стоп! Привычное объяснение тут, кажется, не подойдет. Я еще раз перелистываю журнал, разглядывая зарисовки. Так и есть! Многие из дисков имеют вовсе не круглую форму. Среди них попадаются и почти квадратные, несмотря на свои сглаженные углы, и даже близкие к каплевидным. Причем каждая из этих разновидностей представлена несколькими экземплярами. А вот и еще один! Его только что вынули из слоя и протянули мне для внесения в опись. Очень кстати! Края хорошо зашлифованы, как и у большинства тех, что найдены раньше. Несомненно, это законченное изделие, а не заготовка. Снова возвращаюсь к рисункам. Настоящих веретенных грузиков в коллекции всего несколько. Чем же в таком случае служили остальные?.. Как бы их назвать? Фишки?.. Больше всего они, действительно, напоминают игральные фишки. Неужели?.. При одной этой мысли сердце начинает бешено колотиться. Неужели передо мной атрибуты той самой игры, которая фигурирует в "Ригведе" — древнейшем собрании арийских гимнов, составленном завоевателями далекой Индии примерно в то же самое время, к которому относится и наш поселок? А в памяти уже всплывает знаменитый гимн игрока, столь же древний, как и лежащая в моей руке фишка.

Керамические фишки (1-3, 7-11) с поселения Ольховка и игральные кости (4-6) с памятников II тыс. до н.э.

Не бранила и не ругала меня она.
 Благосклонна к друзьям и ко мне была.
 Из-за одной лишней игровой кости
 Я оттолкнул преданную жену.
 Другие обнимают жену того,
 На чье богатство накидывается стремительная
 игральная кость.
 Отец, мать, братья говорят о нем:
 "Мы не знаем его! Уведите его, связанного!"
 Когда я решаю: "Я не буду с ними играть,
 Отстану от уходящих товарищей", —
 То брошенные коричневые (орехи-кости) подают голос,
 И я спешу на свидание с ними, как любовница.

Резвится стая этих (игральных костей)
 числом трижды пятьдесят,
 Чьи законы непреложны как (законы) бога Савитара.
 Не склоняются они перед яростью даже могучего.
 Даже царь делает им поклон.
 Страдает брошенная жена игрока
 (И) мать сына, бродящего неизвестно где.
 Обремененный долгами, испуганно ищущий денег,
 КрадетсЯ он ночью в дом к другим (людЯм).

Сюжет, воистину, старый как мир! Азарт игрока, рассчитывающего на богатый выигрыш, передает и "Атхарва-веда", содержащая особый заговор на счастье при игре в кости.

*Как гром дерево
Всегда поражает беспрепятственно,
Так я сегодня игроков
Хочу разбить беспрепятственно с помощью костей.
От проворных, от непроворных,
От людей, которым не избежать (неудачи),
Пусть сойдется отовсюду удача —
Выигрыш в моей руке!*

*И, переигрывая (противника) на первом ходу,
он побеждает,
Как настоящий игрок, он вовремя делает
удачный бросок.
Кто стремится к богам, не удерживает имущества —
Ведь (бог) охотно соединяет его с богатством.
Выигрыш у меня в правой руке,
Победа у меня в левой находится.
Пусть стану я завоевателем коров, завоевателем коней,
Завоевывающим богатство, завоевателем золота!
О кости, дайте игру, приносящую результат,
Как молочная королева!
Стяните меня потоком выигрыша,
Как лук — тетивой!*

Атхарваведа, VII, 50

Правила древней арийской игры до нашего времени не дошли. Нельзя их восстановить и на основании сохранившихся ритуальных текстов, язык которых туманен, метафоричен, а содержание насквозь мифологизировано. Однако ясно, что кроме многочисленных фишек в ней использовались и кости с обозначением выпавших очков. Исследователи арийских гимнов и заклинаний давно обратили внимание на то, что не совсем понятный термин *критта*, который обычно переводят как "выигрыш" или "счастливым бросок", дословно означает не то четыре кости, выпавшие в броске, не то одну из плоскостей игральной кости с четырьмя очками. Точнее перевести его, не зная, как выглядели эти кости, невозможно. Но они есть, найдены археологами! Их можно не только увидеть, но и потрогать! Одна из них обнаружена при раскопках поселения бронзового века у с. Язево в Курганской области, всего лишь в нескольких часах езды от нас. А другая, несколько более древняя, но тоже относящаяся ко II тысячелетию до н.э., еще ближе — у г. Ялуторовска. Всего же таких костей у западного и за восточным склоном Южного Урала известно около двух десятков. Часть из них — кости в прямом смысле этого слова, другие изготовлены из камня или обожженной глины. Но это не кубики с цифрами от 1 до 6, к которым мы привыкли, а удлиненные параллелепипеды, бросая которые можно было набрать максимум четыре очка, — ведь на попа такая кость встать не могла. Вот почему так ценилась игроками выпавшая четверка! И даже на самих костях ее обычно изображали не соответствующим числом параллельных нарезок, как другие цифры, а двумя пересекающимися чертами, напоминавшими крест. Наверное, это и была *критта*, дававшая выигрыш. Возможно, что впоследствии древнеарийская игра превратилась в хорошо знакомые всем нарды, известные в Иране с VI в. Да и лежавшая в их основе безымянная игра дарила радость победы или приносила горечь поражения не только индийским ариям, но и их сибирским современникам. Впрочем, современникам или соплеменникам?

Ящички с коллекциями, свернутые палатки и спальные мешки заполнили кузов машины под самый тент. Кое-что приходится складывать и во второй автомобиль — новенькую "вахтовку". В нее отряд все равно не входит, и большинство студентов поедет в город рейсовыми автобусами. За полтора месяца Ольховка успела рассказать о многом. И хотя окончательные выводы делать еще рано, мне кажется, что истоки бархатовской культуры в полученных нами материалах прослеживаются довольно отчетливо. Орнаменты многих обнаруженных на поселении черкаскульских сосудов уже приближаются к тем, которые спустя 300-400

лет станут характерными для посуды Красногорского городища и других синхронных ему памятников. А преемственность двух культур позволяет предполагать, что их создатели являлись носителями одного и того же языка, близких представлений об устройстве мира и эпических сказаний. Впервые нам удалось познакомиться и со многими сторонами жизни черкаскульских общин. Ряд ученых считает эту культуру угорской, но наши раскопки вряд ли подтверждают данную гипотезу. Правда, только что упакованные костные остатки еще предстоит изучить палеозоологам, но все остальные данные — облик исследованных жилищ, состав находок и многое другое — характеризуют черкаскульцев как исконных скотоводов и земледельцев. Скорее можно предположить, что они говорили на одном из арийских, может быть, иранских, языков, заимствования из которых попадали в речь жителей лесов. Но укрепить или опровергнуть эту мысль смогут только еще более древние памятники, которые прольют свет на происхождение самой черкаскульской культуры. Наше путешествие продолжается.

За поворотом — бронзовый век

Говорят, что отправляться в дорогу во время дождя — примета счастливая. Он льет как из ведра, хотя еще совсем недавно небо было чистым. До места, где нам предстоит разбить лагерь, почти двести километров. А свинцовая туча накрыла, похоже, не только город.

Но мы возвращаемся в сказку — к волшебному озеру и наполненному щебетом птиц сосновому бору. А наша машина — машина времени, которая не только перенесет нас почти на четыре тысячи лет назад — к началу андроновской эпохи, но и сможет, если мы захотим, сделать на своем пути несколько остановок, расстояние между которыми измеряется не просто в километрах, а еще и в веках.

Притормозить мы можем уже за пос. Боровским. По сторонам шоссе — лес, но за ним, если повернуться лицом на восток, речка со странным названием Дуван, соединяющая Андреевское озеро с Пышмой. На берегу этой протоки, в каких-нибудь тридцати километрах от Тюмени — целый "куст" разновременных городищ и поселений. Одно из них — Дуванское 17 — андроновское.

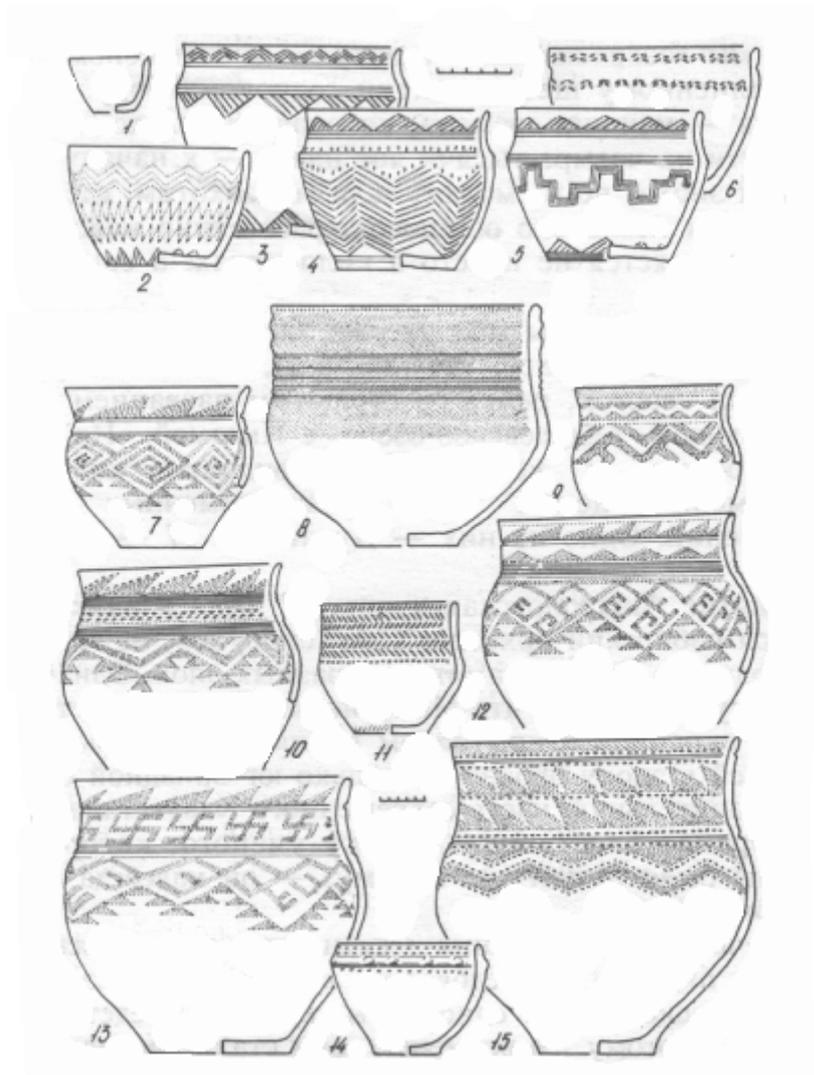
Понятие "андоновская культура" ввел в науку выдающийся сибирский археолог С.А.Теплоухов, изучавший в 20-х годах на Енисее памятники разных эпох. Однако уже тогда ему было ясно" что Минусинский край является восточной окраиной открытой им великой культуры, охватывавшей в эпоху бронзы не только юг Западной Сибири, но и значительную часть современного Казахстана. Время подтвердило блестящую догадку ученого, которому не суждено было развить ее самому, — он навсегда остался узником ГУЛАГа.

В течение последующих десятилетий андроновские памятники активно исследовались в разных районах и оказались далеко не так однородны, как это представлялось сначала. Поэтому со временем они стали рассматриваться учеными как принадлежащие не одной, а нескольким археологическим культурам, хоть и родственным, но разновременным — алакульской, федоровской и другим, составлявшим огромную андроновскую культурную общность. Все они были созданы скотоводами и земледельцами, в совершенстве владевшими секретами бронзолитейного производства. Несмотря на развитое животноводство, свиней андроновцы не держали. Зато кони, запряженные в легкие боевые колесницы и использовавшиеся для верховой езды, делали их отряды, вооруженные луками и сверкавшими на солнце бронзовыми клинками, практически непобедимыми на открытых пространствах. Защищать им приходилось не только скот, но и поля своих общин, поскольку земледелие, возможно, даже пашенное, было вторым важнейшим источником их благосостояния. На поселениях и в некоторых могилах встречаются большие каменные зернотерки, бронзовые серпы и секачи, последние из которых могли использоваться также при заготовке грубых кормов для зимовки скота. Охота и рыболовство не имели большого значения, зато андроновские металлурги, значительная часть которых, скорее всего, уже являлась настоящими ремесленниками, порвавшими с земледелием и скотоводством и полностью переключившимися на обслуживание членов близлежащих общин, владели секретами получения сложных отливок в составных литейных формах из глины и камня.

Умерших андроновцы обычно хоронили под невысокими земляными курганами, содержащими, как правило, по несколько могил, по-видимому, принадлежавших ближайшим родственникам. Тела усопших или их кремированные останки предавались земле с запасом пищи в горшках, иногда с орудиями труда и вооружением. Для женских погребений обычны богатые наборы украшений — браслетов, бус, перстней, серег, наконечников. Характерный признак андроновской эпохи — нарядная плоскодонная керамическая посуда, украшенная на ранних этапах строгими, а впоследствии более сложными "ковровыми" геометрическими узорами: треугольниками, меандрами и свастичными фигурами.

Дуванское 17, исследованное моими коллегами — археологами из Екатеринбурга, относится к федоровской культуре. Здесь им удалось раскопать котлован сравнительно небольшой — площадью чуть больше 50 кв.м — полуземлянки с длинным коридорообразным входом, очагом в центре постройки и многочисленными ямами от столбов, являвшихся основой ее каркаса. Следы деятельности обитателей поселка в виде скоплений костей животных, глиняных грузил и рыбьей чешуи, а также развалов сосудов зафиксированы и за пределами жилища. Однако основой их хозяйства было все же скотоводство: кости домашних животных — в основном коров, а также лошадей и мелкого рогатого скота — резко преобладали среди изученной палеозоологами коллекции.

Автомобиль медленно трогается с места. "Дворники" еще скользят по ветровому стеклу, но дождь уже на исходе: впереди, за Пышмой, небо явно светлеет. Колеса шуршат по мокрому асфальту, оставляя позади машины волну мелких брызг. За те без малого пятьдесят километров, что нам предстоит пройти до следующей остановки, запланированной на подъезде к Ялуторовску, мы переместимся в прошлое не намного, едва ли на несколько десятилетий.

Реконструкция керамических сосудов алакульской (1-6) и федоровской (7-15) культур.

Неподалеку от этого места среди лугов и перелесков, в окрестностях с. Старый Кавдык, исследован еще один федоровский поселок. В течение нескольких лет его раскопки вел мой институтский однокашник и товарищ по работе Виктор Зах — бородач и романтик, которому нравится придумывать открытым им памятникам красивые имена. Вот и это поселение на берегу почти высохшего озера он окрестил Черемуховым Кустом, и название это уже вошло в научную литературу, которой порой так не хватает живых и образных слов. За три полевых сезона Виктору Алексеевичу удалось изучить памятник почти полностью — раскопать не только шесть огромных жилищ площадью от 180 до 300 кв.м, проходы между которыми еще нельзя назвать улицами, но и несколько оставленных обитателями селища мусорных куч — зольников.

Мне приходилось бывать здесь во время раскопок и поражаться тому, насколько дома этого поселения напоминают явно более позднее жилище, исследованное на Ольховке. Судя по отчетливым следам снашивания земляного пола вдоль стен, они представляли собою такие же полуземлянки с зимними загонами для скота. Аналогична и конструкция этих построек, их основу составлял каркас из нескольких рядов вкопанных в землю бревенчатых опор, на которых покоилась утепленная земляной засыпкой кровля.

Отличительная особенность домов Черемухового Куста — колодцы. В большинстве строений их насчитывалось даже по два или по три, вырытых вблизи хлева. И это обстоятельство тоже говорит о многом. Наверное, неглубокое озеро зимой промерзало до самого дна, а поскольку покинуть близлежащие пастбища община не решалась, иного способа обеспечить водой людей и животных просто не было. Впрочем, окрестные озера и реки были в ту пору тоже не столь глубоки — в середине II тысячелетия до н.э. их выпила Великая Сушь.

Извечные колебания уровня грунтовых вод и количества выпадающих на землю осадков подмечены учеными давно. Водоемы то вдруг переполняются, затопливая свои бывшие берега, то за несколько лет снова мелеют, обнажая заиленные участки. И это не удивительно: природа дышит, как все живое, у нее тоже есть свои ритмы. Один из наиболее сухих периодов, в истории юга Западной Сибири пришелся именно на время существования федоровских поселений. Везде: в Пришимье, Кулундинской степи и верховьях Оби, — они возводились отнюдь не на высоких террасах, а у их подножия, в пойме, которая тогда не заливалась даже в половодья. Спустя одно-два столетия ситуация в корне изменилась. Поселения более позднего

времени вновь "поднимаются" на возвышенные берега. Но федоровцы этого периода уже не застали. Их эпоха совпала с засухой, а увидеть, как вновь наполняются водой русла полупересохших рек и блюдца озер, как наливаются зеленью трава на косогорах, суждено было только их потомкам — представителям новых археологических культур. Отсюда и колодцы в жилищах Черемухового Куста, и их отсутствие, например, на Ольховке.

Мы стоим на обочине оживленного шоссе, которое на этом участке дождь даже не намочил. Значительно дальше, чем сегодня, обходили эти места влажные ветры II тысячелетия до н.э., когда царившую тут тишину нарушал не рев проносившихся мимо нас автомобилей, а редкий скрип запряженных быками повозок да ржание взнузданных верховых коней.

Состав стада жителей Черемухового Куста типичен для федоровской культуры: среди костей домашних животных резко преобладают коровьи, костей мелкого рогатого скота (в основном овец) — около четверти, а лошадиных — еще меньше, чуть более 10 процентов. При этом в общей массе пищевых остатков доля костей диких животных ничтожна — менее одной тридцатой. Ничего удивительного в этом нет: о том, что федоровцы были скотоводами, а не охотниками, известно давно. Любопытно другое. Коровы и быки, принадлежавшие жителям поселка, отличались от животных, содержавшихся другими общинами бронзового века, особо крупными размерами. Их высота в холке составляла в среднем 125 см и превышала рост крупного рогатого скота многих других синхронных селищ. Необычно и то, что большое количество особей (примерно пятая часть) забивалось очень рано — в возрасте до шести месяцев. Неужели это свидетельство специальной селекционной работы, направленной на отбор среди телят-первогодков наиболее крепких и быстро растущих животных, результатом которой жители поселка не могли не гордиться!

Так же гордились своими коровами арийские племена Индии в ведийскую эпоху, когда певцы сравнивали их и с грозовой тучей, и с утренней зарей, и с поэтической речью. В "Атхарваведе" есть особый заговор на благополучие коров, почти дословно повторяющий строки одного из гимнов "Ригведы".

Пришли коровы и сделали благо.

Пусть улягутся они в стойле и наслаждаются у нас.

Пусть будут они здесь богатыми потомством, многообразными,

Доящимися для Индры много зорь!

Они не исчезнут. Вор не причинит (им) вреда.

Недруг не покусится на их движение. (Если) кто их жертвует богам и отдает (их),

Долго еще тот пойдет с ними вместе как повелитель коров.

Их не настигнет скакун, вздымающий пыль.

Они не пойдут на бойню.

По просторному безопасному (пастбищу)

Разбредутся они — коровы этого смертного жертвователя.

Вы, коровы, даже худого делаете толстым.

Даже некрасивому вы создаете прекрасный облик.

Вы делаете дом прекрасным, о вы с прекрасным голосом!

О великой вашей подкрепляющей силе говорят в собраниях.

Атхарваведа, IV, 21

Не исключено, что этот текст или один из его вариантов мог быть известен и членам федоровских общин, в том числе жителям Черемухового Куста, — ведь многие ученые считают андроновцев носителями арийской речи. Подтверждает это и найденная здесь игральная кость, означающая, что поклонниками азартной игры, нашедшей отражение в гимнах и заговорах ведийского периода, были не только черкаскульцы, но и федоровцы.

Однако ни этим, ни общностью строительных приемов, использовавшихся ими при возведении однотипных жилищ, сходство данных культур не ограничивается. Результаты анализа собранных на Ольховке пищевых остатков показали, что состав домашних животных, принадлежавших жителям этого поселка, был точно таким же, как и у общины Черемухового Куста. А коров среди скота, содержавшегося на приисетских пастбищах, было даже не-сколькo больше — почти три четверти стада. Значит, долгое время господствовавшая в науке концепция, согласно которой черкаскульские племена являлись северными соседями андроновцев, жившими охотой, рыболовством, разведением свиней и только осваивавшими навыки содержания коров и коней, не соответствует действительности! Разве не говорит об этом отсутствие в материалах Ольховки костей домашней свиньи и открытие черкаскульских и федоровских поселений в одних и тех же районах, причем не только в тюменской округе, но и в степях, где работают наши коллеги из других

городов? Да, черкаскульские общины Зауралья вплотную придвинулись к границам лесной зоны. Но во многих из этих мест несколько веков назад уже пасли свои стада федоровцы, "ковровые" орнаменты которых настолько близки, например, Ольховским, что черкаскульскую культуру нередко именуют "андроноидной" или "северным андроном". Нет, вычеркивать жителей Ольховки и подобных ему поселений из числа "настоящих" андроновцев нет решительно никаких оснований! Этому противоречит весь облик их материальной культуры: и дома с загонами для животных, и состоявшие преимущественно из коров стада, и посуда, покрытая характерными геометрическими узорами. Но и это еще не все. Оказывается, что федоровцы и черкаскульцы являлись носителями сходного европеоидного антропологического облика. И это в то время, когда население таежной полосы Западной Сибири было преимущественно монголоидным!

Таким образом, цепочка разновременных, но перерастающих одна в другую археологических культур, которую нам пришлось отслеживать от рубежа бронзового и железного веков, пополнилась еще одним, пока что самым древним звеном — федоровской культурой, существовавшей около середины II тысячелетия до н.э. Красноречиво говорят об этом радиоуглеродные даты поселения Черемуховый Куст, указывающие на то, что очаги в его домах горели приблизительно в XVI-XIV вв. до н.э.

И вновь серая лента шоссе уводит нас дальше. Позади остался скрытый придорожным леском Ялуторовск и мост через Тобол, с которого открывается вид на бескрайнюю речную пойму. Посреди нее то тут, то там вспыхивают под солнечными лучами зеркала старичных озер, так непохожие на мутную стремнину, отороченную зарослями ивняка. Сегодня для нас Тобол — река пограничная. В том смысле, что за ней мы встретимся с древнейшими из андроновских памятников, относящихся к алакульской культуре.

Еще не так давно сопредельные с таежной полосой районы в бассейне Тобола не могли претендовать на роль земель, принадлежавших во II тысячелетии до н.э. алакульским общинам, в которых, как и в представителях других археологических культур андроновской общности, многие ученые не без оснований видят индоиранцев бронзового века. На фоне обилия андроновских памятников в степях и южных лесостепных районах Притоболья весьма немногочисленные алакульские материалы, полученные в 1893 г. финским ученым А. Гейкелем при раскопках курганов у дер. Томиловой близ современного г. Ялуторовска, долгое время выглядели не более чем следами вылазок арийских дружин за пределы андроновского мира. Однако исследование серии памятников эпохи бронзы, открытых на данной территории за последние 15 лет, показало, что этот район был освоен алакульскими группами довольно прочно, хотя и располагался на окраине обжитых ими пространств.

На асфальтовой просеке посреди прохладного леса тихо. Только еле слышно перебирают лапами высокие сосны да шелестят под легким ветром листья на верхушках берез. Неподалеку от безлюдной дороги — невысокий мысок над старицей, где между деревьями едва различимы западины от некогда стоявших тут домов и следы проводившихся раскопок. Совсем недавно у Заводоуковска мы свернули к Упорово и вот уже — рядом с поселением Ук 3, изученным археологами из Екатеринбурга. Это многослойное селище сохранило остатки жилищ разных периодов эпохи бронзы и раннего железного века. Алакульскими оказались остатки трех изученных здесь квадратных полуземлянок, совсем небольших по сравнению с исследованными на Ольховке или Черемуховом Кусте — площадью всего лишь 20-30 кв.м каждая. Одна из них, судя по следам выявленных на ее полу ямок небольшого диаметра, имела каркасно-столбовую конструкцию, относительно других этого утверждать нельзя. В центре жилищ располагались очаги, на отдельных участках пола сохранился тлен от какого-то растительного покрытия.

При раскопках Ука 3 не обнаружено ни следов пожара, ни признаков какого-либо другого стихийного бедствия, внезапно обрушившегося на поселок. Но тень давней трагедии все же витает над его заросшими руинами. Ведь что-то же заставило людей покинуть свои дома, оставив в них не только керамические сосуды, но и гораздо более ценные предметы — сверленное каменное навершие булавы с шестью выступами по бокам, а также довольно многочисленные изделия из бронзы: кельт-тесло со сквозной втулкой и широким рубящим лезвием, несколько серпов и ножей, четыре крупных крюка с ушками для подвешивания и другие вещи. Среди них оказались и орудия живших здесь мастеров-металлообработчиков: несколько каменных кузнечных молотов, инструмент для раскатки металлического листа, легкий молоточек, камни, использовавшиеся в качестве абразивов, обломки литейных форм.

Костей животных. на Уке 3 встречено немного. Но сомневаться в том, что алакульским общинам принадлежали многочисленные стада коров и овец, табуны коней, не приходится. Могильник, к которому мы направляемся и который пока является единственным алакульским некрополем во всей округе, убеждает в этом каждого присутствующего при раскопках.

Круто уходящая вниз дорога снова привела нас к Тоболу. Но сейчас мы значительно выше по течению и на этот раз пересекать реку не станем. Мимо раскинувшегося внизу Упорова, которое отсюда, сверху, просматривается как на ладони, мы двинемся дальше — на юг и скоро будем у конечной цели нашего маршрута. Там, на одном из прибрежных всхолмлений, мимо которых, то прижимаясь к кромке террасы, то уходя в поля, петляет почти всегда безлюдная дорога, уходящая от тюменского села Коркино в Курганскую область, нас ждут Чистолебяжские курганы, а неподалеку от них, у тихого лесного озера Мамаихи — знакомая поляна, где мы опять поставим палатки.

Что позвало нас сюда? Прелесть пронизанного пучками солнечных лучей соснового бора или свежесть, которой веет по утрам от озера? Конечно же, не только это, хотя и с озером, и с лесом мы встречаемся с радостью, как со старыми друзьями. Главное, ради чего мы снова здесь, вдалеке от Тюмени, — это возможность приблизиться к истокам тех культур, которые на протяжении всей эпохи бронзы развивались перед стеною притобольской тайги, где сейчас стоит наш город, первым встречающий всех, кто прибывает из-за Урала в Сибирь.

Более полутора десятков курганов исследовано уже на Чистолебяжском могильнике. Под каждым из них, как правило, по несколько захоронений. Рядом со многими могилами — остатки жертвенных или поминальных комплексов. Чаще всего это не полные скелеты овец, коров, лошадей, а компактно сложенные остатки уже разделанных туш. Среди таких скоплений почти всегда обнаруживаются лежащие в

анатомическом порядке конечности, а также черепа, на многих из которых — чуть ниже лба — заметны следы смертельных, проламывавших кость ударов, от которых животные падали как подкошенные.

В одном из заговоров "Атхарваеды", призванном сопутствовать заклятию белой овцы, которая рассматривалась как плата за доступ в располагавшийся на высшем небе мир теней, где правит царь мертвых Яма, есть такие строки.

*Та шестнадцатая (часть) пожертвованного приношения,
Которую делят между собой цари — Эти соратники Ямы,
От нее освобождает белоногая овца, Данная как жертва предкам.
Все желания исполняет она,
Возникая, растя, существуя.
Осуществительница замыслов — белоногая овца,
Данная в жертву, не иссякает.
Кто даст в жертву белоногую овцу, Соразмерную (тому) свету.
Тот поднимется на небосвод.
Где бессильный сильному
Не платит пошлины.*

Атхарваеда. III, 29

Этот и подобные ему тексты не только отражают сходство ритуалов, совершавшихся ариями вблизи своей прародины и в далеких индийских землях, отвоеванных у иноязычных племен, но и позволяют понять доселе скрытую от нас суть обрядов, следы которых мы находим при раскопках. В другом заклинании — на жертвоприношение козла — говорится так.

*Приведи его! Держи (его).'
Да отправится он. зная путь, в мир благих деяний!
Много раз пересекая великий мрак.
Да вступит козел на третий небосвод!*

*Разрежь темным (металлом) эту шкуру, о заклатель.
Ножом — сустав за суставом!
Не замышляй против
(него)!
Не будь враждебен (к нему)! Приготовь его член
за членом!
Разложи его на третьем небосводе!*

*С песнопениями я ставлю на огонь котел.
Налей воды! Опускай его!
Обложите его огнем, о разделыватели (туши)!
Сваренный, да пойдет он (туда), где мир благих деяний!
Да не расколется он его кости!
Да не высосет костный мозг!
Сложив всего его вместе,
Да отправит он то и другое (на высшее небо)!*

Атхарваеда, IX, 5

Среди захоронений некрополя довольно много детских, но это не удивительно — в большинстве доисторических обществ детская смертность была очень высока. В небольших могилах в позах спящих — на боку с согнутыми руками и ногами — сохраняются даже останки младенцев. Во многих случаях их кости скрывает бревенчатая домовина — не гроб, а, скорее, миниатюрное подобие домика с плоской крышей. Остатки таких же деревянных построек, иногда сложенных в несколько венцов, встречаются и в больших могилах, где должны были покоиться взрослые. О примерно таких же внутримогильных конструкциях упоминает один из погребальных гимнов "Ригведы".

*Расступись, земля! Не дави его!
Дай ему легко и быстро погрузиться!*

*Укрой его краем (своей) одежды,
Как мать (укрывает) своего сына.
Растворяясь, будь твердой, о земля!
Ведь тысяча столбов должна быть
воздвигнута.
Да будут твои покои окроплены жертвенным маслом!
Да будет ему здесь убежище во веки веков!
Я укрепляю землю вокруг тебя.
Да не поврежу я тебя, кладя этот ком земли!
Пусть отцы держат тебе этот столб!
Пусть Яма построит тебе здесь дом!*

Ригведа, X, 18

Однако самое удивительное заключается в том, что скелетов взрослых ни в одной из больших могил, в том числе с остатками домовин, под исследованными курганами мы не находим. Здесь могут сохраняться горшки, каменные наконечники стрел, другой инвентарь и очень редко — всего лишь несколько разрозненных костей. Не исключено, конечно, что тут до нас побывали грабители — в XVIII веке по югу Западной Сибири "гуляла" настоящая "золотая лихорадка". Но "почерк" охотников за могильными сокровищами, пли, как их тогда называли, "бугровщиков", нам хорошо известен. Искали они отнюдь не кости, а если и выбрасывали их из могилы, то не уносили с собой. Но их нет и на прилегающих к могилам участках! Полностью истлеть в земле они тоже не могли — ведь уцелели же дерево, остатки жертвоприношений, наконец, кости младенцев. Который год бьемся мы над этой загадкой и не находим удовлетворительного ответа. Десятки кенотафов — символических захоронений, соорудившихся разными народами тогда, когда доставить труп на кладбище по тем или иным причинам было невозможно, — не слишком ли это много для одного могильника? А может быть, перед нами свидетельства особого обряда, о существовании которого мы не подозреваем?

"Ригведа" и "Атхарваведа", как будто, не знают иного способа погребения, кроме трупосожжения. Их гимны и заклинания, в которых часто фигурирует имя Агни — бога огня во всех его проявлениях (*Джатаведас* — букв. "знаток всех существ" — его постоянный эпитет), упоминают о подготовке тела к кремации, приготовлении костра, сожжении тела, захоронении костей в земле и о других элементах погребального обряда.

*Да сожжет тебя па благо восточный огонь спереди!
На благо да сожжет тебя огонь домохозяина сзади!
Да сожжет южный огонь твое убежище, защиту!
С севера, из середины, с воздуха —
С любой стороны да защитит тебя Агни от ужасного!
На благо, о Агни, сожги его сзади, на благо — спереди!
На благо — сверху, на благо снизу сожги его!
Один, (но) трояко разложенный, о Джатаведас,
Направь его со всех сторон вместе в мир благих деяний!*

*Принесший жертву поднялся на сложенный костер,
Готовый лететь в небо со спины небосвода.
Для него, творца благих деяний, сияет в воздухе
Сверкающий небесный путь, исхоженный богами.*

Атхарваведа, XVIII, 4

Кремация умерших, характерная для многих федоровских общин, встречается и в алакульских могильниках, но реже. В Чистолсбязских курганах тоже найдены обгоревшие домовины, правда, их здесь совсем немного. В большинстве же "пустых" могил этого некрополя нет ни следов огня, ни пепла от сожженных тел умерших. Значит, обычаем трупосожжения их появление объяснить нельзя.

В который раз я вчитываюсь в древние стихи "Ригведы", надеясь разгадать загадку могильника. И вдруг в одном из погребальных гимнов, рисуящем, казалось бы, обычную картину кремации умершего, нахожу такие строки:

*Что вырвала у тебя черная птица,
Муравей, змея или же хищный зверь,
Пусть (всепожирающий) Агни
сделает это невидимым...*

Ригведа, X, 16, 6

Слова эти обращены к умершему, его телу. Но почему его еще до предания огню клевали птицы и разрывали хищные звери? Древнеиндийская "Ригведа" об этом умалчивает. Однако понять смысл таинственной фразы позволяет древнеиранская "Авеста", сохранившая некоторые культовые и обрядовые детали в еще более архаичной форме.

Оба этих произведения, как и прочие индийские веды, свидетельствуют о том, что соприкосновение с трупами и даже участие в погребальных церемониях считалось опасным для человека и требовало совершения специальных очистительных обрядов. Все арии были уверены: от тел умерших исходит скверна, и поэтому осуждали даже тех, кто их закапывал в священную землю. Но при всем этом завоеватели Индостана в ведийскую эпоху решались предавать усопших обожествлявшемуся ими огню, тогда как древние иранцы считали такие действия недопустимыми. Творцы и хранители "Авесты" полагали, что трупы надлежит на некоторое время оставлять в уединенных местах на открытом воздухе для того, чтобы птицы и хищные звери очистили их от мягких тканей и дали возможность захоронить в земле только отмытые дождями, овеянные ветром и высушенные солнцем кости. О том, что "труп умершего перса погребается не раньше как его разорвет птица или собака", писал древнегреческий историк Геродот. А персы — потомки древнейших иранцев. Не случайно их царь Дарий I говорил о себе в высеченной на камне надписи: *"Я Дарий, царь великий, царь царей. ... Ахеменид, перс, сын перса, ариец, арийского происхождения..."*.

Так, может быть, воспоминания именно о таком обряде, некогда существовавшем у общих предков индийцев и иранцев сохранила в себе загадочная фраза "Ригведы"? И, может быть, именно его следы мы наблюдаем, обнаруживая в могилах Чистосельского некрополя лишь разрозненные кости взрослых? А младенцы... Они, безгрешные, видимо, не могли осквернить землю и уходили в нее такими, какими пришли в этот мир.

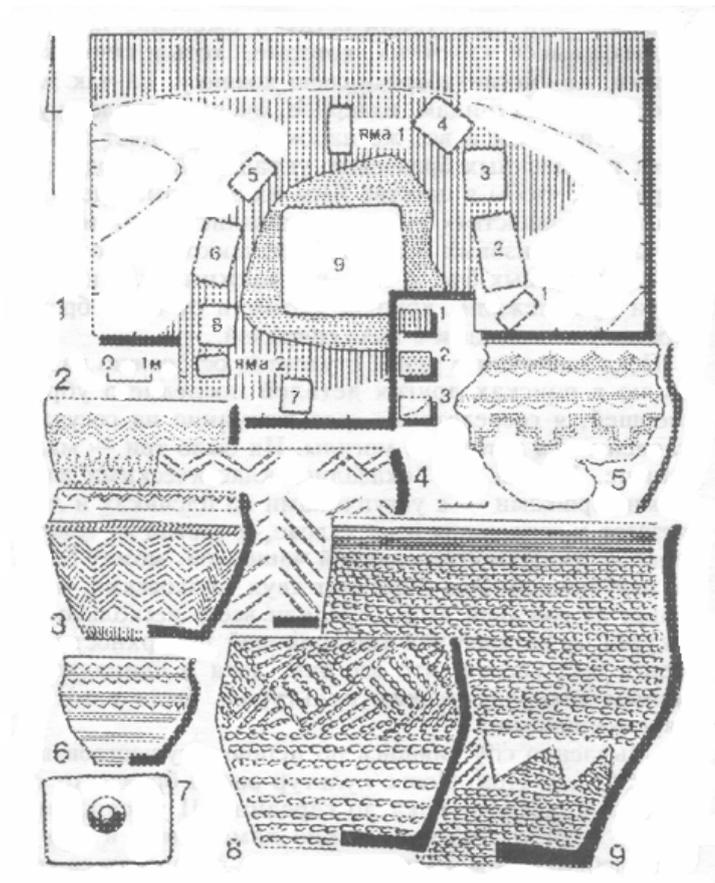
На дальних рубежах андроновского мира

Из задумчивости меня вывели оживленные голоса, доносившиеся оттуда, где группа студентов расчищала очередное захоронение. Оно располагалось неподалеку от той самой ямы, из которой недавно мы извлекли два ташковских сосуда. Подойдя ближе, я понял, почему здесь царилась атмосфера сделанного открытия. Лопаты работавших были отброшены прочь, а сами они, вооружившись ножами и кисточками, склонились над остатками показавшегося из-под земли детского скелета. Судя по размерам костей, ребенку было не больше 6-7 лет, а обилие разнообразных украшений, расчищенных в разных частях могилы, указывало на то, что это была девочка. Как и других детей, ее уложили на землю в позе спящей. Рядом с черепом из земли проступали остатки ожерелья из просверленных клыков животных, которые, хоть и служили амулетами, не смогли уберечь свою хозяйку. Ей так же, как и всем ее сверстницам, наверное, очень нравился чуть более красноватый и все же напоминавший цвет золота отблеск начищенных бронзовых украшений, и родители постарались, чтобы в царстве Ямы их дочь выглядела празднично. На запястьях умершей оказались остатки трех желобчатых бронзовых браслетов, ее щиколотки охватывала низка бронзовых бус, а там, где должны были находиться кисти рук, лежали хрупкие обломки от пары бронзовых перстней со щитками в виде спиралей.

Пока кисточки в руках студентов осторожно разматывали землю в поисках других деталей последнего убранства умершей, я сосредоточил свое внимание на сосудах, поставленных в изголовье могилы. Их было три — мал мала меньше. Два из них оказались классическими алакульскими горшками — с уступчиками на плечиках и лентами зигзагов у горловины и на тулове, а третий — совсем маленькой неорнаментированной чашечкой, может быть, даже игрушечной. Эти сосуды от двух ташковских, происходящих из соседней ямы, отделяли всего несколько метров аккуратно зачищенной материковой поверхности. И теперь я был уверен, что все они, хотя и принадлежали к разным археологическим культурам, были изготовлены современниками.

Мысленно спустившись по цепочке существовавших в предтаежном Притоболье культур эпохи бронзы от самого кануна железного века до середины II тысячелетия до н.э., я понял, что алакульские памятники, в том числе Чистосельский могильник, должны датироваться еще более древним периодом, чем это считалось до сих пор. Все стало на свои места! Ведь именно на первую треть II тысячелетия до н.э. указывали полученные для этого некрополя радиоугле родные даты, и именно в это время функционировали исследованные В.Т. Ковалевой поселения Ташково 2 и ЮАО 13, построенные людьми Чета и Нечета. Вот о чем так наглядно старался поведать нам раскопанный курган, где ташковские и алакульские сосуды находились друг от друга буквально в двух шагах! Но почему две эти очень разные культуры — ташковская, созданная охотниками и рыболовами, только осваивавшими металлургию и навыки животноводства, и алакульская, базировавшаяся на давних традициях скотоводческо-земледельческой экономики и мощном потенциале металлургического производства, — оказались по соседству друг с другом в предтаежных районах Притоболья?

По-видимому, вторжение на эту территорию первых групп андроновцев — носителей индоиранской речи или одного из сравнительно недавно выделившихся иранских диалектов было для ташковского населения столь же внезапным, сколь неожиданным для местных племен стало появление ведийских ариев в далекой Индии. И там, и здесь запряженные конями боевые колесницы пришельцев сеяли ужас среди выходивших им навстречу вооруженных отрядов и обращали их в бегство. Упоминания об этих колесницах многократно встречаются в ведах. В Чистосельских курганах, правда, остатков этих повозок обнаружить пока не удалось, но они найдены в близких ему по времени памятниках — могильниках Берлик 2 юго-западнее современного г. Петропавловска в Казахстане, Синташта на Южном Урале и некоторых других. Надо полагать, что, опасаясь набегов именно алакульских дружин, ташковцы вынуждены были, как умели, укреплять свои поселки. И, вероятно, результатом одного из таких набегов стал пожар, поглотивший само Ташково 2. Проникновение первых андроновцев к границе с тайгой не было кратковременным военным походом. Вслед за быстрыми колесницами двигались неуклюжие повозки с домашним скотом мигрирующих общин, шли их стада. И пастухи уже хозяйским глазом осматривали окрестные луга, которым надлежало стать пастбищами. Их не страшили встречи с врагом — с ними были их боги, готовые прийти на помощь.

Алакульские (2-6) и ташковские (8-9) сосуды из могил и ямы (7) под курганом 19 Чистолебяжского могильника (1)

*Во все стороны вокруг дорог
Отправились Индра и Пушан.
Пусть собьют они сейчас с пути то войско
Недругов как можно дальше!*

*Тащитесь вы, недруги, сбитые с пути, Как обезглавленные змеи!
Из вас, сбитых Агни с пути.
Пусть Индра убьет каждого лучшего!
Надень на них огромный кожаный мешок!
Нагони антилопьего страху!
Пусть недруг поспешит прочь!
Пусть примчится сюда корова!*

Атхарваведа, VI, 67

Подобные заклинания, наверняка, звучали там, где проходили андроновские обозы, ибо шли они не за богатой добычей, а в поисках пригодных для поселения мест, которым суждено было стать их новой родиной.

Именно так все и произошло. Период настороженного противостояния пришлого и местного населения перед стеной зауральской тайги закончился очень скоро, и уже к середине II тысячелетия до н.э. на этой территории археологи не фиксируют следов аборигенных культур, не подвергшихся мощному воздействию со стороны андроновцев. Культуры этой и последующих эпох либо продолжают ют андроновскую линию развития, либо синтезируют традиции пришельцев и автохтонных групп.

Таким образом, появление андроновцев в Зауралье, если судить по его последствиям, нельзя рассматривать как эпизод в этнической и культурной истории данного региона. Освоив новую для себя территорию и, видимо, ассимилировав многие из проживавших здесь аборигенных групп, андроновское население дало начало целому "древу" или семье археологических культур, ареал распространения которых в бронзовом веке охватил практически всю Юго-Западную и Южную Сибирь. Именно период существования этой диахронной культурной общности, продолжавшийся по меньшей мере тысячу лет, и стал временем, когда жители лесной зоны познакомились со многими достижениями бурлящего на подступах к ней арийского мира, выбросившего из своего ядра группы, в разное время ушедшие на завоевание далеких земель, в том

числе Индии и Ирана. На протяжении именно этих веков таежные охотники и рыболовы восприняли у своих южных соседей навыки коневодства, а также разведения других домашних животных, обогатили свою речь многими доселе неизвестными им словами, восходящими к арийским диалектам, заимствовали многие элементы созданного в индоиранской среде декоративно-прикладного искусства, которые, пройдя долгий — длиной в несколько тысячелетий — путь развития, живут и по сей день в культурах народов Севера.

Есть многочисленные сведения и о влиянии местных традиций на культуры пришельцев. В эпических сказаниях жителей Индии и Ирана долго сохранялись воспоминания об их северной прародине, о жителях еще более далеких земель с холодной и долгой ночью, продолжающейся целое полугодие, о высокой и неподвижной Полярной звезде. В разновременных могильниках зауральских культур андроновской семьи постоянно встречаются захоронения людей с более или менее ярко выраженными монголоидными признаками, свидетельствующие о том, что процессы смешения пришлого и автохтонного населения шли непрерывно. Может быть, это и привело к тому, что рано или поздно арийские языки растворились в таежных говорах, питавшихся недостижимым и загадочным для степняков Севером?

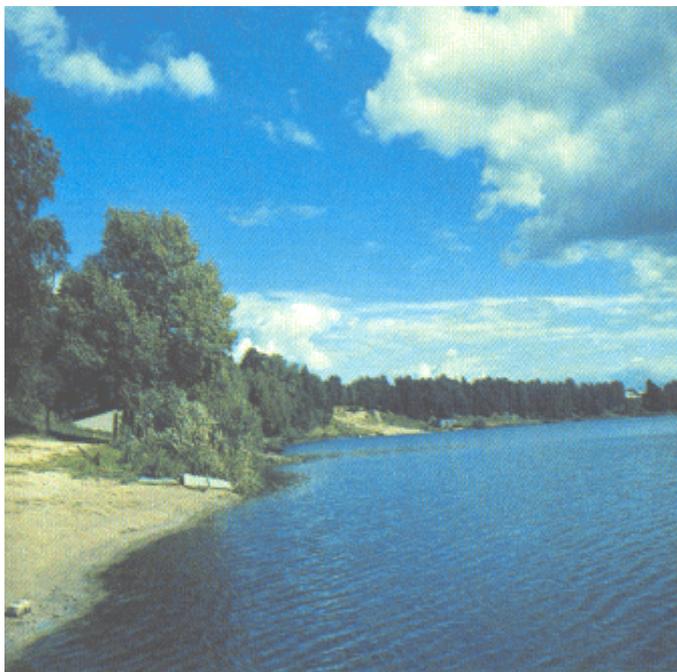
* * *

Щебет птиц и вновь лучающаяся под солнцем водная гладь встретили нас у выхода из промокшего шатра, стараясь убедить в том, что никакой бури не было. Однако узнать лагерь было непросто: отяжелевший брезент палаток провис, а сама поляна напоминала макет местности в первые минуты после творения — с только что наполнившимися блюдцами озер и еще прокладывающими свои русла реками.

Такой нашу Землю не помнит никто. Давно стерлись в людской памяти и события, происходившие много позже. Но земля хранит их следы. И если бы мы лучше понимали ее язык, она, возможно, решилась сообщить нам даже то, о чем при раскопках пока остается только догадываться.

В орбите древних цивилизаций

На раскоп опускался теплый летний вечер (см. рис. Поселение раннего железного века на Верхнем Бору).

Пыльный большак, по которому весь день озабоченно сновали машины, опустел. Воздух сделался прозрачней и из ближних колков все отчетливей слышался ровный шелест берез, только подчеркивавший наступившую тишину. Раскопки могильника, которые наш отряд вел второй год, близились к концу. Оставалось исследовать всего несколько захоронений, обнаруженных под насыпью последнего кургана. Еще два-три дня — и отряд снимется с места, чтобы разбить лагерь в другом пункте. Сезон выдался на редкость удачным. Впрочем, и работали мы как никогда много. Позади раскопки грандиозного кургана-святилища, в центре которого некогда стояло "мировое дерево", находка огромного бронзового котла в полуразграбленной могиле воина, обнаружение во рвах нескольких курганов человеческих жертвоприношений. И все это характеризует одну эпоху, отстоящую от наших дней без малого на две тысячи лет! Если б еще и закончить работы на высокой ноте!

Пора возвращаться в лагерь. Я закрываю полевой дневник и созываю студентов в машину. Собрать и погрузить в кузов лопаты — для них минутное дело. Один лишь Рустам Нигматзянов — силач и балагур — как будто не слышит заведенного мотора. Над совсем небольшой могилой он склонился один. И, похоже, сильно разочарован. Наверное, и это захоронение давно ограблено. Почему же он тогда медлит? Подхожу ближе. Стенки неглубокой могильной ямы изрыты норами грызунов, и Рустам расчищает их с таким невозмутимым видом, как будто охота на сусликов — основная цель нашей экспедиции. Но, прочитав в моих глазах изумление, протягивает спичечный коробок. Я открываю его и замираю. Он полон мелких золотых пластинок с вафельным орнаментом. И все найдены в норах. Видя мое замешательство, Рустам расплывается в улыбке. Задуманный им розыгрыш удался!

Докапывать потревоженное грызунами захоронение мои коллеги вместе с Рустамом отправляются на следующий день, когда лагерь еще спит. А приехав на курган, мы застаем их со счастливыми улыбками на лицах. На дне ямы лежит расчищенный скелет. Рядом — несколько горшков, разбитый светильник, курильница, зеркало и остатки уздечки. На кистях рук — браслеты из стеклянных бус, на щиколотках — железные. Курильницы и зеркала в это время клали только в женские погребения, часто они использовались и как культовые предметы. Может быть, и здесь была погребена жрица? Кроме того, из нор и со дна могилы извлечены еще несколько золотых пластинок, аналогичных вчерашним. Все вместе они, наверное, украшали налобную повязку — диадему умершей. Но, оказывается, и это еще не все! На мою ладонь ложится изящная золотая серьга, украшенная нанизанными на нее красной сердоликовой и синими стеклянными бусинами, колечками из спаянных между собою шариков зерни. Две грозди подвесок, напоминающих листья; делают ее похожей на деревце. Восторгу моему нет предела — настоящее произведение искусства! И я в который раз убеждаюсь, что саргатская культура открыла нам еще не все свои тайны.

ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ С МЫСОВСКИХ КУРГАНОВ

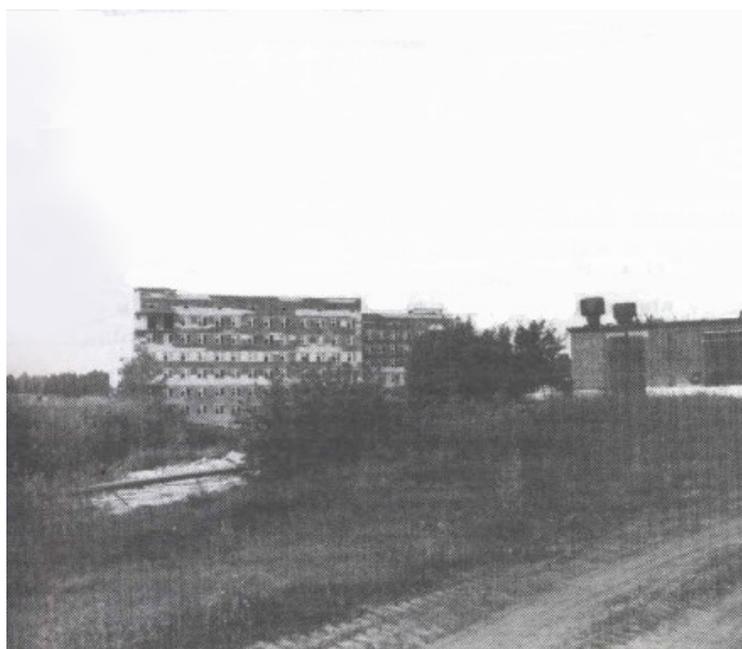
А начиналось все с Мысовских курганов... Получилось это просто: у меня была двухлетняя дочурка, которую не хотелось оставлять надолго, а проведение археологической практики со студентами Тюменского университета предполагало раскопки какого-нибудь интересного древнего памятника, желательно поближе к городу. Вот мой взор и упал на Мысовские курганы.

Находятся они в парке им. Ю. Гагарина на левом берегу Туры в черте города. Представляют собой большой могильник в виде земляных холмов высотой до 1,5 м и диаметром от 7 до 15 м, насыпанных на краю террасы. Известен он с 1925 года, а в 1926-1927 гг. совсем молодой тогда еще П.А. Дмитриев — впоследствии крупный советский ученый — вместе с директором областного музея П.А. Росомахиным провели на нем раскопки. В семи курганах они обнаружили полтора десятка погребений, содержащих скелеты, горшки, оружие, украшения. По формам бус и наконечников стрел, распространенным у сарматов, П.А. Дмитриев отнес эти курганы также к сарматскому времени. Обратив внимание на отличие в орнаментах посуды, он решил, что памятник этот принадлежал другому, родственному, народу.

Мысовские курганы раннего железного века.

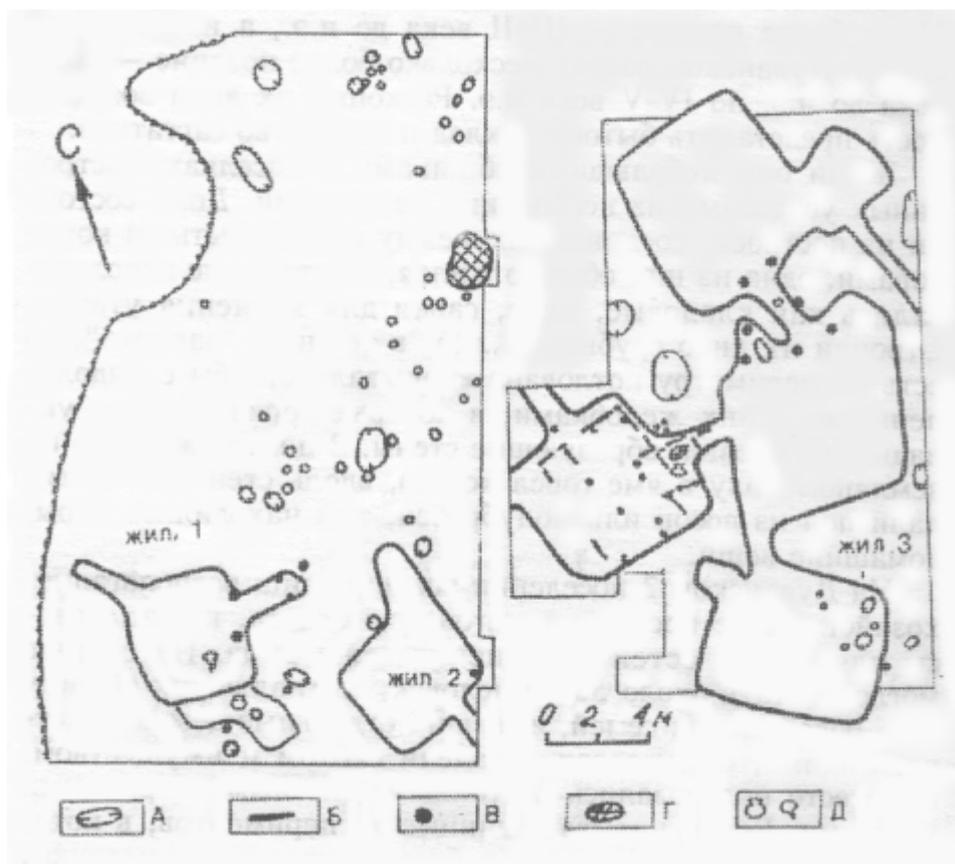
Сравнивая свои материалы с добытыми в 1893 году финским ученым А. Гейкелем при раскопках курганов у городов Тюмень и Курган, он заметил их большое сходство, заключив, что в конце 1 тысячелетия до н.э. в лесостепной зоне Западной Сибири расселились племена ираноязычных скотоводов, имевшие свою собственную культуру.

Мысовское 3 поселение раннего железного века.

П.А. Дмитриев оказался провидцем. Дальнейшие раскопки других исследователей подтвердили его догадки. Выяснилось, что эти племена, получившие название "саргатских" по наиболее выразительному могильнику у с. Саргатка в Омской области, населяли в раннем железном веке в течение целого тысячелетия всю лесостепь от Тобола до Барабы, достигая Тобольска на севере и предгорьев Алтая на юге. Они оставили тысячи городищ, курганов и поселений, хорошо сохранившихся до наших дней.

В окрестностях нашего города, кроме Мысовских и Тюменского курганов, саргатскими племенами оставлены Мысовские 2 и 3 поселения (в парке и на площадке больницы геологов), селища на северном и южном берегах Андреевского озера, на р. Дуван, могильник на Большом острове и Дуванский некрополь. Причем памятники на Мысу более ранние — III-II века до н.э., а на Андреевском и Дуванском озерах несколько более поздние — со II века до н.э. по IV-V века н.э. Раскопки их дали возможность представить бытовую уклад и хозяйство саргатцев.

Планы раскопок на Мысовском 3 поселении:

А - ямы, Б - канавки, В - ямки от столбов, Г - очаг, Д - инвентарь (сосуды, зеркало)

Жили они небольшими общинами в поселках, застроенных усадьбами из нескольких помещений. Дома состояли из построек, соединенных между собой крытыми коридорами, одна из них обычно жилая, а остальные использовались как кладовые, хлев, сарай для хранения утвари. Строили их либо срубными, либо в технике "заплота", то есть по периметру котлована вкапывали столбы с выдолбленными в них желобками, в которые горизонтально "укладывали бревна, образующие стены. В центре жилища на земляном полу в яме горел костер, вдоль стен же настилали пол из досок или полубревен, там находились нары, домашние вещи.

На Дуванском 2 поселении возле жилищ располагались хозяйственные постройки: загоны для скота, кузны, навесы для сушки сетей и хранения сена, дров. На селище могло обитать около 50-60 человек, составлявших общину из 5 родственных семей, имевших отдельные домохозяйства. Видимо, они порознь владели скотом и имуществом, но вместе пользовались пастбищами, лесными и речными угодьями. Если учитывать данные экспериментов, в которых археологи сами строили бревенчатые полуземлянки, то получится, что весь поселок 12-15 взрослых мужчин могли возвести за две недели. Найденные на поселении литейные формы, тигли, сопла, шлаки, шлаки, грузики, керамика указывают на занятия обитателей плавкой и ковкой железа, гончарством, прядением и ткачеством. Хотя кость здесь сохранилась плохо, а дерева и кожи нет совсем, по находкам в могильниках мы знаем, что у саргатцев были высоко развиты кожевенное, косторезное дело и обработка дерева.

Реконструкция жилища Дуванского 2 поселения (рис. А.С.Кухтерина).

Основой хозяйства саргатцев было скотоводство. По составу пищевых отходов с поселений можно определить базовый рацион древних людей и, приблизительно, состав стада. Они разводили лошадей, коров, овец, коз, были известны верблюды. Для охраны стад использовали собак. Роль охоты в пополнении пищевых запасов была невелика, она давала 10-15% мясных продуктов. Добывали лося, косулю, дикого кабана и пушных зверей: лисицу, волка, барсука, выдру, бобра, а также боровую и водоплавающую дичь. Подсобными занятиями было рыболовство, сбор трав и корней, земледелие. Что и как возделывали, мы пока не знаем, но на Дуванском 2 был найден серп, а на Ингалинке — яма для хранения зерна. Л.Н. Корякова, исследовательница Дуванского 2 поселения, полагает, что это был базовый поселок подвижных скотоводов, летом откочевывавших за 50-100 км со стадами и оставлявших на месте лишь часть населения — стариков, женщин, детей. А такие недолговременно существовавшие памятники, как Мысовское 3, где не заметно никаких перестроек, ремонтов жилищ, мало битой посуды и костей, — остатки летних стоянок.

Многие из памятников раннего железного века, известные краеведам и путешественникам XVII-XIX веков, ныне уже не существуют. Так, три Тюменских кургана, находившихся в 1,5 километрах от города вниз по течению Туры, были частично раскопаны И.Я. Словоцким и А. Гейкелем в 1892-1893 годах, частично уничтожены распашкой. Они были самыми большими в округе, недаром академик И.И. Лепехин, описывая окрестности Тюмени в 1771 году, упоминал о них как о "нарочито высоких", "покрывавших, — по мнению ученого, — тела бывших татарских тюменских владельцев".

К саргатской культуре, вероятно, относились и Салаирские курганы. Первый из них находился на огородах дёр. Салаирки и был скрыт под гряды. При этом было выпажено несколько бронзовых стрелок и бронзовый гребень, которые стали экспонатами Томского музея при университете. Второй курган стоял на поле в 1,6 км от Салаирки. Его высота достигала 2,1 м, диаметр — 20 м. Ныне распашан.

Несколько поселений и могильников находились между деревнями Верхний Бор и Решетникове. Все они были сосредоточены на высоком берегу Туры и у старичного озера Кривое. Сейчас территория застроена дачами, турбазами и пионерлагерями, но кое-где культурный слой сохранился. Давно распаивается и поселение Борки, открытое А.В. Матвеевым со студентами университета при уборке картофельного поля на 46 км шоссе Тюмень-Тобольск. Благодаря соседней рошице часть его уцелела, и можно увидеть следы заплывших полуземлянок вдоль берега туринской старицы.

Из наиболее впечатляющих памятников долгое время стояли нетронутыми два Созоновских кургана высотой более 2,5 м и диаметром около 25 м, располагавшиеся почти напротив того места, где Пышма впадает в Туру. Но и их, к сожалению, начали разрушать местные жители, судя по поступившему к нам запоздалому сообщению о находке там захоронения коня.

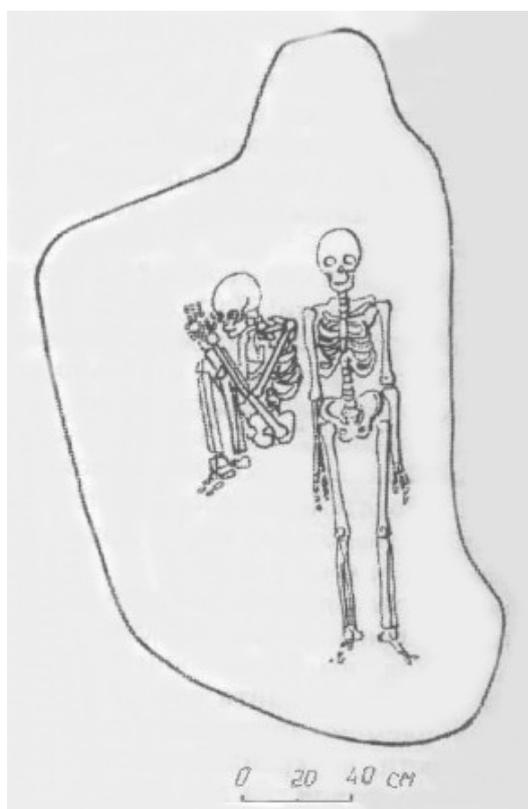
До 80-х годов археологи затруднялись в оценке уровня развития саргатских племен. Погребения исследованы были в основном бедные, и считалось, что имущественного неравенства в среде населения раннего железного века не было. Этот вывод наряду с тезисом о кочевом или полукочевом характере саргатского быта мне казался ошибочным. А как же быть с большими курганами? Зачем кочевникам такое количество городищ? Но эти, скорее интуитивные, возражения следовало подкрепить серьезными аргументами из новых раскопок. Волновала и дискуссия об этнической принадлежности саргатцев. Кто они были? Иранцы, как их соседи саки и сарматы? Предки мадьяр, ушедшие из Сибири в Европу? Древние самодийцы или угры, предки ныне живущих коренных народов?

И вот в 1978 году мы возобновили раскопки Мысовского могильника в поисках ответов на поставленные вопросы. Не терпелось начать работы как можно раньше, а поскольку он был близко, мы стали работать со студентами по выходным дням. Полагаясь на свои силы, выбрали курганы (в восточном конце могильника) с таким расчетом, чтобы закончить каждый за два дня с одной студенческой группой.

Бочонок глиняный (Мысовской могильник)

В первом, маленьком, диаметром 7 м и высотой 0,3 м, оказалось лишь одно захоронение, окруженное ровиком. В могиле был скелет мужчины 50-60 лет, а также обломки глиняных горшков и бронзовые серьги в виде спиралей. Во втором кургане, таких же размеров, находилась тоже одна могила старой женщины (50 лет), лежавшей на спине головой на запад, вещей было крайне мало: черепок от горшка и пряслице, неподалеку — зубы лошади, оставшиеся от жертвоприношения. В третьем, диаметром около 10 м и высотой 0,6 м, оказалось три погребения. Это был самый интересный курган. В отдельных могилах были положены" женщина 30-40 лет без вещей и мужчина такого же возраста с глиняным сосудом-бочонком. Глубже, под мужским захоронением оказалось еще одно — парное. На дне третьей могилы рядом лежали мужчина и женщина, но первый — вытянуто на спине, как и подобает, а женщина скорченно. Руки погребенной были согнуты в локтях и прижаты к груди, ноги неестественно близко подтянуты к подбородку. Нет сомнения, что она была крепко связана и, стало быть, умерла насильственной смертью, сопровождая умершего хозяина.

План парного погребения в Мысовском кургане, III-II вв. до н.э.

Как мы были поражены, увидев следы разыгравшейся две тысячи лет назад трагедии! Да и факт совершенно исключительный. Ранее в саргатских могильниках мужчина и женщина всегда были захоронены отдельно, а вместе — лишь в случае одновременной смерти, но их позы и вещи свидетельствовали о равноправии. Значит, у саргатцев были домашние рабы. И если небогатый человек мог иметь наложницу, то, следовательно, расслоение общества зашло уже далеко: были вожди, цари, дружинники... Но продолжить раскопки нам не удалось.

Планируя новую экспедицию, на этот раз решили выбрать самый плодородный район области — Упоровский, где и в древности должны были процветать скотоводы и земледельцы. Нам хотелось найти один из центров расселения саргатских племен, археологический микрорайон, состоящий из крепости, неукрепленного поселения и кладбища. Исколесив весь район, за две недели мы осмотрели множество памятников, но не нашли того, что искали. И лишь в самый последний день уже в сумерках я заметила десяток больших распаханных курганов на высоком берегу Тобола. На них и остановили свой выбор. Километрах в трех блестело озеро, на берегу которого мы и решили переночевать. Уже в темноте ставили палатки, готовили ужин.

А проснулись мы в "долине царей". Выйдя из палаток, обнаружили, что находимся на берегу одного из двух соединяющихся озер — Песьяного и Атаманово, а увалы вокруг усыпаны большими курганами, стоящими по одиночке и группами, высота отдельных достигала 3 м. Они составляли пять могильников, а замеченный с вечера Тютринский был самым крупным. Так продолжились наши счастливые открытия саргатских древностей.

АРИМАСПЫ — ПРЕКРАСНОКОННЫЕ

Вы спросите меня, как назывался этот народ? К сожалению, прямо и уверенно на этот вопрос не ответишь. "Отец истории", Геродот, описывая расселение, нравы и обычаи варварских племен в Причерноморье и Восточной Европе в V веке до нашей эры, опирался на впечатления собственной поездки и рассказы греческих купцов. Район Рипейских гор (Урала) был ему известен лишь понаслышке, а далее путешествовал в VII веке до нашей эры только легендарный Аристей Проконесский. Из отрывочных сведений об этих краях в передаче поздних античных историков вырисовывается, что у подножия Рипейских гор жили плешивые аргиппеи, пившие вино из дикой вишни; далее к востоку расселялись исседоны, известные особым почитанием предков и делавшие чаши из черепов своих вождей; еще дальше — аримаспы, что значит "прекрасноконные", ближе к Алтаю — то ли люди, то ли чудовища под именем "стерегущие золото грифы". Эти племена воевали между собой, причем восточные теснили своих соседей на запад, что и привело в конце концов к переселению скифов в Причерноморье.

После многолетних раскопок на Урале и в Сибири можно предполагать, что плешивые аргиппеи — это южноуральские саки, а исседоны — расселявшиеся в долинах Тобола, Исети и Миасса — носители так называемой "гороховской" культуры и сарматы. В гороховском кургане Елесина яма К.В. Сальников нашел обломок чаши из черепа старого мужчины, какие упоминал Геродот. Таким образом, восточные соседи гороховцев — саргатцы могут быть аримаспами.

Само слово "аримаспы" иранское, оно состоит из корней "арии" — иранские племена и "асп" — лошадь, то есть "конные люди", "обладатели послушных коней", "прекрасноконные". Сохранились строки Аристеев о них: "Эти люди живут вверх (на севере — Н.П.М.) в соседстве с Бореом, многочисленные и очень доблестные воины, богатые конями и стадами овец и быков. Каждый из них имеет один глаз на прекрасном челе; у них косматые волосы, и они самые могучие из всех мужей".

Многие исследователи в одноглазости аримаспов усматривают сказочную черту и сомневаются в их реальном существовании. Но коль реальной оказалась еще более древняя "Одиссея" Гомера, думаю, правдива и поэма "Аримаспея" Аристеев Проконесского, тем более что ближайшие к грекам народы описаны в ней достоверно. Видимо, непонятная нам одноглазость связана с распространенными у аримаспов мифами, в которых фигурировали одноглазые демоны или великаны-циклопы (изображения их есть в наскальных рисунках Алтая); либо на символическом языке народов Азии это обозначало низкую культуру, необычность поведения (чему также есть примеры в этнографии).

То, что саргатцы были "друзьями коней", владельцами прекрасных табунов, не подлежит сомнению. Лошади составляли около половины стада, причем разводили несколько пород: верховых, высокорослых и тонконогих; среднерослых, полутонконогих и низкорослых рабочих лошадей. Из анализа костей, найденных на Рафайловском и Коловском городищах, поселениях Дуванское 2, Мысов-ское 3, Ингалинка, в Тютринских, Савиновских, Красногорских, Абатских курганах, известно, что лошадей забивали в основном в молодом возрасте — на мясо. Конь был главным жертвенным животным, его убивали на похоронах и клали рядом с могилкой или поверх нее, головы коней неоднократно находили в котлах, в изголовье богатых покойников, в поминальных комплексах курганов.

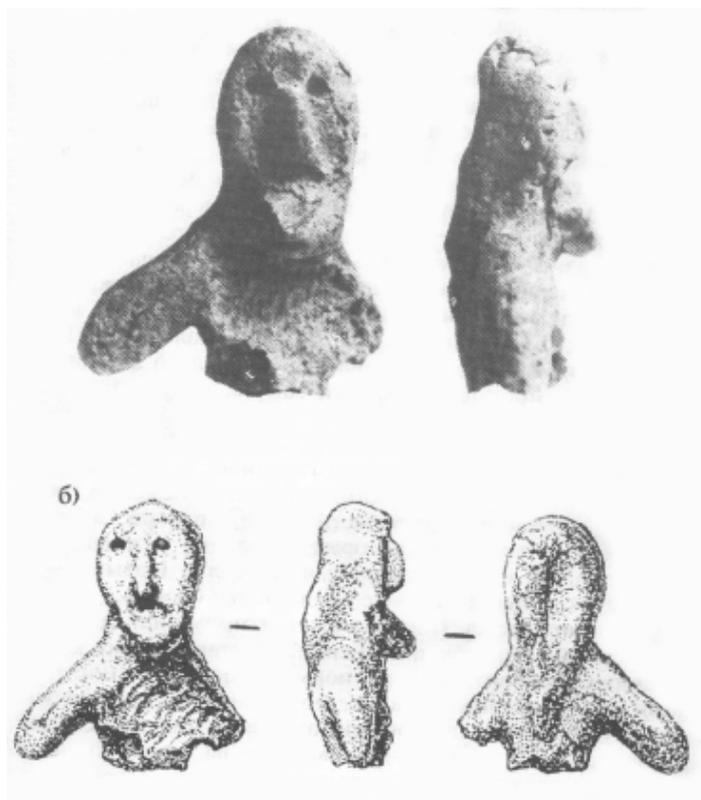
Оружие и упряжь саргатской культуры

Золотая поясная бляха из Сибирской коллекции Петра 1 со сценой отдыха под деревом.
Ранний железный век.

В каждой могиле, будь то мужская или женская, лежит уздечка или полный набор конской сбруи, все они были всадниками. Для защиты от врагов, военных походов они образовывали легкие отряды. И в загробный мир у саргатцев мужчины уходили как воины. Хоронили их в полном воинском снаряжении: в наборном костяном панцире, нашитом на телячью кожу, с кинжалом в деревянных ножнах на правом боку и с железным мечом, подвешенным к поясу слева. У левой ноги обычно лежит и колчан со стрелами. Примерно треть женщин в могильниках тоже захоронена с оружием: кинжалом и луком со стрелами. Интересно, что в большинстве это умершие молодыми (18-25 лет). Не правда ли, вспоминается легенда об амазонках, по которой, прежде чем выйти замуж, девушка должна убить врага?

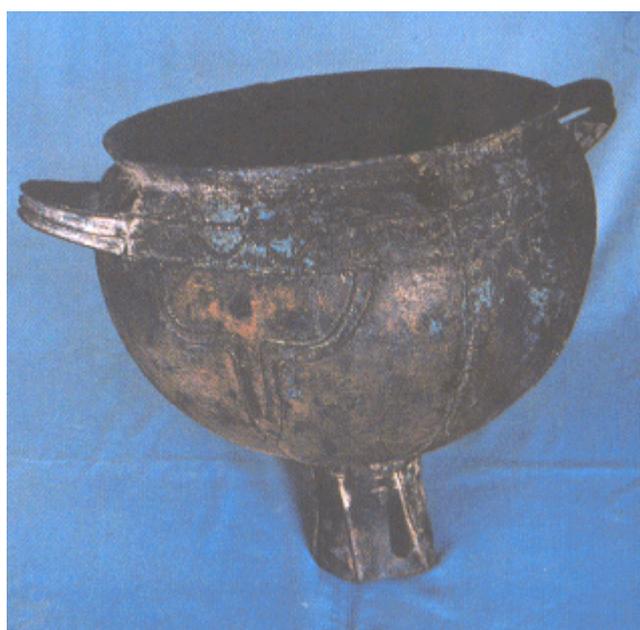
Подтверждение "косматости" аримаспов появилось при раскопках Рафайловского городища — скульптурка мужчины с длинными волосами, убранными сзади в косу.

Скульптурка мужчины (глина), V-III вв. до н.э.: а - фото, б - прорисовка с деталями.

Путешественник мог попасть на юг Западной Сибири с торговыми караванами, которые ходили на Южный Урал из Прикаспия и Приаралья, а на Тобол и Иртыш — из Семиречья и Ферганы уже с конца эпохи бронзы.

Разноцветные стеклянные бусы, которые находим почти в каждом женском погребении, изготавливались в мастерских Северного Причерноморья и Передней Азии. Купцами они нанизывались в ожерелья вместе с сердоликовыми, хрустальными, агатовыми, аметистовыми подвесками, раковинами каури и так доставлялись на север. Привозили сюда металлические украшения, ткани, в том числе расшитую золотом парчу, вино, какие-то наркотические средства для воскурения при обрядах. Сами саргатцы умели готовить горшки только вручную, но на поселениях и могильниках встречаются обломки привозных, сделанных на гончарном круге, фляг, кувшинов, хумов, использовавшихся как тара для перевозки жидкостей и сыпучих продуктов.

Бронзовый котел I в. до н.э. - I в. н.э.

Мою догадку о том, что такое большое количество импортных вещей должно быть связано не с межплеменным обменом, а регулярной караванной торговлей, подтвердили находки костей верблюдов на Рафайловском городище. В одном раскопе 1985 года оказалось 9 особей! Наверное, это часть павших животных каравана, из-за ранних холодов оставшегося зимовать на Исети.

Глиняная посуда саргатской культуры.

А чем торговали наши древние земляки? Лошадьми, кожами, зерном и, думаю, пушниной. Хотя мехов они добывали мало, лишь для собственных нужд, но наверняка взяли в свои руки пушную торговлю у таежных племен, пользуясь многочисленностью и военной силой. Одно из доказательств этому — появление далеко на севере бус, зеркал, украшений, оружия, распространенных у саргатцев.

Есть еще одна замечательная находка, смысл которой становится ясным только теперь, в свете наших раскопок. В Курганской области в 1950 году был случайно обнаружен серебряный сосуд с хорезмийской надписью. Конечно, это не свидетельство даннических отношений зауральских племен к Хорезму, а добытый ими в походах военный трофей. Сведения о набегах северных племен имеются в античных источниках и подтверждаются открытыми при раскопках хорезмийских крепостей следами пожаров в VI-III веках до нашей эры.

Итак, сюда, на Тобол, Исеть и Туру, ходили караваны из Средней Азии, караванными дорогами через земли казахстанских и южноуральских саков (и, видимо, в союзе с ними) саргатские отряды совершали грабительские набеги на процветающие соседние государства Хорезм и Кангуй.

ГОСУДАРСТВО УИ-БЕЙГО

Монуменстами, увековечившими ту далекую и великую эпоху, стоят по берегам рек и озер огромные курганы.

Самые грандиозные из них, царские, пока не раскапывались. А большие, высотой от 2 до 5 метров, такие как Тюменский, Красногорские, Савиновские, Тютринские, Абатские, были семейными усыпальницами саргатских вождей и старейшин.

Представим себя стоящими у смертного одра погибшего от ран героя-воина среди рыдающих домочадцев и скорбных сородичей. Уже уехали с кольями и деревянными лопатами копать могилу на родовом кладбище, забили принадлежавший ему скот. Со смешанным чувством горя и страха перед умершим, превращающимся в сильного и опасного духа, обряжают тело в парадные одежды, приносят воинское снаряжение, собирают все личные вещи, стараясь не забыть особенно любимые (ведь за ними дух может вернуться). Самой длинной дорогой, петляя (чтоб злые духи не нашли пути в поселок), тянется процессия в отдаленное урочище, откуда начинается путь в страну предков.

И вот уже все собрались у края могилы, устроенной как "дом мертвых": со стенами, облицованными досками, и полом. Поодаль пылает костер. В последний раз едят все вместе и "кормят" умершего, разговаривая с ним как с живым. Как на пиру произносят в честь погибшего речи, прощаются. Покойника на носилках опускают на дно; в головах и ногах ставят горшки с мясным супом, заправленным пряными травами, с кашей и питьем, блюдо с вареной кониной, кладут конскую упряжь. Часть туши коня, перевозчика души в загробный мир, оставляют возле могилы по принципу "часть вместо целого". Когда приходит пора расставаться с умершим, закрывают яму бревенчатым накатом. Из заготовленных ранее бревен возводят первый памятник герою — деревянную пирамиду, складывая их в несколько ярусов.

Браслеты и ожерелья саргатской культуры (Тютринский могильник).

Похороны еще не закончены, но рыдания и крики уже стихли. Жена и мать сдерживаются: долго причитать и звать умершего не положено, душа его захочет остаться рядом с горюющими родными. Теперь все думают о своем долге перед погибшим, о своих проступках перед ним, боясь его всевидящего духа, и поэтому торопятся скорее провести непреодолимую черту между умершим и оставшимися. С этой целью вокруг надмогильной конструкции выкапывают ров. Видим, как сородичи взбодрились. Прочь, горе и уныние! Наступило время воздать должное герою; спеть былины о подвигах предков, в чью страну он теперь отправится, попросить их, чтоб приняли, вспомнили об оставшихся, замолили богов о благополучии; теперь можно начать конные состязания молодежи, где определится преемник славы погибшего.

Некоторое время погребальное сооружение будет оставаться деревянным. В течение года, пока здесь живет душа умершего перед дальней дорогой в загробный мир, сюда приходят на поминки, оставляя кучки костей, скелеты животных, битые горшки, кострища.

По смерти других членов семьи платформу частично разбирали, производили подхоронение и закладывали отверстие. Когда усыпальница заполнялась, вокруг нарезали пластами дерн и обкладывали ее этими "кирпичами" по периметру и в высоту, превращая в усеченную многогранную (7, 9, 10, 12 граней) пирамиду. Постепенно дождем и ветром грани сглаживались, все зарастало травой, и за тысячелетия пирамида из дерева и земли превращалась в полусферный зеленый холм.

Детская и женская смертность были особенно высоки. Большинство женщин умирали в молодом возрасте, видимо, при родах. Зачастую младенца хоронили с матерью, не умея выходить. Но в отдельных могилах детей обнаруживают значительно реже, чем следовало бы; маленьких, не получивших имени, не научившихся ходить, должно быть, закапывали под полом жилища или вешали в колыбелях на деревья, как это делали многие сибирские народы. Детские могилы всегда проще и беднее взрослых. "Тем неожиданнее было увидеть богатое захоронение девочки 12-14 лет в кургане 5 Тютринского могильника: бусы самых нежных тонов — розового, голубого, зеленоватого, лимонно-желтого, сиреневого; золотые пронизки, траурный браслет из гагата (окаменевшей природной смолы); косметическая сумочка с румянами и инструментами для ухода за телом; бронзовое зеркало такого чудесного сплава, что не позеленело, а сверкало как золотое; 3 сосуда; нагайка с серебряной оплеткой рукояти; любимая овечка в изголовье. Просторная камера глубиной 2,5 м, трехслойное перекрытие из бревен, берестяной короб-гроб — все это необычно для ребенка. Видимо, в этом возрасте девочка считалась уже взрослой и была погребена в свадебном уборе.

Среди взрослых явно были богатые и бедные. Но как узнать, делилось ли общество на устойчивые группы, прослойки, передавался ли статус личности по наследству? Как заглянуть во взаимоотношения людей той поры? У археологов есть такие методы. Разработаны они опытным путем при анализе погребений земледельцев Древнего Востока, некрополей античных государств, скифских курганов, дружинных могильников варягов, то есть обществ сравнительно хорошо изученных, где археологические наблюдения можно проверить историческими документами.

Оказывается, в погребальных церемониях всех обществ (и даже современных) отражается прижизненный статус умерших. Общность происхождения находит проявление в стандартных для всех приемах погребения. В нашем случае это помещение покойника в яме под курганом с приложением необходимых в загробном мире одежды, пищи, предметов, свойственных основным занятиям умершего. Отклонения в сторону увеличения или уменьшения затрат труда, материалов, времени на похороны,

сопроводительный инвентарь, пиршество указывают на различие людей по полу, возрасту, месту в обществе, личному и семейному имуществу, заслугам и достоинствам.

Бронзовые зеркала (Тютринский могильник).

Я попробовала рассмотреть все раскопанные в Притоболье погребения с этих позиций, но встала перед серьезной преградой. Из-за распахки и ограбления курганов мы теперь не имеем достоверных данных о полном масштабе общественных затрат на их строительство и материальные ценности, захороненные в них. А будь они у нас, можно рассчитать затраты труда в человеко-днях, а стоимость — в пересчете на общий эквивалент древности — скот. При этом мы бы соотносили количество имущества с числом лошадей или быков, уплаченных за ту или иную вещь. Чтобы выйти из этого положения, пришлось опереться на единственно не пострадавшие от времени данные о размерах погребальных камер-могил, а вещи оценивать не столько по количеству, сколько по видам (браслеты, серьги, кинжалы, ножи), учитывая все обломки, а также по материалу, особо выделяя драгоценные и редкие, являвшиеся символами богатства и престижа.

Так, по размерам могил выделилось 6 групп захоронений, и, видимо, они соответствуют каким-то общественным прослойкам. Но каким, определить невозможно. Для этого нужно несколько эталонных, непотревоженных погребений в каждой, а мы пока сталкиваемся с тотальным ограблением везде. Неужели тупик? Приходится признать, что да, проблема пока не разрешима. Но если оценить различия между всеми группами, то наиболее явно все же выделяются 3.

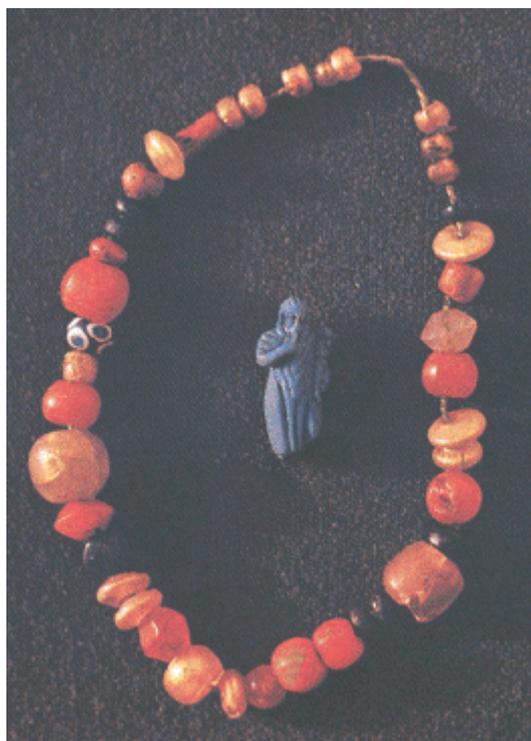
Первая, самая многочисленная, объединяет приблизительно три четверти всех могил, они имеют размеры до 3,5 кубометров, содержат почти все категории вещей, в каждой из них — небольшие наборы по 3-7 видов инвентаря. У женщин одежда украшена поясными пряжками и вышивкой бисером, из бус сделаны ожерелья, браслеты, пуговицы. У каждой шестой была какая-то ценная или редкая вещь — золотые или серебряные серьги, подвески, курительница. Для мужчин характерны колчаные наборы до 30 стрел и кинжалы, то есть это конные и пешие лучники. Костюм украшен пряжками и пуговицами. Наверно, это простолюдины, в том числе и зажиточные.

Другая группа объединяет около четверти всех захоронений и принадлежит верхушке общества. Здесь различия довольно велики: погребальные камеры размером до 55 кубометров, до 5 метров глубиной, инвентарь 9-10 видов. Некоторые из неграбленных могил содержали более сотни драгоценных украшений, расшитые золотом головные уборы и одежду, парадное оружие, обложенное золотом и серебром, парчовые ткани, богато декорированную конскую сбрую, привозные редкости: котлы, фляги, палочки для сурьмления глаз, подвески из камней. Только в богатых могилах встречаются копья, кельты, колчаные наборы свыше 100 стрел, мечи, защитный доспех.

Примером богатого захоронения знатного лица может быть одно из тютринских погребений: старая женщина лежала на дне глубокой ямы на носилках. В специальных нишах была поставлена пища в горшках, а в ногах — мясо на деревянном блюде, уздечка коня. На ней было светлое полотняное платье, прическу украшал роговой гребень с изображением коней, в ушах — серебряные с позолотой серьги со вставками, декорированные пирамидками зерни, на шее — прекрасное ожерелье из 14-гранных сапфир-шпинелевых бус и сердолика. На запястьях находились браслеты из синих стеклянных и золоченых бус, на одежде также были пуговицы-бусины, на пальцах — железные перстни. Самое ценное в древности сочетание — синее и золотое, цвета богатства и власти. Когда мы привезли в музей геологии Академии наук в Новосибирске ожерелье для определения камней, нам сказали: "Как вы рискнули его везти, это ведь целое состояние!"

Серьги из Тютринского могильника (серебро и позолота).

Подвеска с изображением египетского бога Гарпократа и ожерелье (Тютринский могильник).

Бляшки, диадема и серьги из Тютринского могильника (золото, сердолик).

Реконструкция костюма знатной женщины из кургана 2 Тютринского могильника.

С некоторыми богатыми покойниками хоронили верховых коней или других домашних животных и даже людей. Несомненно, это была знать разных рангов: военные вожди, тяжеловооруженные всадники-катафрактии, ядро военной дружины, родовые старейшины, жрецы.

Золотая поясная бляха из Сибирской коллекции Петра 1 со сценой охоты на кабана. Ранний железный век.

Третью группу населения составляли зависимые, неравноправные люди. Захоронения их единичны, совершались без соблюдения традиционного обряда, без вещей, а иногда они просто были брошены в яму или ров рядом с могилой знатного лица. В трех случаях люди были обнаружены не на дне, а чуть выше, то есть оказались во рву тогда, когда он начал уже заплывать, спустя какое-то время после сооружения кургана. В связи с этим уместно вспомнить отмеченный Геродотом обычай, по которому через год после смерти скифского царя умерщвляли его слуг, а их трупы водружали на чучела лошадей и размещали возле кургана. Может быть, и у саргатцев домашних рабов убивали на похоронах либо поминках хозяина.

Столь значительное расслоение, конечно, связано с далеко зашедшим социальным и имущественным неравенством. Многие драгоценные украшения, найденные в курганах, особенно серьги, пряжки, подвески, совершенно идентичны обнаруженным ранее при "бугровании" в Сибири ювелирным изделиям. 250 художественных раритетов составляют уникальное собрание — Сибирскую коллекцию Петра I, хранящуюся в Особой кладовой Государственного Эрмитажа. Теперь уже очевидно, что эти сокровища принадлежали именно саргатской знати, разбогатевшей за счет дани с покоренных племен и прибылей от международной караванной торговли.

Сложная социальная иерархия у саргатцев, прослеживаемая при погребальном обряде, проявляется и в разнообразии поселений. Существовали как сезонные, так и длительно оседлые поселения, крепости, и даже крупные центры международной торговли, предшественники городов, как, например, Рафайловский археологический комплекс. Высокий уровень развития культуры и общественных отношений, достигнутый саргатскими племенами, может свидетельствовать о существовании на юге Западной Сибири раннеклассового государства. Возможно, именно саргатский военно-политический союз носил имя Уи-Бейго, то есть 'Северное Угорское царство, которое Л.Н. Гумилев помещал в Тоболо-Иртышском междуречье. Известно по китайским хроникам, что с ним хунны поддерживали мирные отношения, а значит, оно было достаточно большим и сильным.

Древняя родина южных манси

СВЯТИЛИЩЕ ПЕСЬЯНКА

Вернувшись из экспедиции, мы обсуждали с коллегами результаты полевых работ, новые открытия. В числе прочих новостей я узнала, что очень удачный сезон нынче у С.Г. Пархимовича, обнаружившего вместе со своим товарищем И.А. Бусловым древнее святилище на Андреевском озере. И это было тем замечательнее, что, во-первых, на Андреевских озерах в течение многих десятилетий археологи исследовали поселения и могильники первобытной эпохи, а о святилищах никто не слышал. Во-вторых, святилища — всегда редкость. Места общения с богами и духами оберегали от вторжения чужаков, располагая их в неприметных и внешне удаленных районах. На поверхности капища обычно не имеют никаких признаков и обнаруживаются лишь случайно, не поддаваясь целенаправленному археологическому поиску.

Маленькая экспедиция базировалась в музее-заповеднике. Отряд представлял собой тесную компанию археологов, их друзей, домочадцев, нескольких студентов и школьников. Как раз, когда мы там появились, группа направлялась на раскоп с лопатами в руках. Навстречу нам вышел Сергей Григорьевич Пархимович, худощавый, бородатый, улыбочиво-сдержанный, с внешностью бывалого путешественника. Есть что-то общее в облике геологов, изыскателей, археологов, проводивших многие годы на Севере. Он "болеет" Севером давно, прошел тысячи километров вдоль таежных рек, открыл не одну сотню затерянных в лесах древних памятников. А благодарная за преданность богиня Археологии не обделяет его удачей.

Верный своей теме — изучению культуры обских угров накануне присоединения к России, он, оказывается, и здесь не отступил от нее. Собранные в дорожной пыли бусы, обломки серебряных пластинок и зубы животных потому и заинтересовали его, что мелькнула мысль о сходстве этих вещей с частыми на Обском Севере находками на святилищах. Да и место подходящее: небольшой холм на берегу озера.

Догадка Сергея Григорьевича подтвердилась в первый же день раскопок. Не успели снять дерн в разведочной траншее, как обнаружился средневековый культурный слой, насыщенный пережженными костями и находками. Постепенно выявились четыре крупных скопления костей животных: ноги, зубы, челюсти, принадлежавшие лошадям, волку, медведю и лосю, располагавшиеся примерно на одинаковом расстоянии друг от друга. Костные отбросы каждого посещения были сгребены в кучу, а рядом с ними находились скопления из предметов вооружения и украшений. Там были железные наконечники стрел, два копья, бронзовые бляхи-пуговицы, подвески-"бубенчики", обрезки бронзовых и серебряных пластин, поясные накладки, личины идолов и сосуды. О лопатах на время забыли, сосредоточенно сантиметр за сантиметром расчищая землю ножом и кистью.

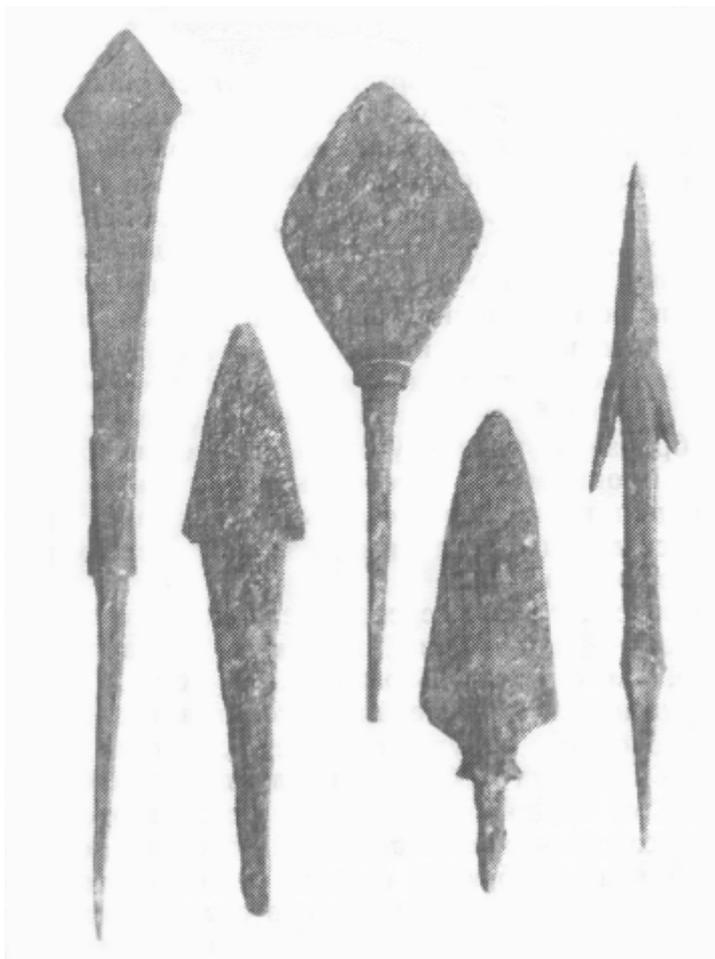
Идолы со святилища Песьянка. Средневековье.

Длинные и тонкие серебряные полоски с отверстиями на концах — мои давние "знакомцы". Сначала было не понятно, как они использовались. Но вот 12 лет назад к нам в университет приехала посоветоваться сотрудница Ямало-Ненецкого окружного музея: стоит ли покупать у местного краеведа-любителя коллекцию

древностей, собранную им в Приобье? Больше всего из этого замечательного собрания художественных изделий мне запомнились длинные серебряные полоски одинакового размера с царапинами от гравировки. Стоило сложить их в определенном порядке, как разрозненную мозаику, и получилось блюдо с изображением шаха на парадной дворцовой охоте. Знаменитые сасанидские серебряные блюда с гравировкой! Они доставлялись на Урал и в Сибирь из Ирана в обмен на пушнину и хранились веками. Кстати, из находок на Оби и в Прикамье почти целиком состоит собрание художественного серебра отдела Востока в Эрмитаже. Обские угры использовали серебряные блюда в культах, подвешивая на священное дерево, а потом, видимо, некоторые экземпляры попадали в переделку, и богатырь мог позволить себе изготовить из него украшение панциря.

А вот опять интересная находка! Все сгрудились возле студента, расчищающего кистью маленький почерневший кружочек с узором или надписью. Постепенно становится ясно, что это монета — серебряный дирхем, который хозяин носил как подвеску. С обеих сторон сохранились надписи арабским шрифтом. Потом, после реставрации, Сергей Григорьевич установит, что чеканена она Пух ибн Насером около 950 года. И стало быть, памятник возник во второй половине X века.

С таким же удовольствием, как и красивое бронзовое украшение или личину, изображение могущественного духа из пантеона обитателей здешних мест, берет в руки археолог узорчатые черепки. Только они помогут ему решить главную задачу и установить, кому принадлежало святилище. На керамике древнемансийских памятников имеется одна очень выразительная особенность: орнамент из отпечатков толстой веревочки или палочки, грубо имитирующих шнур. На горшках с Песьянки они есть.

Наконечники стрел (Святилище Песьянка).

Значит, святилище на Андреевском озере принадлежало древним манси. А скопления вещей — это остатки разрушившихся от времени амбарчиков, хранивших изображения духов и фетиши. Похоже, что здесь главными фетишами были копьа. В поклонении им находил выражение культ боевого и ритуального оружия. Например, в окрестностях Пельма, по сообщению Григория Новицкого, манси *"... боготворяху едино копие, еже имьяху за настоящего идола, древностью от старейшин своих почитаемо. Егда Оо в жертву сего скверную приведется скот каков, обычно же лошадь... Зловерием же своим мнят, яко сей их боготворимый в сем копии дух утешается приношением богоугодной жертвы"*. Из записок Г.Ф. Миллера известно, что в Большом Атлыме *"... шайтаном служили два копьа железные"*, хранившиеся в берестяном кошелье. Очень похожи находки с Песьянки на содержимое амбарчика, осмотренного И.Н. Гемуевым близ Саранпауля. Там тоже были копьа, наконечники стрел, монеты, изображения животных, посуда.

В прошлом у манси были культовые места, где поклонялись предку — покровителю селения, которому придавались богатырские черты. Поэтому ему сопутствовали холодное оружие, панцирь, шлем. В центре площадки стояли деревянные изваяния с изображением духа-покровителя и его супруги; амбарчики с приношениями; деревья, к которым привязывали подарки и вешали черепа жертвенных животных и медведя. Поодаль было кострище, а на краю — священный песок, на который не могли ступить женщины, обходившие его по воде. Побывавший еще в XVIII веке у манси В.Ф. Зуев отмечал, что "... все места, кои в лесу богам отведены... в таком святом у их почтении пребывают, что не только ничего не берут, но и травки сорвать не смеют, ... пределы его границ преедут с такой осторожностью, чтобы и близко под берег не проехать, веслом до земли не коснуться."

Вот таким "золототравным, святым местом" — "Ял-пын-ма" и была Песьянка.

НА ПОГРАНИЧНОЙ РЕКЕ

Приехав в профилакторий судостроительного завода на Пышме, проходим через пахнущий смолой островок соснового бора и вступаем на цветущую поляну. Кругом все ухожено, бережно сохранен уголок леса, обступившего красивый изгиб реки. Подходим ближе к берегу, и взору открывается вид на приподнятую овальную площадку, окруженную высоким (до 4 метров) валом и снаружи — рвом. В том месте, где на валу виден прогиб, вероятно, был въезд в городище. О такой маленькой крепости рассказывается в мансийской сказке: "В старые времена был городок. С каким бы оружием ни пришел враг, в городок тот войти не может, городок на вершине горы стоял. Снаружи железным (преувеличение — Н.П.М.) частоколом огорожен был. С какой бы стороны враг с луком и стрелами ни пришел — внутрь не попадет".

Это известное Богандинское городище X-XII вв. Оно прекрасно сохранилось, ужившись с новыми постройками, благодаря уважению к истории и культуре работников профилактория. Не видно только западин от землянок, на их месте — песчаницы и скамейки, искажившие, конечно, внешний вид, но, думаю, не испортившие памятника. Выглядит это нелепо, но, согласитесь, преклонение перед древностью, свойственное высокоцивилизованным нациям, у нас редко встретишь.

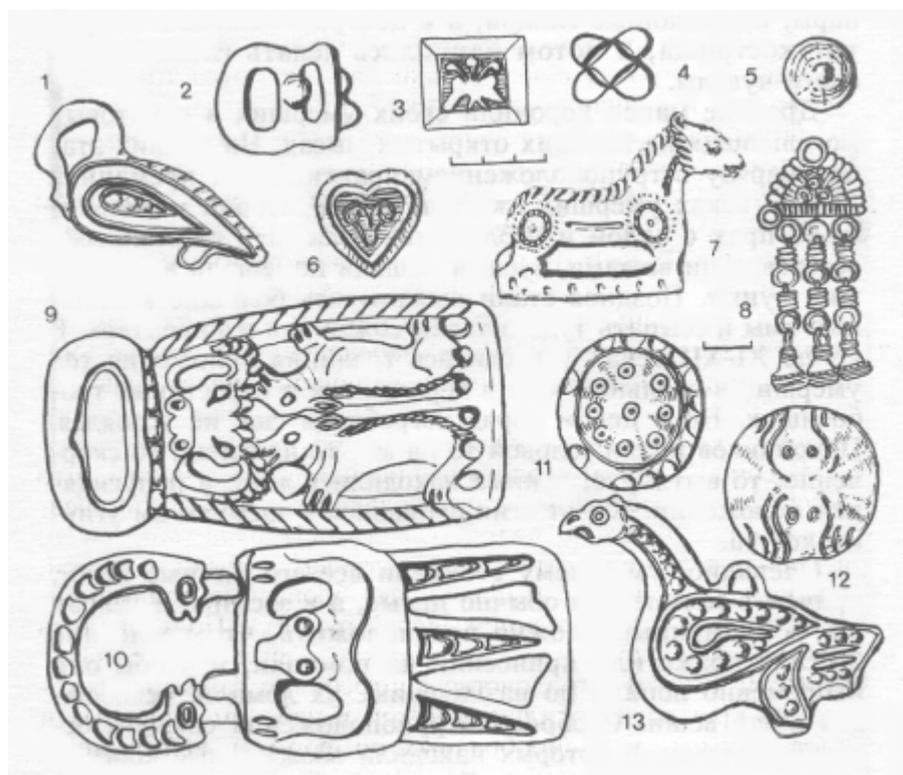
Богандинское городище.

Очень похожи на Богандинское другие городища: Барсучье, Ипкуль 12, Андреевское 3, Дуванское 1. Они относятся к так называемой юдинской культуре (по Юдинскому городищу в Свердловской области) и являются древне-мансийскими. Территория юдинской культуры охватывает среднюю часть лесного Зауралья в бассейнах рек Туры и Тавды. Лучше всего изучен Туринский район. Здесь городища размещаются в 20-30 км друг от друга, как пограничные заставы, образуя единую оборонительную линию. Их строили на высоких берегах рек и озер. Укрепления состояли из срубов размерами около 3 м, засыпанных землей, — перед ними выкапывали ров шириной 2-3 м, на дне которого ставили частокол.

В местах сезонных промыслов сооружали легкие каркасно-столбовые жилища и чумы. На постоянных поселениях жили в полуземлянках с шатровым перекрытием на центральных столбах или в срубных жилищах. Такие постройки раскопаны на Андреевском 3 и Дуванском I городищах. Вдоль стен устраивали земляные или деревянные нары, промазанные глиной, а в центре — сначала открытые кострища, а потом научились делать глинобитные очаги-чувалы.

Древние манси хоронили своих умерших в грунтовых могильниках на высоких открытых мысах. На ранних этапах наряду с труположением практиковали кремацию. В X-XI веках умерших сжигали на территории могильника, а прах с золой и угольками, целыми и сломанными обгоревшими вещами, зубами лошади помещали в небольшие лунки. Позднее стали выкапывать большие могильные ямы и сыпать туда остатки сожжения и инвентарь. В конце XI-XII веках утвердилось традиция положения тел умерших в овальные ямы в деревянных и берестяных гробовищах. Но в целом обряд погребения еще не устоялся. Покойников клали головой то на юг, то на запад, то скорченно, то вытянуто, а иные находились даже в полусидячем положении. Культ огня проявился в засыпке ям углями костра.

Очевидно, умершему собирали все его личные вещи, причем в могиле они обычно целые, а в засыпке и у края ям — сломанные. Можно предположить, что последние бросали позже или приносили на поминки, и чтобы они непременно попали по назначению, их ломали, освобождая душу вещи. С обрядом труположения связаны остатки кострищ, в которых находили обожженные конские черепа, глиняные горшки, бронзовые котелки, браслеты, перстни, шумящие подвески. На умерших надевали нарядную одежду по сезону (на некоторых скелетах сохранились остатки меха). Летняя и верхняя одежда была распашная, типа длинного кафтана. Горловина ее и полы по низу украшались бубенчиками, крестовидными бляшками, бронзовыми бусами. Застегивался кафтан от шеи до колен на крупные металлические пуговицы, перетягивался кожаным поясом с пряжкой, спереди к нему крепились кисти из пронизок и подвесок. Набор украшений диктовался строгим канонам: пуговицы имели одинаковый рисунок, подвески с изображениями — один сюжет, если были браслеты, то обязательно одинаковые. У пояса также находят нож и колчан со стрелами.

Древнемансийские украшения (бронза, серебро):

1,13 - подвески; 2,9,10 - пряжки; 3,5,6 - поясные накладки; 4 - бляшка; 7 - навершие кресала; 8 - шумящая подвеска; 11-12 - пуговицы с петлей на обороте.

Мужские и женские украшения различались мало. Те и другие носили серьги, височные кольца, на груди — пронизки и подвески с изображениями зверей. Меховую одежду можно представить по маленьким глиняным фигуркам, найденным на городищах Жилье и Андреевское 4. Они представляли собой сидящего человека, одетого в парку. Вся фигурку покрывали наколы палочкой или отпечатки гребенчатого штампа, передающие орнамент. Ясно видно, что одежда имела капюшон, надевалась через голову, украшалась каймой по обшлагам рукавов и подолу. Изображены также меховая обувь и штаны.

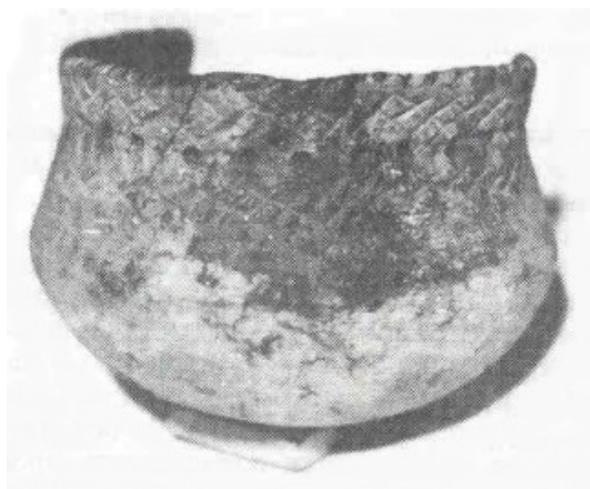
Рассматривая археологические находки, отметим, что ассортимент предметов, использовавшихся в обиходе древних манси, довольно велик. Из орудий труда чаще всего встречаются железные топоры, тесла, мотыжки, ножи. Причем часть ножей имела литые бронзовые орнаментированные и с изображением зверей рукоятки. Пользовались костяными рыбчистками, кочедыками, шильями, вязальными иглами. В рыболовстве

употребляли гарпуны и железные крючки. Охотились с луком и набором железных и костяных стрел, разнообразных по форме и величине, а следовательно, и по убойной силе, они предназначались для определенных видов добычи. На медведя ходили с копьями, известно, что они имелись у манси еще в XIX веке. Огонь высекали кресалами, которые выменивали у новгородцев.

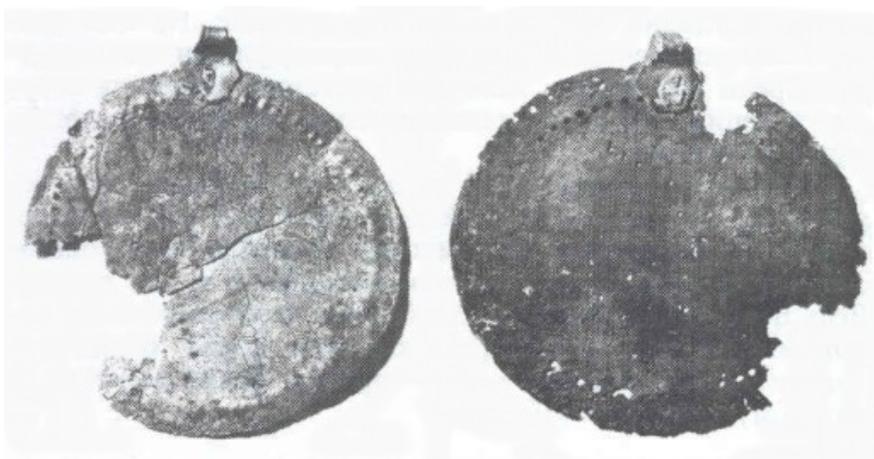
Очень популярны были металлические украшения, привозные и местные. Для древнемансийских мастеров характерны белые (оловянистые) сплавы бронзы, рельефный орнамент из жемчужин, шнуров, желобков, зигзагов и изображений животных. Самым излюбленным сюжетом была голова медведя, распластанная между лапами. Она встречается на пряжках, пуговицах, браслетах. Несомненно, изображалась одна из сцен медвежьего праздника, характерного для угров. Перстни, бусы, серьги в основном импортные, из славянских земель и Волжской Болгарии. Шумящие подвески и пронизи доставлялись из Прикамья. Местными изделиями были круглые серебряные или медные пластины с гравировкой и чеканкой. На них наносили изображения людей-богатырей в виде коня, бобра, лося, зайца, гуся, утки, лебедя.

Медведь, лось, заяц, лягушка известны нам как тотемные образы предков двух взаимообрачующихся половин — фратрий у угорских народов. Общеизвестно представление о медведе как зверином прародителе людей из фратрии Пор. Тотемный облик прародительницы фратрии Мось — зайчиха. Этот образ распространен у хантов и северных манси. А в образе гуся представляли сына прародительницы фратрии Мось Совыр-Ная, в человеческом облике его видели как всадника на белом коне. Отдельные подразделения внутри фратрий также вели свое происхождение от животных. Осознавая тесную связь с природой и ощущая себя как ее малую частицу, они могли объединять себя не только с большими и сильными, но и малыми, скромными зверьками, а то и с птицами или земноводными. Так, дочь могущественного бога Торума, бывшая прародительницей одного из подразделений фратрии Мось, представлялась в виде лягушки. Потомки ее носили название "нярас-махум" — "лягушкин народ". Другие дети и внуки Торума, между которыми была поделена территория расселения обских угров, также почитались в виде разных представителей животного мира. Гравировки на металлических дисках, хранящихся в Ханты-Мансийском музее, наглядно представляют это деление. На них изображены человеческие фигуры с зооморфными наголовьями. Среди них видны: женщина-растение, женщина-косуля, женщина-медведь, женщина-сова, мужчина-медведь, мужчина-филин.

Изображение животных на деталях костюма, видимо, являлось символом данной семейственно-родственной группы. А помещение их в могилу призвано было способствовать возрождению, т.е. возвращению в ту же группу. Ведь по представлениям обских угров человек обладал четырьмя душами, и четвертая как раз имела облик животного, птицы или растения — предка того коллектива, к которому относился умерший.

Средневековый сосуд (окрестности Тюмени).

Бляхи из Загородного сада.

Средневековое святилище в Загородном саду г. Тюмени.

В обиходе у них преобладала еще глиняная посуда, украшенная мелкозубчатым штампом и шнуром, использовалась плетеная и берестяная утварь, но постепенно они стали заменяться медными котелками.

Два таких котелка и медные гравированные бляхи были найдены в разрушенных курганах в Загородном саду г. Тюмени. Обстоятельства находки не вполне ясны. Поэтому трудно определить, что это было: святилище или кладбище? Если последнее, то курганный характер его необычен и может связываться с влиянием южных соседей, населения лесостепи. К сожалению, часть сквера теперь разрушена, а оставшаяся очень мала и весьма активно посещается горожанами, поэтому заложить раскоп, не помешав им, трудно. Так этот вопрос и останется нерешенным, пока не представится возможность провести работы в ходе благоустройства, если такое будет (ведь сквер сильно запущен), или не поможет весомая случайная находка.

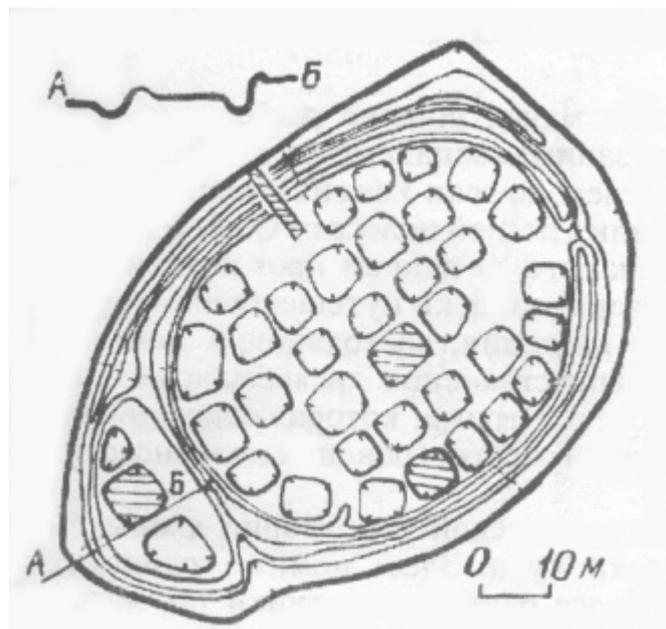
ЗЕМЛЯ МЕДВЕДЯ И ЗАЙЧИХИ

В прошлом манси широко расселялись по обе стороны Урала, занимая западные предгорья от верховьев Печоры на севере до реки Уфы на юге. На восточных склонах они проживали в лесной полосе от Сосьвы и Ляпина на севере до Пышмы на юге. О давнем проживании манси в лесном Зауралье говорят записки путешественников и местные географические названия, восходящие к мансийскому языку. Границей распространения древнемансийской топонимики служит на юге р. Пышма, которая одновременно является и южной границей распространения молчановских и юдинских памятников.

Центром этнической территории южных манси, видимо, была река Тура. Здесь помимо юдинских древностей открыты и более ранние памятники так называемого молчановского типа VII-IX веков до нашей эры.

Городища были устроены на мысах, дюнах и у края береговых террас, окружены валами и рвами. Для несения дозора на валах ставили сторожевые башни, центральный проезд защищали специальными предвратными укреплениями. Самая сильная фортификация наблюдается на Андриюшином городке, расположенном близ Второй перемычки Андреевского озера. Подсыпка вала его производилась четыре раза, и сейчас в разрушенном виде он имеет высоту местами до 4 м. Раскопки, начатые основателем Тюменского краеведческого музея И.Я. Слопцовым и продолженные выдающимся ученым-угроведом В.Н. Чернецовым, показали, что, хотя виден один ров на самом деле их было два, дополнительный выкопан в 5 м от основного. С юго-западной стороны построен бастион. На площадке прослеживаются следы 36 жилищ - полуземлянок. Раскопками изучались также городища Жилье, Дуванское 1, поселения Придуванское, Дуванское 2а.

К сожалению, в течение многих десятилетий разрушались эрозией берега и распашкой, а теперь уже не существуют Антипинское, Решетниковское и Молчановское городища (последнее дало название культуре предков манси), очень мало данных о городище Мулаши. В 50-е годы близ дер. Молчановой был найден клад из нескольких медных клепаных котлов с ушками для крепления дужки, четырех браслетов с изображением медведя, латунных блях с петельками. Это все, что осталось от древнемансийского городка.

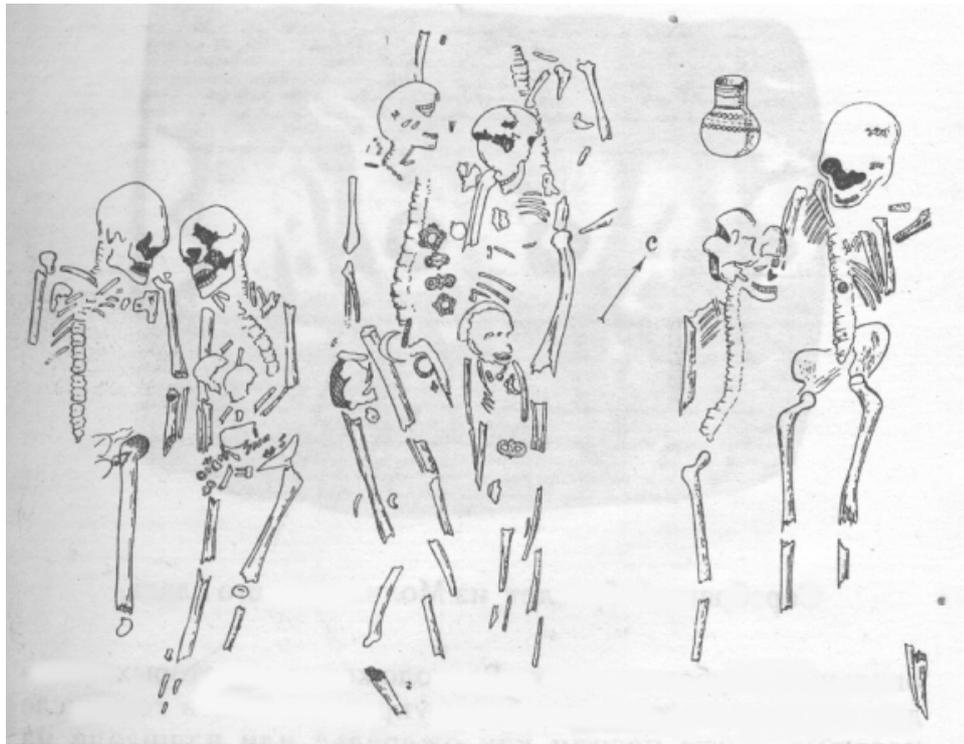
План городища Андрюшин городок: А-Б - разрез бастиона.

Оригинален погребальный обряд молчановцев, известный по Перейминскому могильнику, что неподалеку от Андрюшиного городка. Там раскопано три кургана с девятью одиночными и коллективными погребениями. Покойники лежали вытянуто на спине головой на север в овальных глубоких ямах. Расположение некоторых находок показывает, что они были украшениями, в том числе костюма. Бусы носили как ожерелье или нашивали на горловину и подол, на пальцы надевали перстни, на запястья — браслеты, бляхи прикрепляли к платью на груди, пряжку, оселок и нож — к поясу. В изголовье ставили сосуды. Этот тип погребения древнейший, восходит к раннему железному веку Притоболья. А позднее, видимо, как результат переселения каких-то племен из Прикамья появились костыща. Это памятники, представляющие собой толстый золистый пласт земли с пережженными человеческими и скотскими костями, среди которых находят раздавленные горшки, украшения, наконечники стрел (Юдинское, Тынское, Туманское).

Серебряный браслет из Молчановского клада.

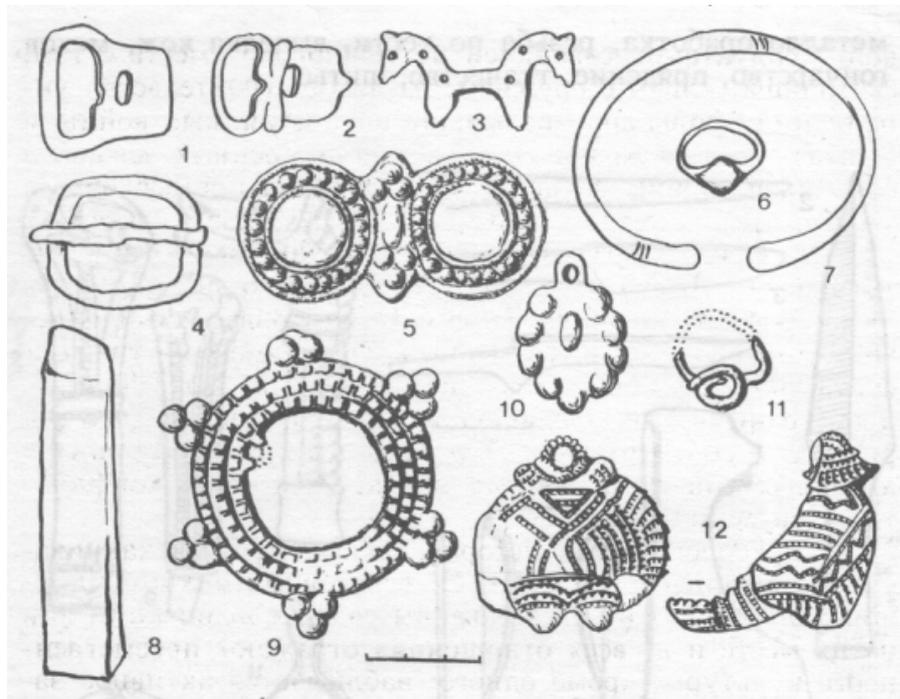
По узорам на посуде вычлняют несколько групп в составе молчановцев: лесные аборигены, в основном с Тавды; лесостепные тюменско-тобольские, а также пришлые уральские племена, сыгравшие главную роль в формировании этнических особенностей предков южных манси.

Погребения Перейминского могильника.

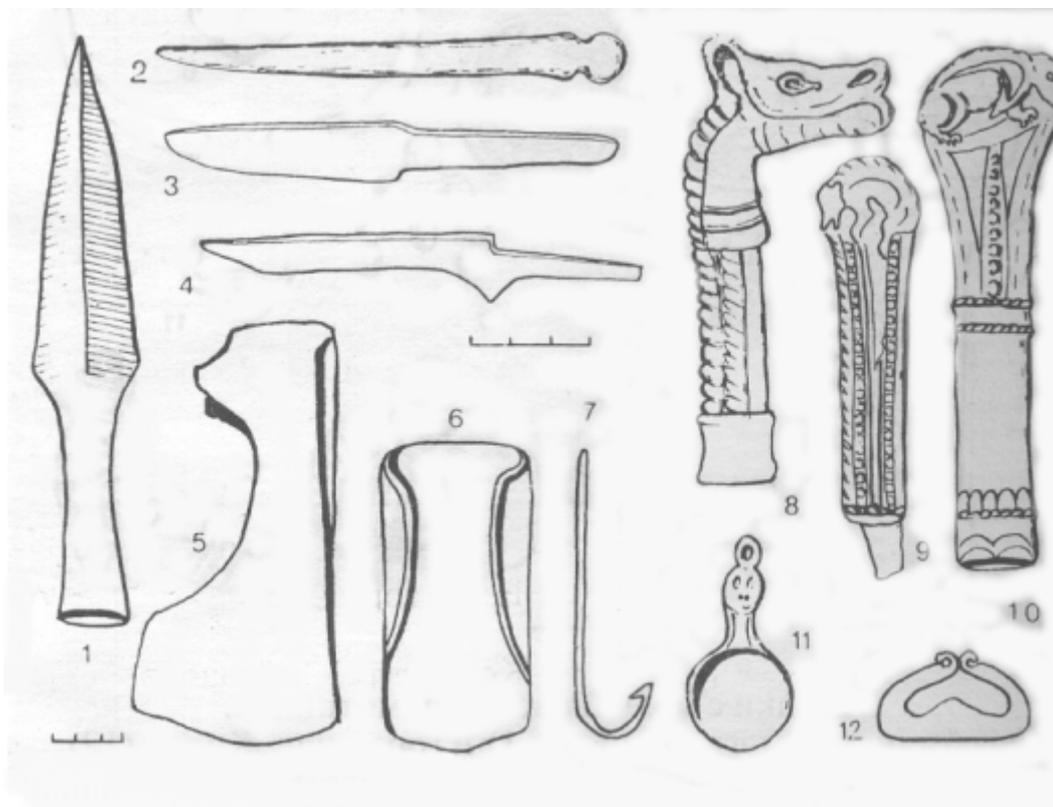
Население занималось коневодством, охотой и рыбной ловлей. Известно о земледелии у вогул на Туре и Тавде до прихода русских. Например, Ермак во время своего похода собирал с них ясак хлебом. Домашними занятиями были различные обрабатывающие производства: дерево- и металлообработка, резьба по кости, выделка кож, мехов, гончарство, прядение, ткачество, шитье.

Небольшие поселки были местами проживания нескольких родственных семей. Такой тип расселения сохранился почти в неизменном виде до XVII века, когда был описан у аборигенов Верхотурского и Пелымского уездов под названием "юрт".

Находки с молчановских памятников. Перейминский могильник (1-11) и городище Жилье (12):
 1,2,4 - пряжки; 3, 10 - подвески; 5 -бляха; 6, 11 -перстни; 7 - браслет; 8-оселок; 9 - фибула;
 12 - антропоморфная фигурка.

В общем балансе хозяйственных занятий преобладали присваивающие отрасли — рыболовство и охота, что ставило благосостояние населения в зависимость от резких колебаний природных условий и не давало возможности накапливать значительные богатства, а тем более превращать их в сокровища. И хотя существовало неравенство, до формирования обособленных слоев общества и устойчивой эксплуатации сородичей не дошло. Но вместе с тем, святилища, клады с оружием, развитое строительство укреплений, фольклор указывают на постоянные войны и большую роль в жизни местных общин военных вождей и богатырей. Войны велись для завладения промысловыми угодьями, имуществом, а также с целью захвата невест.

Орудия труда и оружие древних манси: 1- копье; 2 - кочедык; 3,4 - ножи; 5 - топор; 6 -топор-тесло; 7 - рыболовный крючок; 8-10 - рукояти ножей; 11 - ложка; 12 - кресало; 1, 3-7, 12 - железо; 2 - кость; 8-11 - бронза.

"На Тавде разразилась война. Тридцать мужчин (из тысячи — Н.П.М.) испугались войны, сбежали, прихватили с собой семь женщин. Приехали на Конду, есть нечего. Они отправились к устью Тапа, в Елушкино," — так рассказывает мансийское предание о давних переселениях, происходивших несколько веков назад. Возможно, что это рассказ о событиях XIV-XV веков, когда усилившиеся южные соседи стали теснить манси, участились конфликты, вооруженные стычки.

А археологическая история южных манси заканчивается еще раньше — в XIII-XIV веках памятниками макушинского типа. Они расположены рядом с юдинскими или на их месте и во всех отношениях отражают преемственность культуры, кроме одного: наблюдается активное заимствование чуждых традиций у лесостепных племен тюркского круга. Появляются вновь погребения под курганами в срубках, сопроводительные захоронения чучела лошади, хиреет собственное искусство, угасает звериный стиль, внедряется мода степняков на наборные пояса, растительные орнаменты. В этих чертах археологи зафиксировали начавшуюся тюркизацию населения Тюменского района. Она происходила в течение жизни нескольких поколений, имела и мирные, и бурные военные эпизоды и сопровождалась в конечном счете переселениями в северные и горные районы Урала. Но в верховьях Туры и на Тавде русские, обосновавшиеся в Зауралье, еще в XVI веке застали мансийские население, пытавшееся удержаться на земле своих предков.

Возвращаемся с Песьянки на остановку автобуса у дач "Мичуринец" вдоль берега Андреевского озера. Пройти надо всего три километра, но сколько на этой дороге вех былого. Вот они, один за другим, древние памятники: Перейминский могильник, Андрюшин городок, Андреевское 3 и 4 городища - еще не прочитанные полностью страницы истории маленького народа. Интересно, а знают ли обрусевшие Петликовы, Першины, Денежкины, Конжаковы, что тюменская земля хранит память об их предках?

Забытая столица

Чимги-Тура — столица Тюменского ханства, вассального государства Золотой Орды, хотя и недолго, но блистала на политическом небосклоне Центральной Азии. Здесь объявляли войну и заключали мир, принимали иностранных послов, плели дворцовые интриги. Сюда приходили караваны бухарских и самаркандских купцов, прибывали дипломатические миссии, приезжали шейхи — проповедники ислама, знатоки письменности и литературы Востока. Три, а может быть, четыре века (ведь дата возникновения Чимги-Туры неизвестна) была она одним из форпостов мусульманской культуры в Западной Сибири.

Несправедливо обошлась история с Чимги-Турой. В один день вместе с падением старой династии рухнуло ее величие. Новый хан перенес столицу в Искер. Некогда большой и цветущий город захирел, а вскоре после похода Ермака и вовсе был покинут своими обитателями.

КАКАЯ ОНА, ЧИМГИ-ТУРА?

Ярким августовским днем я иду по улице Ленина к зданию бывшей городской Думы, на стрелку высокого мыса между Турой и речкой Тюменкой, откуда начинала строиться Тюмень. Сохранилось ли что-нибудь от городища? И вот стою на краю глубокого оврага, рассеченного надвое широкой асфальтированной дорогой, ведущей к стадиону «Геолог». На другой стороне большого лога стояла когда-то Чимги-Тура.

Как же разобраться, что и где располагалось, что уцелело до наших дней? Начнем с плана.

Самое раннее и обстоятельное описание руин Чимги-Туры содержится в экспликации к плану г. Тюмени 1766, снятому после большого пожара. *«Начальное заведение и укрепление сего города, — читаем мы в ней, — было самое древнее. Построенное одним ханским сыном Тайбугою еще до владения в Сибири хана Кучума. Онаго укрепления остатки и теперь довольно видны, под литерою А называется Царево городище. Окружено с трех сторон глубокими боераками и речкой Тюменкой. По литерою В лог глубиною 3 сажени шириною 15 сажен. Об оном логѣ създревле слышитца, што оной был сначала зделан ровом, который составлял тому городищу с сей стороны укрепление. Под литерою С называется Большое городище, а под литерою Д Малое городище. Под литерою F наружной вал шириною 2 сажени вышиною 2 аршина. При ем ров шириною 1 ½ сажени глубиною 1 ½ аршина.»*

Попробуем сверить с другими схемами. Вот позднейший план Тюмени, характеризующий ее застройку в конце XVII века. Напротив Тюменского острога через лог отмечено только Царево городище. Но зато — и это очень важно — на левом берегу Туры на месте современного Парфенова показана Большая, почти в треть общей застройки, татаро-бухарская слобода. А позднее на схеме XIX века как Чимги-Тура представлена опять только часть памятника, его цитадель. Видимо, рельеф сгладился, какая-то доля информации была утрачена. Значит, ориентироваться надо на план, снятый в 1766 году на местности.

При внимательном рассмотрении видим, что на нем есть несоответствие. Почему-то Большим городищем называется меньшее по площади, а Малым, наоборот, большее. Ведь Чимги-Тура располагалась на двух мысах: большом, находящемся между Ключевым логом и глубоким оврагом, и малом, между оврагом и широким логом вдоль улицы Спасской (Ленина), выходящим к устью речки Тюменки, еще его называли озером Лямин (Лямин-Куль). Поэтому Большим городищем должно называться юго-западное, а Малым — северо-восточное, ну а цитадель на острове близ Малого — это уже известное нам Царево городище.

Ошибки, кстати, не доаустил, описывая Чимги-Туру, известный краевед XIX века Н.А. Абрамов. Он отмечал, что укрепления татарского города состояли из двух линий. Первый ров с валом начинался от лога, ближайшего к улице Спасской, и был самым длинным, почти в 6—саженей (на плане под литерой F). Второй располагался против Большого городища (на плане под литерой E). Таким образом, Н.А. Абрамов Большим называет то, которое больше по площади и сильнее укреплено, что вполне логично. О третьей линии обороны он не упоминает. Как и в случаях со схемами XVIII и XIX веков, надо думать, это объясняется начавшимися разрушениями памятника. Участок Чимги-Туры, обозначенный литерой D, не имел искусственных укреплений и являлся селищем, обитатели которого в случае военной угрозы бросали свои дома и прятались за городской стеной.

Первый испуг от сопоставления громады стадиона, расположившегося в самом центре древней Чимги-Туры и небольшого уцелевшего останца, на котором находилось Царево городище, проходит. Обойдя его с трех сторон, успокаиваюсь: при строительстве уничтожены, видимо, только вал и ров. Жилая площадка цитадели, конечно, тоже пострадала — от частной застройки, копки грядок, ям, погребов, но культурный слой, похоже, здесь уцелел. В худшем состоянии Малое городище — участок высокого, естественно укрепленного останца между двумя логами, ныне находящийся под кварталами домов от улицы Перекопской до стадиона. От музея видна северная граница — склон лога, занятый огородами и гаражами. Где-то дальше к югу должно быть Большое городище...

В прошлом Чимги-Тура была почти неприступной крепостью, воздвигнутой на высоком мысу, защищенном оврагами и рекой. А наиболее трудоспособная его часть для надежности была превращена в остров. Для этого поперек мыса прокопали широкий ров, который впоследствии, размываемый тальми водами, превратился в лог, будто бы самой природой созданный для защиты цитадели.

Еще нагляднее представить себе, как выглядела столица Тюменского ханства, позволяет старинный рисунок Кунгурской летописи. Он изображает, правда, не Чимги-Туру, а Кизыл-Туру, крепость хана Онсома в устье реки Ишим. На самой стрелке мыса стояла мечеть и дворец правителя. Судя по архитектуре — угловым башенкам, украшенному геометрическими фигурами фронтоном, квадратным прорезам окон, расположенных высоко под крышей, — резиденции ханов и шейхов строились среднеазиатскими зодчими. И можно предполагать, что их воздвигали в скором для исполнения варианте — из сырцовых глиняных кирпичей, быстро разрушающихся от времени.

Улицы образовывали стоящие рядами юрты. Купол каждой был украшен бунчуком — развевающимся конским хвостом. Двурогий бунчук обозначал юрту десятника, трехрогий — сотника. На рисунке в

укрепленной части города юрты изображены с трех-, пятирогими навершиями, а купол ханской резиденции увенчивает восьмирогое украшение. Значит, все это жилища кочевой по происхождению знати — потомки кипчаков, монголов, ногайцев, окружавших себя слугами, женами, танцовщицами. Юрты группируются по две, три, пять, видимо, отражая расселение семейных кланов. Покрывали эти легкие переносные жилища войлоками, на пол стелили кошмы и ковры, из войлоков и пуховиков складывали лежанки. Около жилищ держали наготове верхового коня, а остальной скот пасся у реки под присмотром пастухов.

За пределами цитадели — на селище — стояли полуземлянки, обмазанные глиной или обложенные дерном, в которых жило местное население, подвластное чужеродным ханам.

У внешних ворот Большого городища располагались бревенчатые караван-сарай с очагами-чувалами внутри. Их окружали навесы со стойлами для лошадей и верблюдов, легкие постройки, служившие складами для палаток, котлов, запасов пищи, товаров, всего того, что составляло снаряжение караванов.

Представьте себе: толчея, гомон, блеянье овец и мычание коров, крики погонщиков. Везде телеги с высокими колесами, кучи дров, сена, тюки, мешки с зерном, костры. В общий шум города вливаются и голос муэдзина, созывающего на молитву, и объявления глашатая, и ссоры торговцев. Время от времени из ворот выезжают сборщики ясака, гонцы. По дороге им предстоят остановки на почтовых постах, где ждут свежие лошади.

У жилищ знати суетятся слуги, лениво переговаривается охрана. Люди входят и выходят, от жаровен с горячими углями пахнет дымом, к которому примешивается аромат готовящейся пищи. Закутаные женщины с кувшинами и котелками спускаются к реке за водой. Жизнь в городе кипит.

В столице обширного ханства происходит много событий. Чимги-Тура стояла на торговом пути из Средней Азии в сибирские земли. Осенью сюда приходят нагруженные товарами караваны из Бухары и Самарканда. Они доставляют бумажные и шелковые ткани, паласы, скатерти, пологи, кошмы, одеяла, сафьян, чай, сушеные фрукты, бусы, перстни, мониста, ленты, а также рабов. Охотно покупают жители северной столицы стеганые халаты, шубы, кушаки, кольчуги, шлемы, сабли, сбрую, нарядные пояса с серебряными и медными накладками.

Не боятся купцы холода — остаются зимовать, строят лавки, дома. Да и не только торговый интерес вел многих из них: кто искал новое поле деятельности и хотел здесь поселиться с семьей, кто одновременно был соглядатаем враждующей династии. Запасаются товаром на обратную дорогу, все больше русским да из Поволжья. В Чимги-Туру везут его из-за Урала.

В Бухаре изделия новгородских мастеров — котлы, тазы, блюда, топоры, кресала, холсты — ценятся высоко, так же, как и сибирские меха — соболя и лисицы.

Наверное, время от времени появлялись на базаре и всякие редкости: дорогой подарок господина верному слуге, проданный в нужде вдовою, или отнятые разбоем посольские дары, или военные трофеи. Предметами роскоши считались вино, уксус, мускус, ткани из шерсти белого верблюда — «Белый войлок почета», серебряная посуда, лаковые и нефритовые китайские чашечки, шелковые платья, вышитые золотыми и серебряными цветами.

Торговлю поощряют, купцов жалуют на ханских приемах, ведь они платят в казну немалые пошлины с каждого выючного верблюда да отдельно налоги с продажи вина, уксуса, соли, цветных и черных металлов.

Надеясь получить дополнительные сведения о том, как выглядела Чимги-Тура, перелистываю старинные описания Тюмени. Г.Ф. Миллер и И.И. Лепехин приводят лишь краткие характеристики городища, ничем не дополняющие экспликацию 1766 г. У П.С. Палласа и Д.Г. Мессершмидта нет о нем ничего, у И.П. Фалька, В.В. Радлова — тоже. В ожидании ценных подробностей просматриваю «Историю Сибири» П.А. Словцова, статьи нашего земляка И.Я. Словцова — напрасно.

Берусь за книги современных историков, но в них Чимги-Тура упоминается лишь в связи с походом Ермака. Досадно, что за все четыре минувших столетия столицей Тюменского ханства интересовались лишь академики Петровской эпохи да краевед Н.А. Абрамов.

Настораживает и полное отсутствие находок с Чимги-Туры в нашем музее, даже каких-либо упоминаний о таковых нет. Никакого сравнения с Искером, более поздней и кратковременно существовавшей столицей Сибирского ханства! Там многократно проводились раскопки, в последний раз в 1993 году силами нескольких научных учреждений. Результаты работ публиковались, богатейшая коллекция из раскопок находится в экспозиции! Как же так получилось с Чимги-Турой?

РАСЦВЕТ И ЗАКАТ ХАНСКОЙ СТОЛИЦЫ

Окрестности Тюмени очень красивы, и жившие там татары были богаты хлебом и скотом, — писал Г.Ф. Миллер, — ... ни одна из сибирских местностей не обладает, кажется, такими преимуществами, ... и татары и русские поступали поэтому правильно, когда строили здесь свои первые города".

О возникновении Чимги-Туры есть несколько преданий. В одном из них говорится, что построил ее Тайбуга, наследник первого Тюменского хана, свергнутого своим подданным по имени Чинги. В благодарность за то, что новый хан не только сохранил ему жизнь, но и сделал своим военачальником, Тайбуга, основав себе ставку на р. Туре, в честь Чинги назвал ее Чингидино, а позднее это имя превратилось в Чинги-Тура или Чимги-Тура, подобно другим сибирским городкам: Тон-Тура, Кизыл-Тура, Явлу-Тура, так как Тура по-татарски означает городок или укрепленное место.

Другая легенда гласит, что когда великий Чингисхан занял Бухару, то один из подвластных ему людей, Тайбуга, сын хана Мамыка, владетеля Казахской орды, выпросил себе у Чингиса в управление места по рекам Иртышу, Тоболу, Ишиму и Туре. Доверенными областями потомки Тайбуги продолжали владеть и после него. Таким образом, название городу дано в честь Чингисхана. Приведший эти легенды Г.Ф. Миллер склонялся к достоверности второй версии. Я тоже думаю, что она ближе к истине, поскольку раннее татарское государство, возникшее в лесостепном Тоболо-Ишимье и называвшееся Тюменью, было

подчиною Золотой Орде и управлялась узбекской ветвью Шейбанидов. Эта династия ведет свой род из дома Чингисхана и является потомками Шейбана, младшего сына Джучи.

О колонизации лесостепи Западной Сибири Золотой Ордой говорят находки предметов, изготовленных в ремесленных центрах на подвластных ей территориях. Судя по археологическим материалам, уже в конце XIII века, по-видимому, завершилась тюркизация лесостепных районов. Кроме того, о ранней зависимости тюменских земель от Золотой Орды говорит тот интересный факт, что в 1399-1401 годах в Чимги-Туру бежал Тохтамыш (тот самый, который взял хитростью Москву) после поражений, нанесенных ему сначала Тимуром (Тамерланом), а затем ханом Зоволжской Орды Темир-Кутлуем. Здесь, в глуши и безопасности, он решил пересидеть тяжелые времена и думал найти у местной знати опору для борьбы со своими врагами. На некоторое время он даже захватил бразды правления Тюменским ханством. Но Тохтамыш так и умер в Чимги-Туре, не вернув себе золотоордынского трона; он был убит одним из сибирских ханов.

Еще совсем молодое государство показалось лакомым куском многочисленным потомкам Джучи. Несколько лет раздирали Тюмень распри, пока в 1429 году ее не подчинил Абу-л-Хайр хан. В честь этого события он даже отчеканил монету — серебряный дирхем. Двумя годами позднее в честь разгрома Ахмад хана, правителя Большой Орды, он выпустил другую монету.

Этим Чимги-Тура заявила о себе на международной арене того времени, претендуя на роль лидера в борьбе за золотоордынское наследство. Но увлекаемый идеей объединения отпавших территорий под своей властью, Абу-л-Хайр уже в 1446 году перенес столицу своей державы из Чимги-Туры в Сыттак на Сырдарье и сосредоточился на борьбе за Среднюю Азию. Сибирские земли и город на Туре он оставил оттесненному им ранее от власти другому отпрыску ветви узбекских Шейбанидов — Хаджи Мухаммад хану, а по некоторым данным — своему внуку. И снова начались усобицы.

Новое возвышение Чимги-Туры на исторической арене связано с деятельностью Сайид Ибрахим хана, в русских летописях именуемого Ибаком. Разные источники его называют то племянником, то внуком Хаджи Мухаммада. Сайид Ибрахим хан оказался талантливым государственным деятелем. При поддержке ногайских муруз он захватил власть в Тюмени и присоединил к ханству степные районы по Тоболу.

В 1469 году Сайид хан сумел разгромить Узбекское ханство, занимавшее огромные пространства Казахстана и Средней Азии, и освободился от вассальной зависимости. Демонстрируя собственную доблесть, он лично убил правителя узбеков Шайх Хайдар хана. Далее он решил покорить Большую Орду. Чтоб иметь союзника, Сайид Ибрахим хан в 1480 году заключил союз с Русью, направив посольство к Ивану III. Он всячески способствовал победе русских войск над Большой Ордой, чтоб ослабить противника. А в 1481 году сам напал на нее, опять же собственноручно убив Ахмад-хана. Он объявил себя верховным ханом всего Джучидского государства и решил Чимги-Туру сделать столицей своей империи. Туда Сайид хан переправил награбленное имущество, перевел из Хаджи-Тархана свою кочевую ставку Орду-Базар.

На дюнах у дер. Могилевой в 1912 году были найдены четыре серебряных дирхема, попали они в Екатеринбургский краеведческий музей. Так бы и лежали они безгласными в темноте хранилища еще, может быть, столетие, если бы не заинтересовался ими историк А.С. Нестеров. Ему удалось прочесть надписи арабской вязью на монетах. С одной стороны написано: "Султан высочайший Ибрахим хан" ("Ас-султан ал-адил Ибрахим хан"), с другой — дирхем украшает тамга в виде двузубца с двумя точками между зубцами и надписью: "отчеканено в Орду-Базаре". Эти дирхемы он выпустил на гребне своего триумфа, и они были в обращении в сибирских городках.

Новые планы зрели в голове могущественного Сайид Ибрахим хана. Теперь он задумал подчинить все сибирские земли, начав с улусов по Нижнему Тоболу и Иртышу. Они оставались самостоятельными и управлялись местными ханами династии Тайбугинов. Видимо, Сайид хан, сочтя их недостаточно серьезными соперниками, не пожелал тратить время и силы на военные экспедиции, а решил взять их хитростью. Он сначала выдал свою сестру замуж за князя Мара, которого затем умертвил, и присоединил к своим его владения.

Этот ли жестокий и подлый поступок или другие злодеяния, оставшиеся нам неизвестными, отвратили удачу от хана, но только трон его зашатался. Отпал мангытский улус, отделилось Казанское ханство, активизировались Тайбугины. А в 1505 году Сайид Ибрахим хан был убит одним из родственников Мара — князем Искера Мухам-мад беком.

Новый властитель перенес столицу на Иртыш в свою ставку, пожертвовав выгодами Чимги-Туры как посредницы в русско-азиатской торговле. Надо полагать, его волновала военная угроза со стороны Казанского ханства, ногайцев или свергнутых Шейбанидов. Искер (или Кашлык) располагался далеко от наезженных дорог и был укреплен более высокими обрывами и оврагами. Под гегемонией северных улусов государство стало называться Сибирским ханством.

И все же, как случилось, что бывшая столица была заброшена, превратилась в обыкновенное городище, не привлекающее внимания археологов и историков?

Если бы Чимги-Тура была кочевой ставкой, то быстрое разрушение ее было бы понятно. На таких поселениях не строили зданий, поэтому культурный слой тонок, находок мало. Снимая ставку, почти все забирали с собой. Нет следов на земле, исчезает след и в памяти народной. Но Чимги-Тура только в качестве столицы просуществовала два века и еще около трех четвертей столетия как провинциальный город Сибирского ханства до взятия Ермаком. В таких случаях обязательно накапливаются напластования из мусора, отходов, потерянных вещей, сгнившего дерева, золы отгоревших печей и костров. Все это, разлагаясь, образует обычно мощный культурный слой городов. Да и если город был взят штурмом и после этого перестал существовать, то осталось бы много брошенных в спешке вещей, украшений, зарытых кладов. Какой-нибудь из старинных предметов все же обратил бы внимание огородника.

Малочисленность оставленного добра, отсутствие среди него драгоценных, художественных и редких вещей говорят как раз о том, что покинут город был намеренно, имущество вывезено.

Посмотрите на сцену битвы за Чимги-Туру из Кунгурской летописи. Сражение идет на левом берегу напротив мыса при впадении Тюменки в Туру. За ходом его наблюдает сверху хан, сидящий в шатре. Близ

него — охрана и небольшой резерв. На реке стоят струги Ермаковой дружины. Поле, на котором идет сражение, находится рядом с поселением татар, изображены ряды юрт. Может быть, Ермак, продвигаясь по реке, не смог войти в устье Тюменки и подойти к крепости? Или даже не заметил его и проплыл мимо, к селищу на левом берегу? Или намеренно решил дать сражение на открытом месте, имея путь к отступлению, после того как разведчики донесли о сильной фортификации города?

Битва за Чимги-Туру (Кунгурская летопись).

"И августа в 1 день взяша град Тюмень, еже Чингида, и царя Чингыза убиша, и многие припасы и богатства взяша".

А может быть, татары решили не давать боя в городе, опасаясь пожара? Или понадеялись на численное превосходство, решив потоптать казаков конями и, преследуя их на лошадях, истребить страшного противника? На эти вопросы могли бы ответить раскопки, с их помощью можно установить, был ли бой в городе, горела ли Чимги-Тура? Похоже, что бой все-таки состоялся на левом берегу и татары его проиграли. А крепость не смогла долго защищаться и сдалась. Трудно сказать, на милость ли победителя, или на позор и разграбление. Г.Ф. Миллер по этому поводу пишет: "Остальной путь по Туре (после взятия Епанчина городка, совр. Туринск — Н.П.М.) сопровождался большей частью таким же разорением расположенных по берегам татарских селений. 1 августа Ермак подошел к городку Чимги и овладел им без особых затруднений."

Есть сообщения, что Ермак взял в Чимги-Туре богатую добычу и запасы продовольствия, которых ему хватило до завоевания Искера. Ожесточенный боем, он мог вывести население из покорившегося городка, а казакам дать приказ обыскать дома. Победители погрузили в лодки, навьючили на коней награбленное и подожгли город.

Постройки были легкие, из дерева и глины, решеток, обтянутых войлоком, всюду запасы дров и сена. Город быстро превратился в огромный костер. Уцелевшие его жители разместились в левобережных юртах, поэтому так велика была татаро-бухарская слобода к началу строительства Тюменского острога.

Восстанавливать городские строения и оборонительные стены не было смысла. Им не сдержать натиска русских дружин. Почти столетняя борьба между Русью и Средней Азией за влияние в Зауралье решилась в пользу Руси.

Став жертвами первых русских походов в Зауралье еще в 1483 году, туринские татары и манси не желали больше войны на своих землях, и поддержали теперь Тайбугинов Едигера и Бекбулата, обратившихся к Ивану IV с предложением о принятии Сибирского юрта в русское подданство на условиях

выплаты дани в 30 тысяч соболей в год. Но их послания с просьбами о помощи против Шейбанидов к русскому царю тогда остались безответными.

Епанчин городок и Чимги-Тура оказали сопротивление Кучуму, свергнувшему миролюбивых братьев, боясь стать заложниками его воинственной политики по отношению к Руси. Но не устояли, не смогли избежать уготованной им участи. Ведь Кучум, убедившись в мирных намерениях русского правительства, начал набеги на башкирские и мансийские улусы, вотчины Строгановых в Прикамье, грозя отторгнуть некоторые уральские земли, бывшие данниками России с конца XV века. Тем самым он спровоцировал военную экспедицию Ермака, имевшую целью закрепить российское господство в Зауралье.

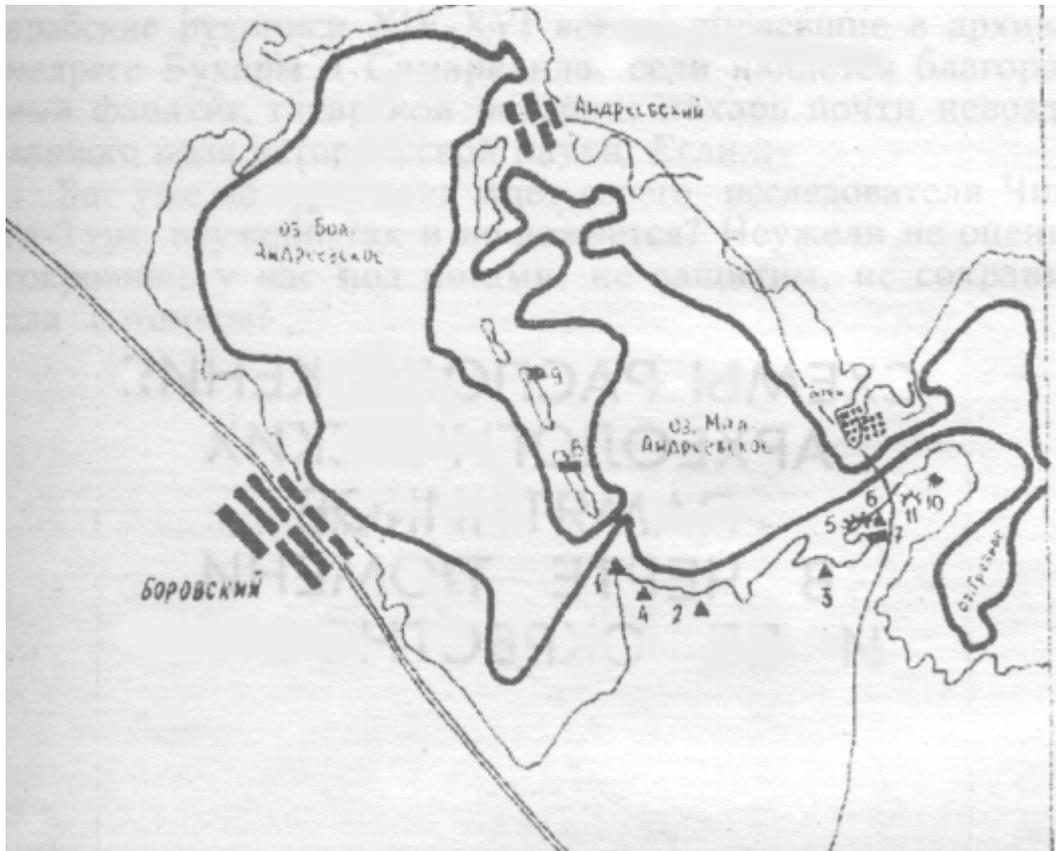
* * *

Медленно возвращаясь с Городища, иду по шумным и пыльным, залитым августовским солнцем улицам. Вот таким же августовским днем только более четырехсот лет назад пресеклась история Чимги-Туры. Меня волнует ее загадочная гибель, исчезновение из памяти поколений преданий о ней. Конечно, многое может рассказать археология, если удастся организовать раскопки, немало тайн могут раскрыть неустрашенные сибирскими историками арабские рукописи XIV-XVI веков, уцелевшие в архивах медресе Бухары и Самарканда, если найдется благородный фанатик татарской истории, пахарь почти невозделанного поля исторической науки. Если...

Вот уже четыре века ждет своего исследователя Чимги-Тура, неужели так и не дождется? Неужели не оценим сокровище у нас под ногами, не защитим, не сохраним для потомков?

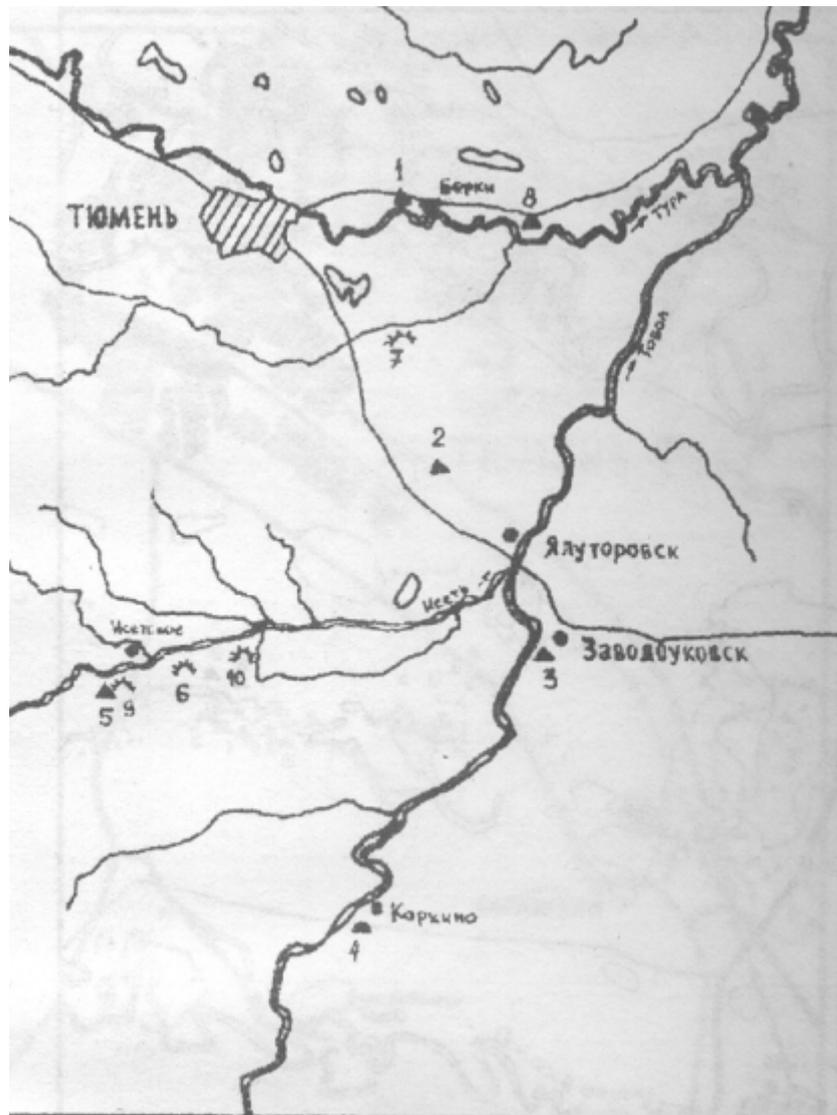
Схемы расположения археологических памятников в черте Тюмени и ее окрестностях

Схема расположения памятников на Андреевских озерах

- 1 - Козлов Мыс 1; 2- ЮАО 13; 3- ЮАО 15; 4- Андреевская стоянка 2; 5 - Андрюшин городок; 6 - Восьмой пункт; 7 - Перейминский могильник 2; 8- могильник на Большом Андреевском острове; 9 - курган на Большом острове; 10 - Песьянка, святилище; 11- городище Жилье.

Схема расположения памятников в бассейне Туры и Исети

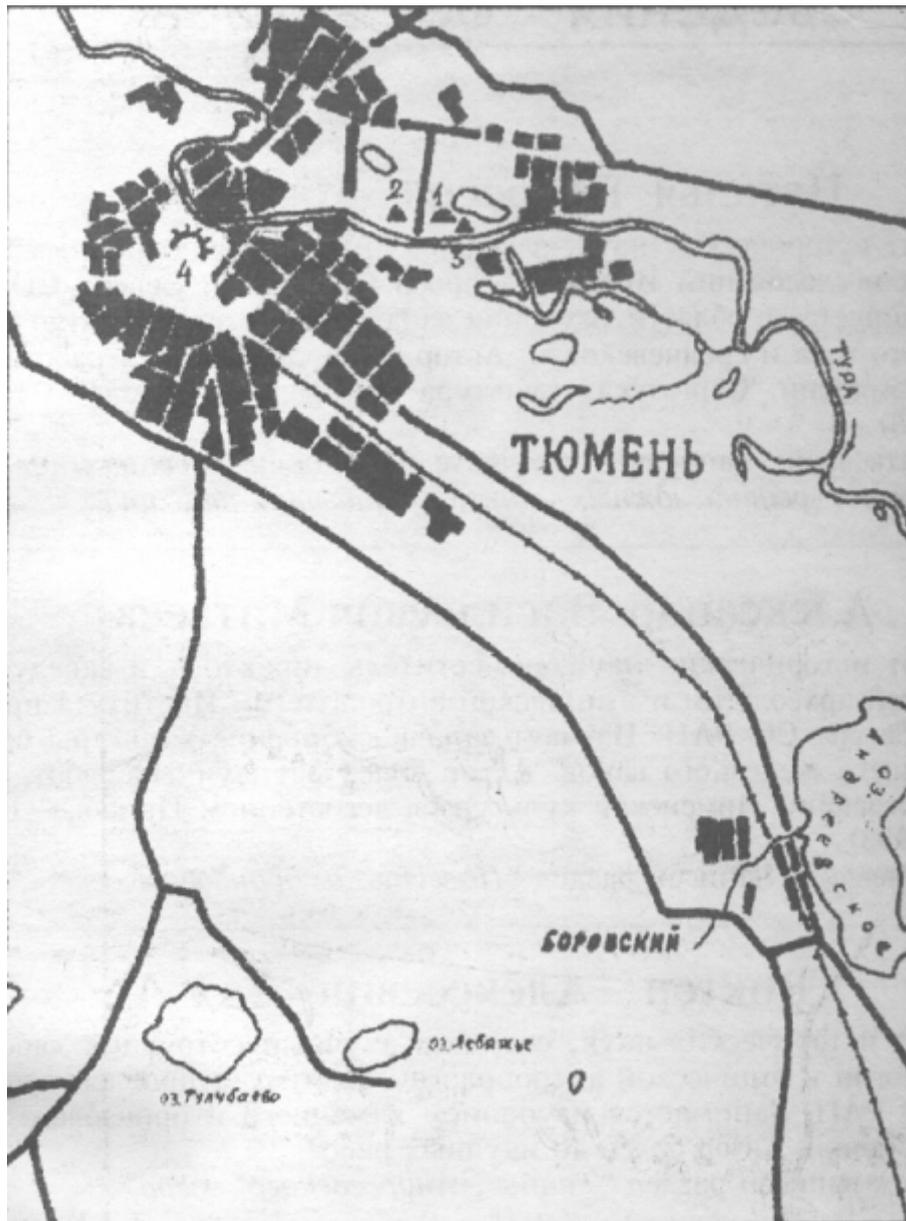
1- Борки; 2 - Черемуховый куст; 3 - Ук 3; 4 - Чистобяжский могильник; 5 - Ольховка; 6 - Красногорское городище; 7 - Богандинское городище; 8 - Созоновский могильник; 9 - Рафайловское городище; 10 - Коловское городище.

Схема расположения памятников на р. Дуван

- 1- Дуванское 1, могильник; 2 - Дуванское 2, поселение; 3 - Дуванское 1, городище; 4 - Андреевское 3, городище; 5 - Дуванское 1, поселение; 6 - Задуванское 1, поселение; 7 - Дуванское 5, поселение; 8 - Дуванское 17, поселение.

Схема расположения памятников в черте Тюмени

1- Мысовские курганы; 2 - Мысовское 3, поселение; 3 - Мысовское 2, поселение; 4 - Чимги-Тура, городище.